

"Капля света"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Ольга Егорова

Капля света

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Чай со вкусом апельсина

Из дневника Валерии

Моя жизнь иногда кажется мне сплошным темным туннелем. Избитое сравнение — ведь почти все люди, у которых жизнь безрадостная и беспросветная, сравнивают ее с длинным темным туннелем. И все же это именно так. Я ощущаю почти физически стены, вплотную сомкнувшиеся вокруг меня, не дающие сделать ни шага в сторону. Липкие, склизкие и влажные стены, не хочется к ним прикасаться, не хочется вдыхать воздух, который они источают. Иногда по ночам я просыпаюсь, задыхаясь от этого смрада. Просыпаюсь и вижу — темнота, мрак, ничто — моя жизнь Вот она, здесь. Приходится идти вперед, надеясь на то, что где-то за поворотом меня подстерегает пропасть. Бездна. Шаг в темноте — полет — и больше уже ничего не будет. Кончится наконец этот длинный темный туннель. Господи, зачем ты заставляешь меня жить вечно?

Меня — одну на всей земле, жить, переживая бесконечные смерти близких и любимых людей, идти потому туннелю месяцы, годы, столетия? Разве я заслужила это — вечную жизнь?

Возможно, кто-то посчитает, что мне всего лишь двадцать с небольшим. Заглянув в мой паспорт. Или определит это по каким-то другим незначительным параметрам внешности. Но я-то знаю... И все-таки что же это случилось со мной сегодня?

На самом деле это была странная встреча. Я покупала помидоры на рынке — — может ли в жизни быть что-либо более банальное? Я покупала помидоры, а она стояла рядом и покупала морковь. Сначала я услышала ее смех.

Я подумала, что такого не может быть. Что человек, живущий, как и я, на этой земле, просто не может так смеяться, если он не ребенок. Я посмотрела на нее, почти в полной уверенности — она сейчас исчезнет. Растворится в моем взгляде, потому что таких, как она, не бывает. Светлые длинные волосы — белый пух на тонком стебле одуванчика, смех на лице, голубые глаза, тонкая золотая цепочка на шее. С виду — примерно моего возраста, если бы не сотни лет, о которых только я одна знаю. Потом я услышала: «Возьмите помидоры, девушка». Какие-то помидоры, я вообще понятия не имела, о чем со мной разговаривают. Взяла помидоры, отдала деньги. Это уже потом, вернувшись домой я обнаружила, что забыла сдачу. А в тот момент я думала только о ней. Она стояла у меня перед глазами — живая картинка, воплощение счастья. Счастье во всем — в ее взгляде, в ее волосах, как магнит, притягивающих к себе солнечные лучи. Она сама, света казалось, была источником солнечного света и посылала его — на небо, блеклому солнцу, которое потухло бы на третий день творения без этого источника.

Вот бы, подумала я, хоть каплю — мне.

Хоть каплю этого света, и почему же в жизни все так несправедливо устроено, и еще о чем-то подумала, не помню сейчас — мысли путались в голове, а она уже расплатилась за свою морковь, повернулась и пошла куда-то, удаляясь от меня с каждым шагом. Хоть каплю, подумала я, бросилась за ней, зрелище не для слабонервных. Она, наверное, решила, что у

меня неправильная ориентация, когда я начала так бесцеремонно... Ошиблась — нет у меня никакой ориентации, ни правильной, ни неправильной, вообще никакой, у меня другая проблема — вечная жизнь. Я подскочила, схватила ее за плечо, снова подумала — хоть каплю! — и спросила, голоса своего не узнавая:

— Девушка, как вас зовут?

Она смотрела сначала немного растерянно, даже, кажется, испугалась меня, а потом все-таки ответила, смущенно улыгнувшись:

— Света.

И я отпустила ее. Я почувствовала, что мне больше ничего не надо. Я шла по улице, не замечая проходящих мимо людей, которые время от времени толкали меня то плечом, то локтем, и твердила про себя: «Света. Света, Света». Стараясь не забыть. Как будто можно забыть — такое.

А в глубине души разрасталось и крепло чувство; мы еще когда-нибудь встретимся...

— Что-то, Серега, барахлит твоя программка. Даром что «Сокол» называется — висит, как мышь летучая...

Сергей поднял глаза от компьютера.

— Вы, Альберт Петрович, извините меня, конечно только ведь много раз я вам уже говорил: вы слишком многого хотите.

— От тебя?

— Не от меня. От компьютеров. То, что вы задумали, превосходно. Только для воплощения в жизнь этой программы хотя бы самая скромная «четверка» нужна. На базе Интел с памятью не ниже двух с половиной. И уж никак не пентиум второй девяностого года выпуска.

— А это ты напрасно. Я узнавал, консультировался Машина здесь ни при чем. Нормальная машина. Сергей устало вздохнул.

— Альберт Петрович, послушайте. Не знаю, у кого вы там консультировались, только мне никакие консультации не требуются. Пока вы компьютер не поменяете, она так и будет висеть. А если не хотите, чтоб висела — значит, ее снова кромсать придется. Хотите, я прямо сейчас вам ее порежу. Процентом пятьдесят оставлю...

— Не надо. Программа хорошая. Только ты сделай так, чтобы она не висела...

«Бывают же на свете такие тупые начальники» — раздраженно подумал Сергей и сразу же прочитал ответ на свою мысль во взгляде Альберта: бывают же на свете такие тупые подчиненные...

Рабочий день закончился уже пятнадцать минут назад. Окончательно испортив Сергею Настроение, начальник его накинул куртку и попрощался. В кабинете остались Сергей и Оксана, которая в конторе выполняла обязанности менеджера. Причем менеджера многопрофильного, иначе говоря, в каждой бочке затычкой работала эта бедная Оксана, что для Альберта Петровича было весьма выгодно. Оксана, впрочем, тоже уже собиралась домой.

- Закроешь, Сережа?
- Закрою, — кивнул он не глядя.
- Да ладно тебе, не расстраивайся. Альберт ничего, добрый мужик.
- Доброта еще никогда не служила оправданием глупости. И жадности тоже.
- Да брось. Неплохо ведь он нам платит.
- Достал он меня уже. Было бы куда — ушел бы.
- В том-то и дело, что некуда. Да ладно, не нервничай. Все у нас с тобой еще впереди...
- Надеюсь, что не позади.
- Закроешь?
- Закрою, я же сказал.

Еще минут пятнадцать Сергей пытался сосредоточиться на виртуальных шашках. Но невидимый его соперник, видимо, в данный момент пребывал в гораздо лучшем расположении духа. Он уж точно с Альбертом был незнаком. Почувствовав, что партия проиграна, Сергей отключил шашки. Выключил компьютер, закрыл дверь и вышел на улицу.

Вечерний сумрак был каким-то тягучим и плотным, как водянистая каша, выплеснувшаяся на город. Сергей еще не забыл эту армейскую кашу, хоть и прошло уже пять с лишним лет с тех пор, как он питался ею в последний раз. Он шел по улице домой, с работы, как обычно, всё — как вчера и завтра, как всегда. Впрочем, не совсем как всегда — с той лишь разницей, что завтра суббота и на работу идти не надо. Оптимизма от этого не прибавилось — никаких планов на выходные не было, а это почти стопроцентная гарантия, что всю субботу и все воскресенье он будет думать только об одном: как же осточертела ему эта работа. Будет ждать понедельника, снова уставившись на монитор домашнего компьютера. Шашки, шахматы, нарды. Хорошо, что есть Интернет на свете. Без него — хоть в петлю...

Или, пожалуй, на дачу с родителями. Собирать последний урожай. «Ты ведь мужчина...» — Он даже услышал голос матери. Непонятно, с чего члены семьи его решили, что жизненное предназначение мужчины — собирать урожай на дачных грядках и что святое предназначение этого урожая — непременно быть собранным руками мужчины. Бред какой-то — кстати, его отец тоже не женщина...

Домой идти не хотелось. Хотелось чего-то другого. Простого и понятного, как жизнь. Банального, как глоток воды из-под крана. Чтобы забыть про Альберта. Про его тупость и жадность...

Он шел по улице, полностью поглощенный своими невеселыми мыслями, почти не замечая никого вокруг. Чуть не сбил с ног девушку, которая шла впереди него и внезапно остановилась как вкопанная.

«Черт», — подумал он раздраженно и обернулся. Стройная фигура, в меру обтянутая трикотажем, копна густых и светлых, как лен, волос. Девушка, кажется, что надо — так может быть, ему именно этого и надо? Сейчас, в этот тоскливый, серый вечер, неплохо было бы расслабиться... Такие красивые у нее волосы, и фигура прекрасная, и даже настроение у

Сергея на короткий миг стало лучше.

Всего лишь на короткий миг. Она обернулась, он увидел ее глаза и сразу понял — нужно идти дальше, не останавливаясь. Не будет никакого флирта, не будет прозрачных намеков, уютного вечера в уютном кафе и скрипа тахты на съемной квартире у приятеля. Нужно идти дальше не останавливаясь, снова подумал он, но почему-то продолжал стоять на месте, не двигаясь.

«Пожалеешь, — шепнул голос рассудка, — ох, как пожалеешь». Он и сам знал, чувствовал, что пожалеет. Что ни к чему ему все это — вселенская скорбь, сконцентрированная тысячекратно во взгляде голубых глаз незнакомой, чужой девушки. Пока еще незнакомой, пока еще чужой, пока еще можно все исправить, только не нужно стоять как столб и смотреть на ее туфлю. На туфлю, которую она почему-то держит в руке. Это совсем не то, что нужно ему сейчас. Совсем не те глаза, не тот взгляд. И это не Кнопка, тоскливо заныло сердце, и он снова подумал о том, что ничего уже не исправишь. Была бы Кнопка — было бы проще, не было бы никаких проблем, только Кнопки нет, вообще уже не существует в природе...

Шум поезда привычно звучал далеким эхом. Еще тысячи ничем не связанных мыслей пронесли в голове прежде, чем он услышал ее голос:

— У меня сломался каблук.

Так вот в чем дело... Оказывается, существуют еще на свете простые вещи, которые все объясняют. Вот почему она держит туфлю в руках. Только ему уж точно нет до этого никакого дела. У него — семья, огород, урожай...

— Я вам очень сочувствую, — услышал он свой голос и почувствовал, что ноги наконец оторвались от земли. Сделал шаг, другой, оставляя позади — волосы, белые, как лен, что-то недосказанное во взгляде голубых глаз — все то, что было совершенно ни к чему. Совсем не то, совсем не нужно.

— Подождите.

Голос из-за спины заставил его обернуться. Сердце сжалось в тоскливом предчувствии. У него что, на лбу написано — экстренная психологическая помощь? Или она вообразила, что только у нее одной на душе может быть хреново?

— Ну что еще, — хмуро бросил он, стоя вполборота.

— Говорю же вам, у меня каблук сломался.

Она свои глаза, интересно, хоть раз в зеркале видела? Если бы видела, догадалась бы, наверное, что эта святая простота никак со всем остальным не вяжется. С глазами по крайней мере. Снова, как всегда, вспомнилась Кнопка — как с ней было просто, никаких тебе недосказанных фраз и полунамеков.

— Девушка, я вам очень сочувствую. Но помочь, к сожалению, ничем не могу. Обратитесь в мастерскую.

«Нахамил? — подумал Сергей, прислушиваясь к собственным ощущениям. — Нахамил, кажется. Сразу заметно: — сдвинула брови, заморгала ресницами. Ресницами, мягко сказано — ресницащами, вот так будет точнее. Интересно, она их специальными удобрениями подкармливала, как помидоры на грядке, чтобы они такие длинные вымахали, или это от рождения? Ох уж эти грядки помидорные...» Только не на того напала — прошли уже те золотые деньки, когда он западал на женские ресницы. И не нужны ему эти отношения

серьезные, которые она своим взглядом пытается ему навязать. Стоит, держит в руке туфлю и источает флюиды: я е такая, как все! Во мне скрыта тайна, загадка, ты будешь любить меня, ты захочешь остаться со мной — навсегда... Нет, не на того напала. Не будет он вешать на себя ее проблемы, и сломанный каблук в том числе. Свобода дороже, чем сто тысяч пар женских глаз. Пусть острижет свои ресницы.

— Послушайте, подождите, — произнесла она почти умоляюще. — Он совсем сломался, вот, видите?

Она продемонстрировала: каблук в одной руке, туфля — в другой. Ничего более убедительного в жизни видеть не приходилось.

— Вижу, — констатировал он со вздохом.

— Может быть, поможете мне дойти хотя бы до остановки?

— Помогу, — ответил он без эмоций и протянул руку.

Подумал: черт с тобой, доведу тебя до остановки, посажу в такси, даже расплачусь за это такси, лишь бы поскорее ты исчезла из поля зрения. Ушла из моей жизни — только кто сказал, что она успела уже в нее войти? Глупость какая, он даже имени ее не знает.

— Вас как зовут? — спросил кто-то вместо него. Он-то уж точно не мог этого спросить, ему это совсем ни к чему было, неинтересно. И непонятно вообще, откуда взялся этот голос, кому он принадлежал, потому что, кроме них двоих, поблизости никого не было.

— Света, — ответила она. — А вас?

— Сергей.

Он согнул руку в локте, представив себя со стороны и мысленно усмехнувшись — в самом деле, видел бы его сейчас кто-нибудь из приятелей! Этакий импозантный кавалер, степенно ведущий по улице прихрамывающую даму. Никаких тебе иллюзий — эта девица не из тех, которые запросто согласятся пойти «посмотреть какой-нибудь фильм» на съемную квартиру к приятелю. Не из тех и не из этих... Видно по глазам. Только что же это может быть такое, что так сильно зацепило его в этом взгляде голубых глаз, обрамленных длинными ресницами?

«Ведь это, дорогой мой, стандартно, — усмехнулся он мысленно. — Слишком стандартно — голубые глаза, обрамленные длинными ресницами. Бархатными, как обычно говорят в таких случаях. Кукла Барби, каких полным-полно в магазинах. Что за глупость — пытаться разглядеть вечность в глазах куклы Барби? С каких это пор тебя потянуло на шаблоны? Стареешь, приятель!»

Что-то было в ее глазах. И совсем не потому, что они большие и голубые, и ресницы эти бархатные совсем ни при чем. Оно, это что-то, было внутри, а в глазах только отражалось, как в зеркале. Душа, промелькнуло избитое сравнение — глаза ведь, говорят, зеркало души. И именно поэтому — как раз поэтому не стоило, не стоило начинать все это, останавливаться, вступать в разговор, спрашивать имя. Нужно было бежать — просто бежать не оглядываясь. Наверное, только так можно было спастись.

Она шла рядом и молчала почему-то. Хотя, по идее, должна была бы щебетать ему о том, какого скверного качества обувь продается в магазинах, о том, сколько денег она отвалила на прошлой еще неделе за эти бархатные туфельки, и вот теперь во что они превратились. О

правах потребителя, о погоде, черт возьми, но почему-то она молчала, молчала так, как будто они знали друг друга сто лет, и им должно было, быть уютно в этом молчании. Сказала что-нибудь, что за игры такие дурацкие, кем она вообще себя вообразила? Банальный, ни к чему не обязывающий разговор был необходим, как воздух, он это чувствовал и выдохнул наконец:

— Как же это вы так умудрились каблук сломать?

— Не знаю, — ответила она, — сама не поняла.

— И часто с вами такое случается? — не отступал он.

— Никогда раньше не случалось. В первый раз.

Он даже остановился на мгновение. Глотнул воздуха побольше — черт, что она себе позволяет! Что за идиотские двусмысленные фразы — никогда раньше, в первый раз. В глаза не смотрит, и это тоже, наверное, тактический ход, чтобы загадка была настоящей загадкой, чтобы пришлось поломать над ней голову по-настоящему. Никогда раньше. В первый раз. И думай теперь, ломай голову — о чем это она вообще? И он не выдержал:

— Послушайте, Света. Вечер такой замечательный, вы не находите? Давайте проведем его вместе!

— Вместе? — Она подняла на него глаза.

— Ну да, вместе. На квартире у моего приятеля, один мой приятель снимает очень уютную квартиру, здесь неподалеку, мы все туда по очереди ходим с девушками. Я уверен, вам понравится.

— Почему вы в этом уверены?

— Ну, знаете, никто еще не жаловался. Все обычно довольны, всем нравится... Возьмем бутылочку вина или водки, если хотите, выпьем... Как вам мое предложение?

Он даже вздохнул облегченно — гора с плеч свалилась. Вот сейчас, сейчас уже она сделает обиженное лицо, скажет — я не такая, пошлет его к черту и зашагает себе прочь, гордо припадая на правую ногу. Она из таких. Она такая, он выбрал верный ход. Ну же давай, что ты молчишь?

Она молчала. «Добить», — подумал он и добил:

— Да вы не думайте, это не займет много времени. Через час, максимум полтора дома будете. И вообще, давай на ты?

Она молчала. Как в рот воды набрала. Это было просто невыносимо, Господи, что же он должен еще сказать? Может, предложить ей групповой секс, пообещав прибытие на квартиру ещё парочки извращенцев? Неужели недостаточно всех тех гадостей, которые уже прозвучали? О чем она еще думает, в чем сомневается? Давно пора бы — размахнуться, хлестануть его по морде и зашагать гордо, припадая...

— В принципе я свободна, — донеслось до него как гром среди ясного неба. — Располагаю своим временем, как хочу. Если ты серьезно приглашаешь...

Куда уж серьезнее, подумал он. Ничего более серьезного он в своей жизни еще никому не

предлагал, теперь остается только последняя инстанция — рука и сердце.

— А замуж за меня пойдешь? — поинтересовался он, пытаясь изобразить на лице улыбку полного идиота. Ну что ей еще нужно? Наглый, высокомерный, подлец, подонок практически — гони же прочь, что ты молчишь и хлопаешь своими ресницами?

— Я подумаю.

Она улыбнулась, из чего Сергей сделал вывод, что вся его отчаянная маскировка провалилась к черту. Или она его раскусила, или ей было по барабану его внутреннее содержание, и она просто запала, как это случается часто с девушками юного возраста, на его смазливую физиономию. Не надо было вообще с утра бриться, может, был бы хоть чуточку пострашнее. Только ерунда все это, вообще не версия. Она не глупа, не легковерна и не похотлива и совсем не юного уже возраста, не про нее все это. Напротив, серьезная и легко ранимая, очень легко ранимая, и нужно было в самом деле родиться на свет законченным подлецом, чтобы выплескивать на такую вот девушку целый ушат помоев, что он только что и сделал своими собственными руками.

Захотелось вдруг прикоснуться к ее щеке и сказать тихо: «Прости, я не хотел. Я просто испугался. Я вообще не готов — к такому» Захотелось прижать к себе и спасти от чего-то неминуемого и страшного, что непременно обрушится, непременно случится с ней, если только он вовремя не вмешается. Прижать к себе и не отпускать уже никогда... Никогда, никогда еще с ним такого не случилось.

— Извините, — пробормотал он, снова почему-то, начав обращаться к ней на вы.

Она как будто и не заметила перемены в нем. Перемены, однозначно сигнализирующей о том, что он сдался почти окончательно. А может быть, сделала вид, что не заметила.

— Ну, так мы идем?

Ему просто было нечего сказать. Идем куда? В старую однокомнатную хрущевку, в которой кроме обшарпанной тахты, застеленной бельем многоразового использования, холодильника и стола на трех ножках, нет ничего? В эту конуру, в которой перебивала, наверное, добрая половина девиц города Саратова, отличающихся легким и не слишком легким поведением? Туда — с ней? Она что, с ума сошла, что ли? Или, может быть, к нему домой, к родителям? И что? «Здравствуй, мама, здравствуй, папа, здравствуйте, родители, это Света, моя судьба, я влюбился в нее с первого взгляда и полчаса назад предложил ей стать моей женой, она обещала подумать?»

—Эй, Сережа, — она смеялась, — ты где?

— Я здесь, ответил он хмуро. — Может быть, мы не пойдем туда, а просто прогуляемся?

Она улыбалась — так и светилась вся изнутри. Показала ему каблук, зажатый в правой руке.

Да уж, вот это глупость он сморозил. Очередную, не первую и даже не третью за такой короткий промежуток времени. Тогда надо ее посадить в такси и попрощаться? Оставить номер телефона? А если она не позвонит? Взять у нее номер — а если у нее нет телефона? Посадить в такси, попрощаться и больше не увидеть никогда? Самое правильное, самое справедливое решение. Только, кажется, теперь он уже на это не способен.

Он объяснит ей все по дороге. Скажет, что квартиру снимает один его приятель, бедный

студент, у которого просто нет средств на покупку мебели и ремонт. Постарается говорить убедительно — она поверит, должна поверить. Но слова почему-то не слушались языка, мысли путались, сбивая друг друга, как пассажиры тонущего корабля или самолета; терпящего аварию. Это называется — паника.

Она продолжала идти рядом, прихрамывая на правую ногу, придерживаясь за его локоть. Место, где примостилась ее рука, стало уже теплым. Оставалось пройти один квартал повернуть за угол и неужели? Нет, представить себе такое было невозможно. Он уже всерьез собирался предложить ей зайти в обувной магазин. Купить ей другие туфли, пусть самые дорогие на свете, не важно, только бы предотвратить эту катастрофу. Катастрофу, ничего другого и быть не может, потому что как только она зайдет туда, как только она увидит и все поймет, наконец...

Они как раз проходили мимо обувного магазина. Только трехсот рублей с мелочью, оставшихся после полочки, едва ли хватит на покупку даже тапочек. Обувной магазин остался позади; теперь уже от старой хрущевки, в которой и находилась «хаза», их отделяло одно лишь здание Сбербанка. «Ограбить банк, купить туфли, — усмехнулся он. — Ни денег у тебя, ни пистолета. Не твой сегодня день, Серега».

Она все молчала. Это странное ее молчание, молчание старой знакомой, которой не нужно заставлять себя говорить о чем-то только ради поддержания разговора, почему-то не отталкивало, а еще больше притягивало его.

— Вот мы и пришли, Света. Это здесь. Ты не передумала?

Она одарила его слегка удивленным взглядом — с чего бы это ей передумать? Ключи лежали в кармане. Можно было еще сказать, что он потерял или забыл ключи, только ведь в таком случае им придется расстаться, он посадит ее в тачку и дальше будет полная неизвестность. Он снова, на этот раз более отчетливо и пронзительно как-то почувствовал, что боится ее потерять,

— Ну, проходи тогда. Ты только извини, здесь не слишком... Мой приятель, он, знаешь, не очень-то... Все, что он смог сказать. Неубедительно и невнятно. Она сбросила туфли, прошла в комнату впереди него. Он зажмурился.

— Твой приятель увлекается балетом?

Он даже не знал, что сказать в ответ. Заметил, наконец, фотографию Анастасии Волочковой, прикрепленную к стене канцелярскими кнопками. Вспомнил — да, есть один такой приятель, который несколько дней назад прилепил к стене этот постер. Только он даже имени этой балерины не знает, ему просто ее ноги понравились, вот и прилепил. Что тут ответишь?

— Увлекается, — выдал он единственно возможный вариант ответа. — Не слишком, но... Есть немного.

— Понятно, — ответила она, окидывая взглядом пространство.

— Да ты присаживайся, — предложил он, уже позже осознав очевидное: присаживаться было негде. Только скрипучая тахта, на которую слишком небрежно было накинуто какое-то древнее покрывало, синее в цветочек. Из-под покрывала выглядывал краешек смятой простыни.

— Сейчас, подожди. — Сергей быстрым шагом пересек комнату и попытался расправить покрывало, потянул его на один угол — сразу оголился другой, потянул в другую сторону —

обнажилась противоположная...

— Дай-ка, — услышал он ее голос. Она отстранила его, расправила покрывало — оно тотчас же послушно выровнялось, полностью прикрыв «срамные места».

— Надо же, как ловко у тебя получается.

Она обернулась, посмотрела на него пристально. И вдруг улыбнулась — так просто, так открыто, и он, наконец почувствовал, что больше не стоит ни о чем переживать, и рассмеялся вместе с ней.

— Ты прости, что я тебя сюда привел. Сама видишь, что это за квартира и какое у нее назначение.

— Чисто техническое, насколько я понимаю, — ответила она, продолжая смеяться. Вся комната будто бы озарилась искрами ее смеха, и Сергей подумал: как же ей подходит это имя — Света... Для чего оно, это глупое мертвое солнце, когда есть на земле такая девушка Света?

— Тебе очень подходит твое имя, знаешь. — Он как-то резко оборвал свой смех и смотрел теперь на нее задумчиво.

Она кивнула в ответ и опустила глаза. Улыбка медленно растаяла на лице.

Некоторое время они так и продолжали стоять друг против друга, замерев в наступившей тишине, поглотившей все посторонние звуки, — шум за окном, тиканье будильника, отсчитывающего минуты на полу возле кровати. Ему захотелось взять ее за руку, прикоснуться губами к коже — удивительное, почти забытое ощущение, когда девушка вызывает в душе одну только бескрайнюю нежность, неподвластную грубым позывам плоти.

— Да, местечко для избранных, скажем так. — Она снова тихо улыбнулась. — А здесь, случайно, не найдется пары женских туфель?

— Женских туфель? Боюсь, что туфель не найдется...

Он знал почти наверняка: в ванной можно обнаружить массу предметов женского туалета, шпильки и расчески, забытые помады и полотенца, даже нижнее белье, если постараться, можно найти. Но вот без туфель отсюда, кажется, еще ни одна не уходила.

— Что ж, тогда попробуем решить проблему другим способом. Я сейчас позвоню подруге и попрошу ее привезти мне туфли. Есть у меня одна подруга, которая живет здесь неподалеку. А пока мы с тобой будем пить чай. Есть здесь чай?

— Чай, — пролепетал он. — Насчет чая не уверен, а кофе наверняка найдется.

— Кофе я не пью. — Она вздохнула. — Мне не нравится его вкус. Кроме горечи, не чувствую ничего.

— В принципе чай — не проблема, — осенило его внезапно. — Здесь неподалеку продуктовый магазин. Если ты согласишься меня подождать, я сбегаю. Пять минут — туда и обратно.

— Конечно. — Она снова улыбнулась, кивнула. Он уже завязывал шнурки на ботинках.

— Сережа, а где здесь телефон? Мне же позвонить нужно, — напомнила она.

— Телефон на кухне. Только ты, знаешь, не обращай внимания...

— Это я уже поняла. Можешь не беспокоиться. Я заодно чайник поставлю... Кстати, ты какой чай предпочитаешь?

— Я? Не знаю, мне без разницы...

— Тогда купи фруктовый. Я больше всего люблю чай со вкусом апельсина.

— Чай со вкусом апельсина, — пробормотал он. — Да, конечно. Со вкусом апельсина...

Он выскочил из подъезда и помчался почти бегом в сторону продуктового мини-маркета, отметив про себя, что в первый раз в жизни собирается покупать чай в этом магазине. Не вино, не закуску к спиртному, как это было всегда. И вообще кажется, это первая девушка в его жизни, с которой он собирается пить чай. Просто пить чай, и при этом чувствует себя на самом вершине блаженства... Внутренние «тормоза» уже не срабатывали. Впрочем, он знал, что никакие тормоза уже не помогут. Наверное, так всегда бывает, когда случается с человеком — любовь...

«Стоп, что за ерунду ты городишь, — остановил он себя. — Что за чушь ты несешь, парень, тебе ведь уже не пятнадцать лет. И даже не двадцать. Это не первая девушка в твоей жизни, не десятая и, вероятно, даже не двадцатая. Тогда отчего же?»

Он не мог объяснить себе, отчего все это. Отчего стучит сердце, откуда эта дикая злость на ни в чем не виноватую продавщицу мини-маркета, которая утверждает, что чая с ароматом апельсина у нее нет? Почему он не идет спокойно по улице, а почти бежит, с трудом сдерживая себя, чтобы не пуститься галопом. Откуда эта детская радость при виде дурацкого чая со вкусом апельсина, найденного наконец в третьем по счету магазине? Кажется, он в жизни не испытывал подобного прилива положительных эмоций от покупки простого чая...

Так и не ответив ни на один из поставленных вопросов, он решил отложить разбирательство на более позднее и более подходящее время. Вернулся, взлетел по лестнице, нажал на кнопку звонка.

— Это я, Света!

Она почему-то не открывала.

«Наверное, по телефону разговаривает, не слышит», — подумал он как-то неуверенно. Достал из кармана ключ, открыл дверь, вошел и окликнул ее:

— Света!

Она почему-то не отзывалась.

И туфли ее исчезли. Испарились куда-то.

— Света! — снова окликнул он, все еще надеясь, что она, может быть, всего лишь решила над ним подшутить. Зашел в комнату — ее там не было. '[В кухне тоже не было. Нигде не было...

Он бросился почему-то к окну, на секунду даже поверив в то, что она улетела. Черт возьми, может быть, она и правда умеет летать? «Идиот, — сразу же осадил себя. — Она просто вышла. Через дверь. Обычным способом...» Только почему?

Он сидел на кухне и долго смотрел на упаковку с чаем, зачем-то бесконечно читая все то, что

было на ней написано: «Элитный сорт...»

— Элитный сорт, — повторил он вслух. — Только теперь это уже не имеет никакого значения.

На душе было отчаянно грустно.

«К берегам твоей любви я обязательно причалю!» — раздавался с экрана голос певицы, имени которой Павел не знал.

Он вообще никогда не интересовался всеми этими бесконечными певицами, плодящимися на эстраде, как кролики. А теперь вот слушал. Слушал эту глупейшую песню и даже подпевал. Не вслух, конечно, — наверное, это была бы уже самая последняя стадия. Пела душа...

Поглупевшая душа. Душа, одуревшая от счастья. Душа, поверившая в то, что даже в сорок девять лет она еще способна на такое — запеть. И запела...

— Паша, ты что там смотришь? — послышался из соседней комнаты голос жены.

— Я...

Он вовремя спохватился, подумав вдруг, что для Риты его признание в том, что он смотрит «Фабрику звезд», было бы, наверное, равносильно признанию во всем остальном. В том, что случилось...

«А ведь придется, рано или поздно — все равно придется», — кольнуло где-то глубоко, на самом дне души, внезапно прекратившей мурлыкать слащавый мотивчик. Но это — потом. Не сейчас. Сейчас еще рано. Слишком еще все неопределенно, зыбко. Неустойчиво, как карточный домик...

— Пытаюсь понять, — ответил он наконец. — Правду ли говорят, что на отпрысках гениев природа отдыхает.

— По-моему, это совершенно очевидно. И необязательно было устраивать для доказательства столь банальной истины такое грандиозное шоу — спокойно заметила Рита и добавила как бы между прочим: — Кстати, ты занимаешься этим уже без малого час...

Она вышла из спальни и остановилась в проеме двери.

Высокая, удивительно стройная для своего возраста. Почти молодая.

«Молодящаяся», — ухнуло где-то внутри. Так что с того, возразил он беспомощно и продолжал разглядывать Риту.

У нее были каштановые волосы. Как и тогда, почти тридцать лет назад. Когда он увидел эти волосы впервые, сразу понял, что хочет разделить с ней, с этой удивительной девушкой, всю свою жизнь. Хочет просыпаться по утрам и видеть ее. Засыпать, чувствуя рядом ее теплое дыхание. Хочет приносить ей завтрак в постель, когда она заболит. Дарить цветы, носить на руках...

Собственно, она почти не изменилась. Те же густые каштановые волосы. Хотя теперь ей приходится крашивать белые прядки, оказавшиеся самыми нестойкими в борьбе с беспощадным временем. Что с того? Ведь цвет волос остался прежним, можно и не вспоминать, не думать о краске. И кожа прекрасно сохранилась. Тот же матовый, безусловно ровный

оттенок. Ни капли тонального крема— ни тогда, ни сейчас. И улыбка та же...

— Чему ты так загадочно улыбаешься?

— Не знаю, — она пожала плечами, — ты выглядишь немного забавно. В этой футболке...

— Почему я выгляжу забавно в футболке, которую носил два года и никогда не выглядел в ней забавно?

— Наверное, потому, что впервые за два года ты надел ее наизнанку...

— Черт, — выругался он. — И правда... Бить будешь?

Она что-то отвечала, тихо улыбаясь. Он почти не слышал. «Вот ведь, — пронеслось в голове. — Совсем дошел, старый маразматик. Окончательно свихнулся. Завтра, пожалуй, забудешь надеть ботинки и пойдешь на работу в носках. И будешь снова выглядеть забавно. Очень, очень забавно...»

Он передел футболку. Внимательный и слишком придирчивый в последнее время взгляд успел отметить вялость и зарождающуюся дряблость кожи. Намечающееся брюшко, которое даже просторная одежда скрывала уже не слишком успешно. Он иногда задумывался о том, как несправедливо всё устроено в жизни. Почему тело стареет так скоростижно, что душа не успевает за ним? Или отчего душа стареет так медленно?

«Нет, — усмехнулся он, — ошибаешься, Павел Алексеевич. У тебя просто крыша поехала, а тело и душа — с ними все в порядке. Крыша — это нечто другое, существующее отдельно от души и тела...»

Рита подошла, опустила рядом на диван. Некоторое время молча смотрела в телевизор — видимо, чисто механически, почти не замечая мелькающих перед глазами лиц и улыбок.

— Спать не собираешься? — наконец спросила она, слегка прикоснувшись кончиками пальцев к его ладони. Знакомое, родное прикосновение, от которого раньше так часто замирало сердце. Раньше...

— Нет, все равно не засну так рано. Бокс еще посмотрю...

— Бокс только через час начнется.

— Ничего страшного. Газету полистаю.

— Как хочешь.

Она поднялась и медленно вышла из комнаты.

Он услышал, как зашумела вода в ванной, и снова подумал о том, что когда-то эти звуки были для него призывными. Когда-то сердце замирало, падало в пропасть — он представлял себе ее прохладную, свежую, влажную кожу и не мог дождаться, когда же наконец сможет к ней прикоснуться. Теперь же...

«Это нормально, — убеждал он себя. — Нормальная ситуация для людей, проживших двадцать семь лет в браке. Ты ведь знаешь, это у всех. А у многих наступило раньше, гораздо раньше...»

И все же было жалко Риту. Безумно жалко стареющую Риту, верную Риту, красивую, умную,

мудрую Риту. Риту, которая каждый раз — он это знал! — ждала его в спальне и надеялась почувствовать себя желанной, как прежде. Пусть не каждую ночь, но хотя бы раз в неделю... Вот уже почти два месяца — напрасно. Но он ничего не мог с собой поделать. Это было выше его сил. Это казалось ему диким: закрыв глаза, целовать Риту и представлять себе ту, другую. Ту, которую он до сих пор так и не познал. Но о которой думал дни и ночи. Валерию...

И снова закружилось перед глазами, едва только он произнес мысленно ее имя и представил себе волосы, глаза, тонкие пальцы, детские губы.

Девочка, перевернувшая всю его жизнь. Совсем еще девочка, почти ровесница его сына... Студентка. Может ли в жизни быть что-либо более тривиальное, чем преподаватель, влюбленный в студентку? И может ли быть в жизни что-либо более безнадежное и более жалкое? «Зачем все это, — в который раз спросил он себя. — Для чего, ведь у тебя есть жена. Прекрасная, замечательная жена. У тебя есть Рита...»

Рита пока еще не знает, в чем дело. Рита думает, что у него обычные, характерные для возраста и уже намечавшиеся раньше проблемы с потенцией. Но рано или поздно Рита догадается. Его жена слишком хорошо его знает, чтобы поверить в эту чепуху. Она догадается. А если и не догадается — ему все равно придется рассказать ей об этом. Самому. Несколько часов назад он обещал Валерии, что сделает это. И что же будет тогда?

Ему не хотелось об этом думать. Он просто знал, что не хочет терять Риту. Но ту, другую, он тоже не хочет терять. Ни за что в жизни не хочет. Слишком мучительно делать этот выбор. Но увы, придется... Потому что этого хочет она. Валерия...

Он не ожидал, что с ним может такое произойти. За двадцать с лишним лет работы в университете у Павла не случилось ни одного романа, хотя он всегда был ярким, интересным мужчиной и пользовался у женщин большим успехом. У него была масса приключений, он даже чуть было не женился однажды по глупости. Но все приключения остались в прошлом, когда в его жизни появилась Рита.

Рита — отчаянная и дерзкая девчонка, которой тридцать лет назад взбрело в голову продемонстрировать ему, что такое настоящая смелость. Павел тогда отдыхал на пляже вместе с Костиком, давним своим приятелем. Позже, вспоминая этот пляж, он всегда смеялся; в самом деле, трудно было бы даже представить себе более неподходящее место для столь романтической встречи. Грязный песок, там и тут валяющиеся пивные бутылки, пачки из-под сигарет и еще бог знает что. Обычный заброшенный пляж, каких по берегу Волги не счесть. Просто этот пляж находился неподалеку от дома, поэтому он и отдыхал там каждое лето.

То лето оказалось особенным, счастливым. Незнакомая еще Рита лежала неподалеку и читала какую-то книгу. Волосы были спрятаны под косынкой, на глазах — темные очки. В остальном — ничего особенного, поэтому Павел не обратил на нее никакого внимания. Лежит себе девчонка неподалеку, читает. Пусть себе читает, кому какое дело...

С Костиком у них тогда завязался спор — сможет или не сможет Пашка, три года не слишком успешно занимавшийся в секции плавания, переплыть Волгу. Доплыть до противоположного берега, который находился на расстоянии около трех километров. Волга в том месте была широкая, но Павел прикинул и подумал, что, пожалуй, сможет. Сделали ставку — ящик пива, и он зашел уже в воду почти по колени, посмотрел вдаль и вдруг испугался. А что, если сведет судорогой ногу? Ведь такое с ним случилось однажды, и тогда он с большим трудом дотянул до берега. Но в тот раз ему пришлось проплыть метров двадцать, а не три километра...

«Глупо, — подумал он, — абсолютно глупо рисковать собственной жизнью из-за ящика пива». Постоял еще немного возле воды и вернулся к Костику. Махнул рукой:

— Черт с твоим пивом.

И в этот момент вдруг увидел, что на него смотрит, лукаво прищурившись, девушка. Та самая, с книжкой. Только теперь она сняла темные очки и косынку с головы.

Под очками оказались глаза — две темные вишни, под косынкой — волосы, которые вообще ни с чем сравнить было невозможно. «Черт, какая красивая», — подумал он и тут же устыдился своей трусости. Наверняка ведь она слышала, о чем они спорили. И вот теперь, видимо, смеется над ним, иначе как объяснить этот взгляд, заставляющий его краснеть? Он чувствовал, что краснеет, и готов был сквозь землю провалиться.

— Да, не слишком смелый в наше время сильный пол, — пропела она насмешливо и продолжала смотреть на него, не отводя взгляда.

Первым отреагировал Костик. Вступился за приятеля, только весьма странным образом:

— Сама попробуй, если такая смелая.

— И попробую, — ответила она, даже не удостоив своего обидчика взглядом. Взгляд ее почему-то был прикован к Пашке.

— Эй, ты куда? — изумился Костик, когда насмешливая девушка отложила в сторону свою книжку, поднялась и пошла к берегу.

Она только тряхнула в ответ волосами, разбрызгав по всему пляжу отраженный в них солнечный свет. Зашла в воду по колено, по пояс...

— Чокнутая какая-то. Неужели правда поплывет?

И она поплыла. Нырнула под воду, долго не показывалась, а потом всплыла уже достаточно далеко. И продолжала плыть, а Павел смотрел на нее и все никак не мог понять, что произошло.

— Поплыла, смотри! — Голос Костика потряхнул оцепенение. — У каждого, как говорится, свои странности... Ну и черт с ней. Попутного ветра, как говорится...

— Она же утонуть может! Ты понимаешь или нет?

— А ты чего так взбеленился? — усмехнулся в ответ на реплику Пашки приятель. — Мы-то здесь при чем?

Он и сам не знал, что ответить. Только чувствовал тревогу в душе и страх за эту отчаянную девушку с бронзовыми волосами.

Люди на пляже не обращали никакого внимания на то, что происходит. Каждый был занят своим делом. Кто-то, лениво поскрипывая карандашом по бумаге, разгадывал кроссворд. Небольшая компания парней и девушек неподалеку резалась в «дурака». Пожилая женщина читала «Правду». И даже Костик, который к возникшей ситуации имел самое непосредственное отношение, равнодушно развернул «Огонек» и принялся шелестеть страницами... Никому не было дела до девушки, которая уплывала все дальше и дальше.

И только Павел стоял как соляной столб и все смотрел вдаль, на удаляющуюся девушку, которая теперь уже превратилась в едва различимую на поверхности воды точку.
«Сумасшедшая, — без конца повторял он про себя, — сумасшедшая, она же утонет!»

Уже невозможно было стоять и смотреть на это. И он пошел к воде, с каждым шагом все быстрее и быстрее, прищуриваясь от слепящих лучей солнца и стараясь не потерять ее из виду.

— Эй, Пашка, ты куда? — встрепенулся приятель.

Павел ничего не ответил. Он уже плыл — вперед, за ней, теперь уже абсолютно уверенный в том, что не утонет. Просто потому, что он уже не может позволить себе такой роскоши — утонуть, оставив ее одну в этом безграничном водном пространстве, наедине с волнами и едва различимым где-то вдалеке горизонтом.

— Пашка! — орал с берега Костик. — Пашка, вернись!

Он еще долго слышал голос приятеля. А потом не осталось ничего, кроме плеска волн, едва различимого где-то вдалеке крика птиц и шума собственного дыхания. Вдох-выдох, вдох-выдох...

Сначала ему казалось, что доплыть до противоположного берега будет не так уж и трудно. Мышцы быстро вспомнили почти забытую технику плавания, и он почувствовал, что сможет экономить силы. Но вот со скоростью были проблемы. Он понял почти сразу, что не сможет ее догнать. И если у нее кончатся силы — это еще вопрос, успеет ли он вовремя, чтобы помочь. И хватит ли его на то, чтобы помочь ей...

Он старался не терять ее из виду. Вскоре, к своему удивлению, понял, что девушка плывет значительно быстрее его. Что скорость их практически несопоставима. Но это и успокоило его — здесь определенно чувствовалась профессиональная подготовка. Значит, никакая она не сумасшедшая, а просто спортсменка-феминистка, решившая поставить на место двух зарвавшихся парней. Значит, это еще вопрос кто из них не доплывет...

Доплыли оба. Рита, оказавшись, наконец на берегу, почти сплошь покрытом камышовыми зарослями, упала навзничь возле самой воды. Сквозь шум собственного дыхания не смогла расслышать приближения человека, а поэтому очень сильно испугалась, подскочила даже на месте, когда услышала вдруг у себя за спиной его голос:

— Ну ты даешь... Вот это скорость!

Выдохнув из себя эти несколько слов, он свалился рядом с ней, ощущая блаженную расслабленность тела, голове шумело. Он не видел ее глаза, но чувствовал, смотрит она на него с восхищением. И сердце замирала теперь уже не от страха, а от восторга. От радости, счастья...

Почти два часа они просидели в тот день на камышовом берегу. Разговаривали и почему-то смеялись без конца. Такое складывалось ощущение, что они уже сто лет друг друга знают. Павел начинал о чем-то говорить, подхватывала. Потом за ними приехала лодка берегов охраны: Костик, не выдержав долгого ожидания, вызвал| таки команду спасателей. Павел и Рита сидели в тесной лодке, прижавшись, друг к другу...

В тот вечер он проводил Риту до дома. Долго стояли они возле Ритиногo подъезда, он сжимал ее руки своих, но поцеловать так и не решился. Впервые с ним такое случилось — обычно с

девушками он не слишком церемонился, чувствовал себя уверенно, и эта внутренняя уверенность, уверенность хозяина, исходившая от Павла многих к нему и притягивала. С Ритой все было по-другому,

С тех пор они уже не расставались. Спустя год поженились, потом родился сын... «Все как у всех», думал иногда Павел, но сразу же мысленно возражал самому себе: нет, не как у всех. У них с Ритой не так. Потому что у них с Ритой — любовь настоящая, долгая, единственная... Никто и никогда не будет ему нужен, кроме Риты.

Приятели смотрели на него с усмешкой, когда речь заходила об обычных мужских развлечениях, в которых Павел никогда не принимал участия. Рестораны, дачи, шашлыки, девочки. Романы, интрижки... Ему всегда гораздо интереснее было прогуляться с Ритой по городу или банально посидеть вместе и посмотреть телевизор. Поговорить с Ритой или просто помолчать рядом с Ритой.

Все эти долгие годы он был ей верен. И никогда не думал, что в сорок девять лет...

Впрочем, остался верен Рите и до сих пор.

Если, конечно, духовную измену не считать за измену. Если не иметь в виду то, что все его мысли, все его чувства, все желания — всю его душу заполонила собой она. Валерия...

— Спокойной ночи, — услышал он где-то издали.

Рита стояла рядом. Наверное, давно уже стояла рядом и смотрела на него. И может быть, не в первый раз желала ему спокойной ночи...

Он поднялся, притянул жену к себе, прикоснулся сомкнутыми губами к прохладной щеке.

— Я думал о тебе, — честно сказал он. — Кстати, двенадцатый час! Где шляется наш оболтус?

— Это очень хорошо, — ответила она невпопад, как ему показалось.

— Что — хорошо?

— Что ты думал обо мне. А наш оболтус, насколько мне не изменяет память, обычно возвращается в первом часу ночи. Так что скоро придет, не переживай.

— Будем надеяться. Кстати, он завтра едет с нами?

— На дачу? Ты ведь знаешь, он никогда не относился к помидорным грядкам с большим энтузиазмом. Это мы, старики, без грядок не можем...

— Ты — не старик. Ты прекрасная, молодая женщина, — искренне возразил он. — Не говори глупостей.

— Прекрасно сохранившаяся, ты хотел сказать. Не молодая, а молодящаяся. Это почти то же самое, что и старик.

Он рассмеялся в ответ. Она была упряма и непоколебима. Она всегда была такой — ее невозможно было переспорить, невозможно ни в чем переубедить. При этом свою правоту Рита доказывала со столь очаровательной детской серьезностью, что даже самые неубедительные и абсурдные аргументы выглядели в ее изложении непреложными истинами. Вот как сейчас.

— Спокойной ночи, Рита.

Он снова притянул ее к себе, почувствовал запах волос, смешавшийся тут же с собственной тоской почему-то иному, и с досадой подумал о том, что теперь у него не запах волос Риты всегда будет ассоциироваться с чувством непроглядной тоски. Тоски по чему-то иному...

И снова — в сотый, в тысячный раз за вечер — он мысленно произнес ее имя: «Валерия». И закрыл глаза, представляя себе ее лицо. Сосредоточился, захотел вдруг сию же минуту услышать ее голос, ее смех, услышал, потому что память хранила эти сокровища! очень трепетно. Она, как заботливая хозяйка, ухаживала за ними, не позволяя им никогда потускнеть, померкнуть.

Всегда, в любую минуту, он мог слышать голос Валерии. Даже во сне. Но от этого на душе становилось еще тяжелее. Потому что тем отчетливее он осознавал, как не хватает ему этого смеха и этого голоса наяву. Каждый день, каждую минуту,

— Только, ради Бога, не включай телевизор слишком громко. Я не выношу этот твой бокс, — снова донесся до чего голос из настоящего. Голос Риты.

Он открыл глаза, успел поймать ее печальную улыбку. Потом она скрылась за дверью их общей спальни. И осталась там — одна.

И он тоже остался один. И снова Валерия возникла перед мысленным взором и заполонила собой все его мысли.

Из дневника Валерии

..Мой отец до сих пор жив.

И тем не менее он был первым близким человеком, чью смерть мне пришлось пережить.

Я помню его. Очень отчетливо, очень ярко. Несмотря на то что пыталась забыть все эти годы. Помню высокий лоб, жесткий подбородок, гриву рыжих кудрей, щетину на лице. Помню улыбку. Когда отец, улыбался, все вокруг освещалось этой улыбкой. Она источала какой-то удивительный, магический свет. В наше время это называется харизма. Тогда это называлось проще — обаяние.

Он часто подбрасывал меня на руках. Даже когда я уже была не очень маленькой, все равно его это забавляло — видеть свою Лерку, обожаемую Лерку — солнышко» как он меня всегда называл, среди облаков. Он подбрасывал меня, я смеялась, хоть и смущало иногда меня то что подол платья задирается слишком высоко и отец видит мои трусики. Я с раннего детства была очень стеснительной.

Я была счастлива, что у меня такой отец. Красивый, веселый, влюбленный в маму. Многие женщины завидовали ей, я это знала. И гордилась ими обоими — и мамой, и отцом...

Он умер, когда мне было девять лет.

Нет, сначала случилось еще кое-что. Сначала родилась Настя.

Мне не хочется сейчас писать о Насте... Я не готова еще к этому. Да и хронология тем самым нарушится, а мне бы этого не хотелось. Ведь Настина история случилась уже после того, как умер отец.

Мне было девять лет, когда это случилось. Я спала, внезапно сквозь сон услышала, как плачет мама. Я открыла глаза, прислушалась. Раньше мне никогда не доводилось слышать, как плачет мама. Я подумала: может быть, это плачет Настя? Но Настя была слишком маленькой, она не могла плакать вот так, по-взрослому.

Я вскочила и, путаясь в длинном подоле ночной рубашки, побежала в родительскую спальню. Там было, темно. Я приоткрыла дверь. Теперь мамины всхлипывания слышались отчетливо.

— Мама, ты плачешь? — спросила я у нее.

— Лера? Это ты? Почему ты не спишь?

— Я проснулась, услышав, как ты плачешь. Что случилось, мама?

— Ничего. Ничего не случилось. Иди спать, доченька.

В темноте родительской спальни я увидела силуэт матери — она лежала, полуобернувшись ко мне. Наверное, до той минуты, пока не появилась я, она просто лежала вниз лицом. Я тоже часто так ложилась, когда плакала.

Почему-то рядом с ней я не увидела отца. Я вспомнила, что накануне вечером он не пожелал мне спокойной ночи, потому что его просто не было дома в тот момент, когда я ложилась спать.

— А где же папа? — снова спросила я. Мама ничего не ответила и почему-то заплакала еще громче.

— Где папа? — повторила я свой вопрос, чувствуя первый раз в жизни, как сердце полностью заполонило отчаяние.

— Иди сюда, Лерочка. Иди ко мне, только ступай неслышно, чтобы не разбудить Настю. Знаешь, Настя очень чутко спит.

Я подошла и присела на краешек кровати рядом с плачущей мамой.

— Видишь ли, дочка. Ты уже большая... — Она прижала меня к себе и замолчала на некоторое время, а я вдруг подумала о том, что не хочу быть большой. Оказывается, нет ничего хорошего в том, что человек становится большим. Как же я раньше, глупая, этого не понимала. Ведь если бы я сейчас была маленькой — такой, как Настя, — мне не пришлось бы слышать всего того, о чем расскажет мама. — И ты должна знать правду. Твой папа больше не будет жить с нами.

Я сразу все поняла. Я на самом деле была уже большой и как-то быстро собрала воедино обрывки случайных услышанных прежде разговоров между матерью и отцом. Я сразу поняла, что наш папа теперь будет жить с другой женщиной.

— Как это? — спросила я, как будто была маленькой. Отчаянно пытаюсь снова стать маленькой, уменьшиться у мамы на глазах, чтобы она остановилась, не говорила, не заставляла слушать...

— Понимаешь, доченька, у него теперь другая семья... Он ушел от нас. Ушел жить к другой женщине,

Я знала, что мама не врет. И все же не хотела верить в то, что она говорит.

— Этого не может быть, — возразила я ей. — Папа не такой, он не мог нас бросить...

— Не плачь, Лерочка. В жизни всякое случается. И это — не самое страшное. Он по крайней мере не умер...

Мама что-то еще говорила. А я перестала уже слушать ее. Я внезапно совершенно отчетливо осознала: лучше бы — умер.

Было бы гораздо лучше для всех нас. Было бы правильнее. Было бы понятнее.

Было бы так: у меня больше нет папы, потому что его больше нет. А получилось: папа есть, и в то же время нет его.

Нет его больше у меня. Еще вчера был папа, а теперь нет...

— Мама, разве такое бывает? — спросила я.

— Бывает, Лерочка. И не такое еще бывает...

Она меня не поняла. Не поняла моего вопроса, совсем не об этом, и я вдруг почувствовала, что я старше. Что за эти несколько минут, проведенных в родительской спальне, я вдруг стала такой большой, такой взрослой, что даже мама оказалась в сравнении со мной маленькой...

Я стала старше собственной матери. Мой отец умер, еще не дожив до своей смерти. Оказывается, такое бывает...

Сергей открыл дверь ключами и вошел в темную прихожую. Не включая света, снял ботинки и прошел к себе. За стеной что-то неслышно бормотал телевизор. Прислушавшись, он понял: Оскар Де Ла Хойя снова пытается одолеть Феликса Штурма или еще кого-нибудь. Отец в последнее время не пропустил практически ни одного боя, хотя раньше подобного пристрастия к боксу за ним не замечалось. Мама, наверное, уже спала. На душе по-прежнему было тоскливо. Часы показывали начало первого. Он подумал о том, что у него есть шанс заснуть. Заснуть — и это значит, по крайней мере восемь — десять часов не думать, не вспоминать, не тосковать и не ломать голову над вопросом: что это было? «Что это было?» — в который раз спросил он у себя. И, в который раз не смог ответить ничего определенного. Потому что не понимал.

Прежде всего, не понимал себя. Откуда эта тоска, откуда беспросветная уверенность в том, что в жизни уже больше не случится ничего хорошего и, кроме серых будней и болезней в старости, его больше и не ждет ничего? что жизнь свою он уже прожил, и прожил ее неправильно, разменял на пустяки, на мелочи. Целую жизнь — на жалкие часы сомнительных удовольствий. Но с другой стороны, разве он знал? Разве мог знать, разве мог вообще подумать о том, что когда-нибудь случится с ним такое? Что одна случайная встреча может перевернуть всю жизнь и заставить убедиться, что все прожитые годы были лишь прелюдией? Что все свои неполные двадцать восемь лет он жил только для того, чтобы дождаться наконец этого дня и встретить ее...

Встретить — и сразу же потерять. Вот в чем было дело. Вот почему жизнь казалась прожитой напрасно. Потому что встретив, потерял... А если бы не потерял, если бы удалось им выпить на кухне по чашке чая со вкусом апельсина сейчас все было бы по-другому. Сейчас он, наверное,

был бы счастлив... Как не был счастлив никогда,

И от этого в душе рождалась злость. Эмпирическое понятие счастья сейчас казалось для него почти материальным, и было обидно, что это физически осязаемое счастье отняли. Как кусок хлеба у голодного. Как глоток воды жаждущего. Как золотую монету у скупого...

Злость, обида, досада. Жалость к себе. Как в детстве, когда мама наказывала несправедливо или слишком строго. Не пускала гулять, заставляя сидеть за уроками. Не разрешала смотреть футбол, потому что он начинался слишком поздно, когда маленьким детям пора было спать. Но, с другой стороны, мама никогда не наказывала беспричинно. Мама всегда была справедлива. Но то была мама. А это — жизнь...

«Это — жизнь!» — усмехнулся он.

Жизнь не принимает претензий. Творит, что хочет, не задумываясь о последствиях. Что толку жаловаться, жалеть себя, уповать на справедливость? Никто еще не придумал кодекса правил, согласно которому должна поступать жизнь. Попробуй докажи ей, что она не права. Что можно было бы и немного бережнее обращаться с человеком...

«И все же почему? Почему она так странно исчезла, ничего не объяснив? Появилась — и исчезла сразу же как будто испугалась чего-то. Только вот чего?» размышлял он, чувствуя, что сейчас ему, как никогда, необходимо с кем-то поговорить. Рассказать о случившемся, выслушать слова сочувствия... И от этого он тоже злился. От того, что ощущал в себе эту недостойную мужчины, абсолютно женскую потребность — поговорить. Пожаловаться. И еще хуже становилось на душе, еще тоскливее...

«Была бы Кнопка — было бы проще», — в который раз подумал он. Да, с Кнопкой можно было разговаривать обо всем. Несмотря на то, что была она девчонкой, всегда могла выслушать и даже посоветовать что-нибудь дельное. Еще сильнее защемило на душе. Все-таки трудно, почти невозможно бывает смириться с мыслью о том, что человека, который так долго был рядом, больше нет. Вообще нет на этой земле, нет в этом мире. Наверное, до конца он так и не сможет никогда поверить в это. Так и будет в глубине души надеяться на то, что однажды Кнопка снова появится. Что снова он увидит ее рыжие веснушки, зеленые глаза, детскую улыбку. Она появится, беззаботно плюхнет в кресло, поджав под себя, как обычно, острые коленки. Потребуется у него сигарету и как ни в чем не бывало примется рассказывать свои небылицы... Ведь больше всего на свете Кнопка любила — врать.

Он отчетливо, словно наяву, представил себе ее лицо. Круглые, чуть раскосые зеленые глаза, пухлые губы, дреды — косички — невероятную прическу, которая делала Кнопку похожей на негрятянского репера. Если бы, конечно, не была Кнопка такой беленькой и зеленоглазой.

Рука потянулась к ящику стола — там, в дальнем углу хранились Кнопкины письма. Те самые, которые она писала ему летом, когда он почти на целый месяц уезжал к старому приятелю в Питер. Забавные и печальные письма девочки-старшеклассницы, жалующейся старшему брату на не сложившуюся свою жизнь. Он захотел — снова перечитать эти письма, которые знал наизусть, и все же не решился прикоснуться к листкам бумаги, исписанным ее бисерным почерком. Почему-то показалось нечестным по отношению к Кнопке читать ее письма именно сейчас. Сейчас, когда мысли его были заняты той, другой. Синеглазой и светловолосой девушкой по имени Света. Кнопка, наверное, стала бы ревновать его...

«Что за чушь, — улыбнулся он. — Слава Богу, эта девочка никогда не была в меня влюблена». Она находила себе иные предметы страсти, чаще всего достаточно карикатурные. Влюблялась

без памяти в длинноволосого немытого хиппи, а через неделю начинала страдать, по его лысому антиподу. И каждую историю своей любви обязательно рассказывала ему, Сергею. Своему старшему брату, как она его называла. Забавная все-таки она была, Кнопка. Немного странная, смешная. И все же взрослая не по годам. Порой даже мудрая...

Вот этой Кнопкиной мудрости ему сейчас как раз и не хватало. Очень не хватало...

Приоткрылась, едва слышно скрипнув, дверь.

— Не спишь? — спросил отец и, не дожидаясь ответа, поинтересовался: — Где ты шляется?

— Так, гулял по улицам. Воздухом дышал.

— Воздухом в наше время дышать вредно. Он сильно загазован, к твоему сведению. Лучше вообще не дышать, чем дышать таким воздухом.

— Хорошо, папа. С завтрашнего дня попробую перестать дышать. Твой бокс уже закончился?

— Кажется, закончился, — без особой уверенности в голосе ответил отец. — Ты собираешься спать?

— Не знаю.

— Пойдем, выпьем по чашке чая,

— Пойдем, — равнодушно пожал плечами Сергей и поднялся с дивана. — Я, кстати, купил чай фруктовый. С апельсиновым вкусом.

— Маразм, — отрезал отец. — Чай должен иметь вкус чая, а апельсин — вкус апельсина.

— Ты так считаешь? Что ж, давай тогда выпьем по чашке обыкновенного чая.

Они долго сидели на кухне и разговаривали ни о чем. Подобные разговоры были для обоих необходимой частью жизни, хотя, возможно, ни отец, ни сын об этом не догадывались.

— Ты какой-то странный сегодня, — заметил отец. — Заторможенный, что ли...

Тостер выстрелил румяными гренками. Сергей вывалил гренки на тарелку и поставил на середину стола. Махнул рукой:

— Не обращай внимания. Просто устал на работе. Слава Богу, завтра выходной. Отосплюсь.

— А на дачу ты ехать не собираешься?

— Маразм, — усмехнулся в ответ Сергей, подражая интонации отца. — Ты считаешь, стоит гробить свою жизнь, выращивая овощи, которые продаются в магазине и стоят копейки?

— Не знаю, — пожал плечами отец. — Нужно же ради чего-то гробить свою жизнь. Какая разница ради чего? По-моему, овощи для этой цели вполне пригодны.

— И что же в них такого замечательного?

— Их, по крайней мере, можно есть.

— А можно и не есть, — возразил Сергей.

— Это негуманно по отношению к животным — есть овощи. Так считает Гринпис...

— Да, ты прав, и все же я не хочу ехать на дачу.

— И я тебя прекрасно понимаю. Более того, будь я твоим месте — просто послал бы подальше зануду-отца.

— Я не так воспитан, — вздохнул Сергей. — А то послал бы, наверное.

— Что ж, будем считать, что ты это сделал. Спокойной ночи. Можешь спать до обеда. Я передам матери, что на дачу ты не поедешь.

— Спасибо, папа.

— Не за что, сын.

Отец поднялся и вышел из кухни. Сергей окликнул его:

— Эй, папа!

— Я слушаю, — отозвался он из темноты прихожей.

— Знаешь, а ты ничего себе папашка у меня, нормальный... Я тебе не говорил об этом раньше?

— Говорил. Но мне все равно приятно. Спокойной ночи сын!

— Спокойной ночи.

Сергей с улыбкой на лице принялся споласкивать чашки, чтобы мама с утра не ворчала на отца.

Он знал — отцу и без того достанется за то, что тот не стал уговаривать сына-шалопаю ехать собирать урожай.

«Маразм, — повторял он про себя, расставляя чашки на полке. — Фруктовый чай—это маразм...»

На душе стало легче. Впрочем, так почти всегда случалось после разговора с отцом. Разговора, ничего не значившего и все же означающего так много...

Он убрал пачку чая в шкаф — подальше, чтобы не попадалась на глаза. Собрал со стола крошки от гренков. Огляделся — кругом была чистота. Вернулся в комнату, постелил постель и заснул почти сразу.

Пытаясь заснуть, Павел думал о сыне.

Еще один близкий, дорогой человек, которого в скором времени он тоже потеряет.

В том, что потеряет, сомневаться не приходилось. Узнав, что отец предал мать, сын никогда не встанет на его сторону. Как бы ни была сильна мужская солидарности, какие бы тесные отношения их ни связывали. Он никогда не поймет, а значит, простить тоже не сможет, Павел это знал и готовился к этому.

Наверное, именно поэтому, а совсем не из-за бокса так долго не ложился спать. Просто захотел дождаться сына, перекинуться с ним, как всегда, парой ничего не значащих фраз. И представить себе что же будет? Что будет с ними со всеми в тот момент, когда они наконец узнают? Он часто в последнее время представлял себе эти картины. Репетировал мысленно эту финальную сцену, заранее распределяя реплики между героями, вслушиваясь в интонации голоса, всматриваясь в выражение лиц. Он и сам не понимал — для чего заставляет себя переживать весь этот ужас снова и снова, когда можно было бы и обойтись вполне без этих репетиций, без этих каждодневных, изнуряющих репетиций, можно было бы сыграть эту финальную сцену «с листа»...

Павел убеждал себя: не стоит этого делать. Не нужно об этом думать. Это ни к чему не приведет, это только усилит страдания. И все же не думать — не получалось.

Осторожно, слегка потянув на себя одеяло он опустился на кровать рядом с Ритой, сразу же поворачивался к ней спиной и пытался представить себе, что же станет с Ритой, когда она первый раз ляжет в эту постель с мыслью о том, что в эту ночь муж уже не придет к ней. И в эту, и в следующую, и вообще — никогда...

Представить это было практически невозможно, может быть, он просто щадил себя, ограждался от Ритиных страданий, считая, что и своих собственных для него вполне достаточно. Да, Рита будет страдать. Рита будет ужасно страдать, и если бы только Павел мог ей помочь, если бы хоть чем-то он мог помочь своей Рите. Он бы сделал все, он бы отдал все на свете за то, чтобы хоть немного смягчить ее страдания.

Все на свете, кроме самого главного. Кроме Валерии.

Просыпаясь по утрам, он обнаруживал себя в той же позе, на том же самом месте — почти на самом краю кровати, как можно дальше от Риты, спиной к Рите. Не видеть ее лица, не почувствовать дыхания, не прикоснуться — ни в коем случае. Даже во сне он об этом помнил. Конечно, сейчас Рите тяжело. Но потом, когда все выяснится, она поймет и будет благодарна ему за это. За то, что он не стал оскорблять ее своими прикосновениями. За то, что не стал ломать перед ней недостойную комедию.

Она будет ему благодарна...

Он даже усмехнулся собственным мыслям. Еще немного — и можно будет разрыдаться от умиления. Вот ведь какой он заботливый, какой благородный. В такой ситуации еще умудряется думать о жене. Заранее старается смягчить боль от удара. Только на самом деле это| всего лишь хорошая мина при плохой игре. Потому что мужик, бросающий жену и сына ради любовницы, в любом случае поступает подло. Подло, низко... Но это в том случае, если ради любовницы. А когда ради любви?

«Разница, скажи, в чем здесь разница?» — спрашивал он себя, чувствуя интуитивно, что она на самом деле есть, эта разница, и в ней вся соль, в ней все его оправдание. Любовница — женщина, которая диктует свои законы. Любовь — чувство, которое повелевает и которому не подчиниться невозможно. Любовница зовет. Ты можешь пойти, а можешь не пойти. Любовь — другое. Любовь — вихрь, ураган, который налетает и, не спрашивая тебя о твоем согласии, просто подхватывает, отрывает от земли и уносит с собой. И ты летишь. И начинаешь верить в то, что у тебя на самом деле выросли крылья. А когда в это веришь — уже ничего не страшно. Птицы ведь не боятся упасть на землю и разбиться. Так и человек...

Впрочем; о Чем это ей? Какая любовница. Ведь до сих пор он ни разу не прикоснулся к

Валерии. Даже не поцеловал — ни разу. Она так и остается для него по-прежнему недостижимой. Далекой и оттого безумно, безумно желанной. Точно так же, как в тот вечер. Вечер, перевернувший всю его жизнь...

В тот вечер он читал лекцию студентам-вечерникам как-то рассеянно. Виной тому, возможно, была усталость, навалившаяся еще накануне, после суматошного дня. Проснувшись утром, Павел сразу понял, что усталость не исчезла. Шести с половиной часов сна оказалось мало. «Возраст», — констатировал он равнодушно, вспоминая молодость, когда тело не знало еще, что такое усталость. Холодный душ и чашка кофе немного взбодрили его. Однако мысль, что впереди целый рабочий день, заполненный до отказа лекциями, плюс заседание кафедры, плюс еще спецкурс, заранее заставили его затосковать о том, когда же этот день закончится...

Павел преподавал в университете историю современной зарубежной литературы. В тот вечер он читал лекцию о жизни и творчестве Габриэля Гарсиа Маркеса. Читал рассеянно, не испытывая привычного чувства погружения в мир героев великого писателя. А такое случалось с ним всегда или почти всегда. Эти параллельные миры буквально затягивали его, заставляли раздваиваться, присутствуя чисто физически в аудитории, но духовно — где-то далеко, совсем далеко от старого здания четвертого корпуса университета. Возможно, именно эта странная его особенность подарила ему славу и заслуженное признание в стенах университета. Лекции его считались самыми интересными не только на кафедре зарубежной литературы, но и вообще на всем факультете.

В тот вечер пыльная аудитория, косые лучи клонящегося к западу солнца и гомон птиц за окном почему-то были более реальны, чем захолустный колумбийский городишко Аркатак, банановая лихорадка, давние войны между либералами и консерваторами... Хотя Павел очень любил Маркеса. Обожал, почти боготворил его, но в тот вечер усталость оказалась сильнее всего остального.

Он то и дело поглядывал на часы, ожидая, когда же закончится пара. Время текло медленно, и он подбадривал себя мыслью о том, что эта пара последняя, все лекции, и заседание кафедры, и спецкурс на дневном отделении — все это позади. Оставалось совсем немного, и можно будет сдать на милость собственной усталости. Доехать до дома — пятнадцать минут, потом прохладный душ и, наконец, растянуться на диване, включить телевизор и задремать, положившись на то, что Рита накроет его пледом и выключит ненужный телевизор.

Наконец пара закончилась. Аудитория зашевелилась, студенты поднимались с мест и проходили к выходу, изредка на ходу кивая в его сторону и бросая невнятное: «Досвидань, Пал Сеич». Он кивал в ответ, сосредоточившись в гораздо большей степени не на прощании, а на складывании бумаг и тетрадей в портфель. Потом сел, терпеливо дожидаясь, пока все студенты уйдут. Поскольку это была последняя пара, он должен был закрыть аудиторию и сдать ключ на вахту.

Студенты тянулись нестройным потоком к выходу. Поток заметно редел — под конец остались самые медлительные, меланхоличные или просто те, которым некуда было спешить. Но вот, наконец, вышли все. Павел уже поднялся со своего места и тоже направился к выходу, как вдруг заметил, что в дальнем ряду за последним столом, кажется, кто-то сидит. Он присмотрелся.

Какая-то девушка со светлыми волосами на самом деле сидела за последним столом в дальнем ряду. Ее лица не было видно — она сидела, опустив голову на сложенные на столе руки. «Спит, что ли?» — подумал Павел с раздражением. Совсем не хотелось тратить на нее свое время. Даже лишние пять минут было жалко, потому что проснувшаяся усталость во весь голос

теперь требовала своего.

— Девушка, — окликнул он ее и сам удивился, поняв сразу, почему его голос прозвучал так тихо.

Потом догадался: ему просто жалко было ее будить. Не смотря на то что спать во время лекции было неприлично и даже оскорбительно в какой-то степени для самого Павла, поскольку он эту лекцию долго готовил и читал в расчете на то, что его будут слушать. Все же жалко было ее будить, как жалко порой бывает будить по утрам Сережку — взрослого уже парня, который ходил на работу к восьми часам. По утрам спящий сын почему-то всегда кажется ему маленьким ребенком» спит всегда так трогательно, словно нарочно в расчете на что сердце родителя дрогнет и он не посмеет нарушить его сон. Павел и правда порой не выдерживал трогательности, выходил из комнаты и просил жег чтобы она сама разбудила сына.

Так и теперь... Только ведь эта девчонка, на парте, как на подушке, не дочка ему. Тогда отчего же.

Он подошел ближе, чтобы попытаться разбудить не повышая голоса. Постоял некоторое время рядом, мая о сыне, потом тихонько прикоснулся к ее плечу снова позвал:

— Девушка! Просыпайтесь, лекция уже закончилась.

Она не реагировала, продолжала спать, неслышно. Он почему-то уже не ощущал раздражения, забыл свою усталость. Руки снова прикоснулась к ее плечу, мгновение ощутив под собою тяжелый шелк ее волос. На этот раз она почувствовала, Вздрогнула, встрепенулась и подняла лицо...

На щеке отпечаталась складка от манжеты блузки. Глаза были синими, сонными, немного припухшими.

— Лекция уже закончилась. Жалко было прерывать ваш сон, госпожа, но увы — мне нужно закрыть аудиторию...

Уже в тот момент он почувствовал, что с ним что-то происходит. Что его реакция на ее сонные глаза, на подрагивающие ресницы, на эту складку на щеке... Какая-то не такая реакция. Не совсем обычная. Не должен был он, по логике вещей, стоять возле нее, не отводя взгляда, и уже тем более странным было то, что уходить ему совсем не хотелось.

Она закинула руки за голову, потянулась. Совершенно невозмутимо, сладко потянулась, как будто и не на парте спала, а в мягкой, теплой постели.

Он молча наблюдал за тем, как постепенно бледнеет складка на ее щеке. Она тряхнула волосами, и волосы рассыпались по плечам, полыхнув отраженным светом вечернего солнца.

— Извините. Это не оттого, что ваша лекция была скучной. Просто я очень устала...

— Да, я вас понимаю, — ответил он и почему-то добавил: — Я сам настолько устал, что едва не заснул на собственной лекции.

На парте, рядом с ее тетрадью и шариковой ручкой, он заметил тонкую рекламную брошюру. На обложке была фотография какого-то средства для снятия лака. «Без ацетона», — прочитал он крупные буквы и остановил взгляд на тонком стебельке с двумя зелеными листочками и крошечным набухающим бутонем. Стебелек с листочками произрастал из той самой баночки,

успешно питаюсь жидкостью для снятия лака.

— Глупость какая, — усмехнулся он вслух собственным мыслям. — Цветы не могут питаться жидкостью снятия лака, даже если она без ацетона...

— Что? — Она подняла брови и смотрела на него как на ненормального. — Вы о чем?

— Я — об этом цветке, который расцвел в банке жидкостью.

Он хотел указать ей на брошюру взглядом, но взгляд почему-то не слушался, не двигался с места, остановившись по-прежнему на ее лице.

Она, наконец догадалась. Посмотрела на картинку, улыбнулась.

— Вы не поняли. Этот цветок расцвел в совершенно другом месте, а в банку с жидкостью просто добавили экстракт. Видите, здесь написано: «С экстрактом эдельвейса». Вот что означает эта картинка...

Он улыбнулся в ответ, немного растерявшись от собственной недогадливости. Она снова потянулась, потом извлекла из-под стола джинсовый рюкзачок, забросила в него тетрадь, ручку и брошюру. Откинула плеч волосы, дунула на длинную челку, которая и не думала пошевелиться от этого ее дуновения. Поднялась и сказала немного грустно:

— Что ж, придется идти домой, раз уж вы разбудили.

— Вам не хочется идти домой?

— Не хочется, — ответила она. — А вас это удивляет?

— Нет, не удивляет. Но лично мне это несвойственно. Мне всегда хочется домой...

— Не знаю. — Она пожала плечами. — Наверное, вы не поругались с родителями, как я. Вас никто не считает законченным эгоистом и не учит жизни.

— Да, — согласился Павел. — У меня этот этап жизни остался в далеком прошлом. И знаете, я даже сожалею об этом немного.

— О чем здесь можно жалеть?

— Иногда хочется, чтобы кто-нибудь научил жизни. Дал совет.

— Зачем? Для чего?

— Не знаю, — рассмеялся он. — Наверное, для того чтобы снова почувствовать себя молодым...

— Вы не старый, — отрезала она и вдруг добавила: — Меня зовут Валерия.

— А меня, — пробормотал он, не в силах справиться с замешательством, — меня зовут...

— Вас зовут Павел Алексеевич, — напомнила она без иронии, как будто и вправду решила, что он забыл свое имя. — Я, конечно, злостная прогульщица, но все же знаю имена преподавателей. Некоторых.

— Да, по-видимому, вы и правда злостная прогульщица. Ваше лицо мне абсолютно незнакомо,

несмотря на то, что это уже пятая или шестая лекция с начала семестра.

— Для меня она вторая, — честно призналась она и замолчала.

Он уже запер аудиторию. Теперь они вместе шли к вахте, где он должен был отдать ключ.

«Бред какой-то, — промелькнула мысль. — Почему я иду так медленно? Как будто на самом деле не хочу с ней расставаться...»

— Конечно, очень жаль, что я заснула. Честное слово, хотелось послушать, как вы рассказываете про Маркеса. «Сто лет одиночества» — моя любимая книга.

— Я читала ее шесть раз. Каждый из бесконечных Хосе Аркадио и Аурелиано мне по-своему дорог.

— Мне это знакомо, — улыбнулся он. — Я, когда молодым, тоже читал любимые книги по несколько раз.

— Вы не старый, — снова напомнила она. — почему теперь не читаете?

— Не знаю, — признался он откровенно, — Просто не читаю, и все.

Они уже вышли из здания. Теперь оставалось только повернуть направо, за угол. Там, за углом, стояла его машина. Он не знал, что сказать. Как остановить убегающее время, как продлить его, хоть ненадолго. был растерян и смущен этим странным чувством, К рому еще не мог дать названия. «Вероятно, — подумалось в тот момент, — это просто ностальгия. Ностальгия по ушедшей молодости...» И вдруг предложил ей, не ожидая от себя этих слов:

— Если вам так сильно не хочется идти домой... если вы правда жалеете о том, что не прослушали мою лекцию, я мог бы рассказать вам...

Она закивала в ответ. Обрадовалась, как ему показалось, и совсем не удивилась. Но, в самом деле, ведь ничего удивительного в том, что преподаватель предлагает заснувшей на лекции студентке прослушать эту лекцию, которую она проспала, в индивидуальном, сказать, порядке...

Просто этот преподаватель влюблен в литературу, ему доставляет удовольствие говорить о литературе со студенткой, оскорбительно заснувшей на его лекции. Особенно с заснувшей студенткой. Почему? Пойди разберись. Ни к чему копаться в себе. Просто усталость испарилась, и ему захотелось поговорить о литературе... «Царство счастливой бессознательности», — промелькнула в голове фраза. Кажется, из Маркеса. Из «Ста лет одиночества», . Из ста лет одиночества — в царство счастливой бессознательности, Только ведь он не был одинок, никогда, ни разу в жизни? У него была Рита, Рита... Тогда отчего же...

—..В то время, когда Габриэль жил в Сипакире, в этом чуждом для него городе, он спасался от одиночества чтением. Позже начал сочинять стихи...

Они медленно гили по аллее, разгребая под ногами желтые листья, спаленные жарким августом и опавшие раньше времени. Август того лета был настолько жестоким, что к сентябрю почти не оставил свежей зеленой листвы на деревьях. Он рассказывал ей про Маркеса. Она слушала, не перебивая вопросами, изредка тихонько улыбалась, хмурила брови, кивала головой. Кажется, ей и в самом деле было интересно.

Незнакомое, никогда прежде не изведенное чувство разрасталось внутри. Ощущая приближение окончания своего рассказа, он начинал тосковать. Смотрел на листья, шуршащие под ногами, и почему-то чувствовал свое родство с ними. Старался не думать о том, что будет с ним дальше. Пытался изо всех сил оказаться снова в параллельном мире. И снова у него ничего не получалось. Слишком определенным, слишком явно выраженным было желание остаться здесь.

Через полужанр фантастических персонажей постепенно вытеснила биографические картины. Теперь он рассказывал ей о старом, больном ангеле, упавшем с неба, о призраке лайнера, ежегодно появляющегося у берега какого-то Богом забытого селения. Об утопленнике — необычайно красивом юноше. О бедной Эрендире...

— Я читала все это, — тихо сказала она. — Только воспринимала немного по-другому...

Чем дольше она была рядом, тем настойчивее отказывалось сознание принимать реальность ее существования. Он чувствовал: с каждой минутой все меньше и меньше верится в то, что эта девушка — настоящая, материально существующая в том же мире, в котором существует он. Что они идут вместе по аллее, усыпанной листьями. Что он знает ее имя и может обращаться к ней, называя ее — Валерия...

Они расстались в начале одиннадцатого, когда на улице стало почти совсем темно.

Он предложил подбросить ее до дома на машине. Она отказалась. А потом тихо произнесла:

— Жаль, что этот вечер закончился. Было очень приятно...

— Мне тоже. Тоже было очень приятно. И поверьте, жаль с вами расставаться...

И в этот момент она сказала какую-то совершенно невыносимую вещь. Произнесла несколько слов, которых он от нее никак не ожидал. Представить себе не мог даже, что она скажет вдруг ему такое.

— Тогда давайте встретимся завтра. Здесь, на этом же месте. Мне нравится здесь. Так тихо, и воздух такой прозрачный...

— Да, конечно, — ответил он оторопело, успев подумать о том, что же он скажет Рите. Но, впрочем, это было не важно. Важным теперь было только дождаться завтрашнего вечера.

Он дождался его с трудом. Каждая лекция казалась длиной не в полтора, а по крайней мере в три с лишним часа. Перемены вообще были адом крошечным, потому что во время перемен нечем было себя занять. Когда начались занятия у вечерников, он нервничал, во время перемен бродил по коридорам, надеясь разглядеть в толпе ее глаза, ее волосы. А уж последняя лекция у первокурсников вообще тянулась непонятно сколько времени.

Но когда и она наконец закончилась, эта нескончаемая лекция, когда опустела аудитория и он вышел из корпуса с сознанием того, что сейчас, совсем скоро там, за углом, в аллее, усыпанной желтыми листьями... Внезапно заговорила в нем совесть. «Зацвел, старый пень! Распустился буйным цветом! Опомнись, тебе почти пятьдесят. Ты смешон рядом с этой девчонкой, которая наверняка просто захотела получить халявный зачет по зарубежке. Ты поставишь ей этот зачет, и она испарится, исчезнет из твоей жизни. Ее уведет за руку какой-нибудь двадцатипятилетний стилиста в модном прикиде или длинноволосый хиппи в засаленных джинсах. И она уйдет от тебя, не сопротивляясь, с этим хиппи. Хотя бы потому, что ему двадцать пять. Опомнись, подумай о жене, о Рите! Подумай о Рите!»

На самом деле, ведь сколько таких историй довелось ему пережить за двадцать с лишним лет работы на факультете! Он не был их действующим лицом, но был очевидцем. Причем с каждым годом эти истории происходили все чаще и чаще. Прошрое поколение студентов — тех, которым сейчас было за тридцать, — было поскромнее. И если случалось получить какой-нибудь студент зачет или пятерку на халяву, то это была инициатива исключительно со стороны преподавателя. Теперь же нередко случается, что студентки сами, не стесняясь выражениях, не краснея даже, предлагают «за зачет» от чего иные стареющие маразматики отказаться не в силах. Только за последние два года таких случаев добрый десяток. И это истории, известные на факультете. А ведь далеко не каждый «пень» станет афишировать свои приключения. У некоторых капля рассудка все еще остается...

«Нет, — отмахнулся он от назойливых мыслей. Не про нее все это... Она не такая». Она ни на чем не настаивала, никаких сомнительных тем в разговоре не затрагивала. Просто так случилось: она спала, он разбудил ее, и они немного погуляли в парке. Поговорили о литературе. И слушала она его внимательно, и по глазам ее было видно, что она ему благодарна...

Он еще постоял некоторое время возле корпуса, закурил сигарету, что случалось с ним не часто. А после взглянув на часы, уже больше и не думал ни о чем. Потому что стрелка минутная уже начала опускаться вниз, пошел девятый час, а они договорились встретиться в семь. А ведь она может его не дождаться, если он кается еще хоть на минуту.

Он пошел, почти побежал, стараясь не задумываться о том, что со стороны смотрится, возможно, нелепо. Выскочил из-за угла — теперь вход в аллею был перед ним, и увидел, что там никого нет. Вдохнул облегченно: значит, успел. Она еще не пришла. И вспомнил почему-то вдруг тот цветок, который распустился в банке с жидкостью для снятия лака...

Он ждал ее сорок минут. Прождал бы, наверное, и дольше, без конца повторяя себе, что транспорт ходит плохо, что на дорогах — постоянные пробки, что женщина должна опаздывать, на то она и женщина, бормоча про себя еще какие-то оправдания...

Глупые, ничего не значащие оправдания. Он стоял бы и бормотал их еще, наверное, часа два, глядя на небо, усыпанное звездами. Но пошел сильный дождь, обжег его холодными струями, залез под воротник, и он вдруг увидел себя со стороны — жалкий, нелепый старик, мокнувший под дождем в ожидании промелькнувшей и сразу же скрывшейся за поворотом молодости. Разве она может вернуться? Разве она когда-нибудь к кому-нибудь возвращалась?

Наклонив голову, стараясь спрятать лицо от колючих брызг, он быстро вернулся к университетскому корпусу, завернул за угол и сел в машину. Повернул ключ зажигания, посидел некоторое время, ожидая, когда двигатель разогреется, и уехал домой, запретив себе даже вспоминать о случившемся.

Но не вспоминать не получилось. Весь следующий день, весь вечер он только и делал, что искал ее лицо в толпе студентов. И снова не нашел, не заметил. Наверное, и в самом деле она была прогульщицей, появлялась на занятиях редко. Потом пришли выходные — тоскливые выходные, даже Рита заметила, что с ним что-то не так. «Кажется, температура», — отмахнулся он, а Рита уложила его в постель, заставила поставить градусник, заварила чай с малиной, когда выяснилось, что температура у него и правда повышенная. «Это все дождь, — вздохнула она. — Не понимаю, как могло тебе прийти в голову гулять под дождем?» «Не знаю», — ответил искренне, потому что на самом деле не знал. Не знал и не мог понять, как ни пытался...

В понедельник его отправили в командировку. В Москву, на семинар. Он согласился с радостью, надеясь найти, наконец в этой поездке забвение. И в самом деле, вернувшись через неделю, он почувствовал, что история с Валерией постепенно начинает становиться лишь воспоминанием...

А на следующий день она внезапно появилась.

Да, наверное, именно тогда, в тот день, он понял насколько все серьезно.

Она возникла перед ним совершенно внезапно, словно из воздуха. Он не заметил, не почувствовал ее приближения. Да и время было не ее — только закончилась первая пара у студентов дневного отделения. Он складывал в папку исписанные листки с какими-то заметками. Аудитория была, почти пуста, последние студенты уже подтягивались к выходу, вдруг он услышал:

— Здравствуйте, Павел Алексеевич...

Едва не выронил из рук и папку, и листки, и собственные очки от дальнозоркости, которые надевал во время занятий. Перед ним стояла она.

— Здравствуйте, Валерия.

Голос был неузнаваем. А может быть, ему вообще покидалось, что он что-то сказал?

— Вы меня извините, я в тот вечер не смогла прийти. И предупредить вас не смогла, что не приду. Так нехорошо получилось. Вы меня, наверное, ждали?

— Ждал, — ответил он, несмотря на то что собирался только пожать плечами в ответ и произнести равнодушно: «Нет, к счастью, в тот вечер у меня были неотложные дела, и мне не пришлось мокнуть под дождем, ожидая вас, Валерия».

И еще добавил:

— Долго ждал. Под дождь попал даже, промок весь...

— Ну вот. Нехорошо получилось, вы меня извините. Но сегодня я совершенно свободна. Если вы не против, мы могли бы встретиться с вами. В той же аллее. Или в другом месте, если вы хотите...

— Да, пожалуй, — ответил он. — Давайте встретимся. В аллее...

Так они начали встречаться.

Поначалу эти встречи можно было назвать «литературными вечерами». Разговаривали исключительно на темы современной зарубежной прозы. Как выяснилось, она почти ничего не читала, кроме Маркеса и нескольких писателей, которых просто обязана была знать как студентка — пятикурсница. Однако с упоением слушала его рассказы про мистификации Романа Гари, про трагическую судьбу японца Юкио Месимы, а однажды он дошел до того, что принялся читать ей стихи. А она все слушала и слушала.

Из аллеи они переместились в тихое и уютное кафе, которое она сама выбрала. Валерия сидела напротив, пила кофе, с детским аппетитом ела то пирожное, то шоколадку. Потом брала сигарету и закуривала, выпуская дым длинной струйкой, иногда попадая Павлу в лицо. Он

отмахивался, она смеялась. Они по-прежнему обращались друг к другу на ты, он называл ее Валерией, она его — Павлом Алексеевичем.

Так прошел месяц. В начале этого месяца он уверял себя, что ему нужно просто видеть ее, хоть иногда, пусть редко, но видеть, и все. И ничего больше...

На исходе первого месяца встреч он уже знал, что ему этого мало. Потому что она с первого дня, с первой минуты их знакомства всегда была женщиной. Желанной женщиной...

Об этом кричал каждый ее жест. Поворот головы, изгиб шеи, движения губ, походка. Он даже открыл на досуге «Лолиту», но почти сразу захлопнул, испугавшись, что за этим занятием застанет его жена. Как будто было что-то криминальное в чтении Набокова... Редко теперь оживающая ирония подсказала, что нужен ему теперь не Набоков, а справочник и психиатрии. Если в алфавитном порядке, то на букву «П» смотреть нужно...

Но ирония уже не помогала. И здравый смысл, и присущая всегда критичность к самому себе и окружающим людям — все исчезло, растворилось в этом блаженном чувстве, которому он до сих пор не придумал имени.

Однажды он решился и пригласил ее поехать вместе в лес, на природу. Погода выдалась прекрасная, Рита еще накануне уехала вместе с сыном на дачу, и он мог не беспокоиться о том, что они будут ждать его дома. Валерия согласилась, и он повез ее на то самое место, где часто отдыхал с семьей. С женой, сыном и иногда вместе с его подружкой Кнопкой. Теперь он привез туда Валерию.

Он знал, чувствовал, что это будет не простая встреча. Что-то произойдет, непременно должно произойти, и он ужасно волновался в ожидании этого «чего-то». Они вместе с Валерией насобирали сухих дров, он разложил костер, как полагается, насадил мясо на шампуры, расстелил пляжную подстилку на траве.

Валерия сидела, низко наклонив голову, и чистила вареную картошку. Она сама наварила эту картошку, яиц наварила на целый батальон, и даже бутербродов нарезала.

— Как ловко у вас получается, — сказал он, присаживаясь рядом с ней. — — Вашему будущему мужу повезет, вы прекрасная хозяйка.

— Моему будущему мужу? — Она подняла голову, откинула волосы с лица. — О чем это бы?

Она спросила как-то странно. Ему показалось, что впервые за всё время их встреч он различил в ее голосе настоящую, неподдельную злость.

— Вы ведь когда-нибудь выйдете замуж..

— Да, вероятно. — Она снова наклонила голову и снова принялась чистить картошку. А он вдруг почувствовал, что обидел ее.

И долго не мог понять, откуда взялось это чувство, что же он ей такого обидного сказал...

Но она видано обиделась. Отвечала на его вопросы односложно, чистила картошку слишком сосредоточенно, как будто в этом занятии и заключался весь смысл ее жизни.

— Валерия, я вас чем-то обидел?

— Нет, что вы... Ничем вы меня не обидели.

— И все же я вижу, что обидел. У вас обиженное лицо.

Она на него не смотрела. Он, даже зажмурившись от страха, медленно поднял свою ладонь и накрыл сверху ее тонкие пальцы.

Она ничего не сказала. Сидела не шевелясь, не глядя на него, но руки не убирала. Он слегка сжал ее потом погладил их, не веря в то, что кожа человека быть такой гладкой. Снова сжал пальцы, а потом, окончательно потеряв контроль над собой, прижал её руки к губам и стал покрывать поцелуями.

До сих пор, вспоминая об этом, он чувствует, как выскакивает из груди сердце. Потому что этот эпизод был единственным в истории их с Валерией отношение, потому что с тех пор она ни разу не позволила ему к себе прикоснуться. Даже дотронуться до руки...

— Прошу вас. — Она отдернула руку. — Не нужно, ни к чему все это.

— Но почему? Скажи, почему... Мы здесь одни. На никто не видит. Мы знакомы уже не первый день. Скажи, почему?

Она отшатнулась:

— Вы считаете, что этого достаточно?

Резко встала, отошла на несколько шагов, обернулась и стала смотреть на него.

Он не выдержал ее взгляда. Не выдержал негодования в голосе. У него вообще уже ни на что не оставалось сил. Он поднялся, подошел к ней, а потом рухнул на землю, прямо на колени. Поверженный рыцарь...

— Скажи, что я должен сделать, Валерия. Только скажи — я сделаю все. Все, что ты хочешь.

— Встань прежде всего...

Она впервые обратилась к нему на ты, и в другой ситуации уже только это могло бы сделать его счастливым. Но теперь этого было мало. Он встал, послушавшись ее приказания, и стоял теперь напротив нее, не отводя взгляда.

— У тебя глаза горят как у сумасшедшего, — сказала она. — Я тебя боюсь.

— Не бойся, я не сделаю ничего против твоей воли. Только скажи почему?

Валерия долго смотрела на него. Пристально, не мигая. Как будто ждала, что он сможет расшифровать этот ее взгляд и понять все без слов. Без ненужных, лишних слов...

— Потому что я люблю тебя. С первого дня, с того самого момента, когда заснула на лекции, а потом проснулась и увидела тебя... Неужели ты этого не понимаешь?

Ему не хватало воздуха. «Вот ведь, — промелькнула мысль, — обидно будет получить инфаркт в такой момент. Только говорят, что от счастья не умирают?»

Он хотел ответить ей, что тоже любит. Любит ее с того самого момента, с первого взгляда. Но она вдруг сорвалась с места и побежала куда-то. Мелькнула между деревьями — и скрылась, а

он помчался за ней, по звуку пытаюсь определить ее маршрут и тысячи раз проклиная свою одышку.

— Валерия! — окликнул он, поняв наконец, что потерял ее среди густой и по-осеннему разноцветной листвы. — Валерия!

И вдруг услышал, как она плачет...

Он пошел на звук ее плача и почти сразу отыскал. Она сидела на земле, прислонившись к толстому стволу дерева, и смеялась...

— Черт возьми, я думал, что ты плачешь, — обиделся он почти всерьез.

— Ты не ошибался. Я действительно плачу.

— Валерия, я люблю тебя.

— Вот как? Почему же раньше молчал? Ждал, скажу первая?

— Ты мне не веришь?

— Не верю.

— Но почему?

— Потому что я никогда и никому не верю. Потому что я сама очень часто обманываю.

— А сейчас? Сейчас тоже обманула?

— Нет, только не сейчас. Я люблю тебя. Это правда. Нет, не подходи, прошу тебя...

Она метнулась в сторону, почувствовав его приближение.

— Что сдобой? Я не понимаю тебя». Я тебя люблю Я хочу тебя...

— Нет, не двигайся. Я скажу тебе, сейчас скажу только наберусь смелости и скажу. Понимаешь, Павел.. Я никогда не смогу быть с тобой, пока ты не свободен.

— То есть? — Он опешил от удивления; Мысль том, чтобы расстаться с женой, ему никогда в жизни не приходила в голову. — Как это?

— Не начинай. Ты и так все испортил. Поверь, это блажь. Я не ханжа, не моралистка. Причина в другом, она гораздо глубже. Поверь, я люблю тебя. Но не смог быть с тобой, пока ты спишь в постели с другой женщиной... Наверное, я ненормальная. Но по-другому у нас с тобой ничего не получится.

— Ты сошла с ума, — выдохнул он устало. Опустился на землю и тоже откинул голову назад, прислонившись к толстому стволу. — Я прожил с женой тридцать лет. Я не могу ее бросить. Как бы сильно я ни любил тебя, Валерия, но... Пойми, тридцать лет. Их невозможно просто так вычеркнуть из жизни.

— Я понимаю, — тихо сказала она в ответ. — И ни в чем тебя не виню. Я, честно говоря, и не рассчитывала на другой ответ. Я просто так сказала, чтобы ты знал. Хотя нет, не просто так...

Она помолчала некоторое время, а потом добавила совсем тихо:

— Я все-таки немного надеялась. Совсем немного. Да ладно, что об этом говорить. Пойдем обратно, наше мясо уже, наверное, сгорело...

Он поплелся вслед за ней, все еще не веря в то, что произошло. Невозможно было поверить в случившееся.

— Валерия, ты правда любишь меня?

— Правда, — ответила она, не оборачиваясь. — А ты думаешь, мне просто зачет поставить нужно?

— Я никогда не думал такого про тебя.

— Спасибо. А наше мясо, кажется, на самом деле сгорело...

Шашлык на костре обуглился. Павел долго счищал ножом черноту, пытаясь отыскать под ней сочное мясо. Но мясо получалось сухим, невкусным. Валерия съела ради вежливости пару кусков, запила лимонадом. Разговор не клеился. Через час они уже засобирались обратно.

Молчали почти всю дорогу. Павел ехал медлен пытаясь сообразить, что же ему нужно сделать, как-то поправить ситуацию, продлить этот вечер, который только начинался, который они могли бы провести вдвоем.

— Тебя до дома? Кстати, я так до сих пор и не где ты живешь.

— Нет, меня высади в центре, пожалуйста, рынка. Мне кое-что купить нужно.

— Вместе пойдем?

— Не стоит. Тебя ведь могут увидеть. Ни к чему создавать лишние проблемы...

Она сказала это без обиды в голосе. Но почему-то именно после этих ее слов он с внезапной отчеты осознал, что не знает ее адреса, и телефона ее тоже знает. И это значит, что она может исчезнуть из жизни бесследно. Испариться, превратившись в воспоминание. Что он может потерять ее. Валерию. Потерять навсегда...

Резко вильнув к обочине, он нажал на педаль.

— Что случилось? — Она подняла брови и посмотрела на него с удивлением.

— Случилось то, что я тебя люблю. И не хочу тебя терять. Я с ума сойду, если ты исчезнешь. Скажи, исчезнешь?

— О чем ты? — спросила она спокойно, не скрывая, что прекрасно понимает, о чем он сейчас говорит.

— Ты знаешь о чем.

— Догадываюсь... Но послушай, какой в этом смысл. Это только боль. Боль, тоска беспросветная.. Может нам и правда больше не стоит встречаться?

— Ты с ума сошла! — почти прокричал он. — Что ты такое говоришь? Как ты вообще можешь

говорить такое...

— Успокойся. И не надо на меня кричать. Просто я думаю, что так будет лучше. Поскольку у нас нет будущего...

— Кто тебе сказал, что у нас нет будущего?

— Ты сам мне об этом сказал. Пару часов назад, в лесу. Или не помнишь?

— Неужели это и правда для тебя настолько серьезно? Насколько важно?

— Поверь мне. Прошу тебя, поверь. Я не ломаю комедию. Я не пытаюсь казаться высоконравственной. Это... Это связано с моим детством.

— С твоим детством?

— Да, только не спрашивай... Я все равно больше ничего тебе не скажу. Может, когда-нибудь, ..

Это «когда-нибудь» вдохнуло в него силы. «Когда-нибудь» не могло *существовать* ни в каком другом времени, кроме будущего. Значит, она не исключала возможности того, что будущее у них всё-таки есть...

— И ты меня пойми, Валерия. Все это было настолько неожиданно. Как снег на голову...

— Я понимаю. Я и сама не ожидала, что когда-нибудь признаюсь тебе...

— Поэтому я ответил первое, что пришло в голову. Я ответил не думая. Но я обещаю тебе подумать. Я подумаю и возможно...

«Господи, что я такое говорю, — пронеслось в голове. Я говорю невыносимые, дикие вещи. Я никогда в жизни смогу оставить Риту. Она этого не заслужила — быть брошенной в сорок девять лет. Остаться одинокой... Нет, я не смогу оставить Риту. И что она о себе вообразила, с чего вдруг решила, что я непременно должен оставить ради нее жену? Почему нельзя по-другому? Как у всех? Ведь тысячи людей встречаются, благополучно пребывая в браке. Разве у нас не получится?»

Он смотрел на нее и чувствовал — не получится. Чувствовал, что будет только так, как хочет она. Как считает нужным — она. Можно даже не пытаться обмануть ее. Нет, теперь или все, или ничего... Иначе она просто исчезнет. Навсегда исчезнет из его жизни...

— Подумай.

— Только скажи мне, что ты...

— Я не исчезну, — улыбнулась она. — Правда, не исчезну. Я и не смогу теперь, наверное, исчезнуть. Слишком сильно я к тебе привязалась. Ты меня приручил...

— Это ты меня приручила, Валерия.

— Значит, теперь мы в ответе друг за друга. А теперь поедем. Мне на самом деле еще столько дел успеть сделать...

Всю оставшуюся часть дороги он только и думал о том, как же могло такое случиться, что он

уже месяц встречается с девушкой и не знает ни ее адреса, ни номера телефона. Почему-то ни разу не пришло в голову спросить, записать.

Он высадил ее в центре города, возле рынка, в котором она собиралась что-то купить.

— Не жди меня, — коротко сказала она. — Увидимся завтра вечером в аллее.

— Валерия! — остановил он ее. — Послушай, дай мне номер телефона!

— Но у меня нет телефона, — ответила она, пожав плечами, и добавила с убийственным спокойствием в голосе: — Не бойся, я не исчезну.

Из дневника Валерии

...Я даже представила себе, как его хоронят.

Мне было девять лет, и я тогда еще ни разу в жизни не видела, как хоронят человека. Это были первые похороны в моей жизни. Я была дома одна. Сидела в кресле и хоронила его — своего отца.

Боже, как я плакала в тот вечер. Наверное, больше никогда в своей жизни я так не плакала. Мне ужасно жаль было с ним расставаться. Я сидела в кресле и шептала ему, как сильно я его любила. Каким замечательным отцом он был для меня и для Насти. Я вспоминала, как ходили мы с ним и с мамой в городской парк. Как катались на чертовом колесе. И как я не боялась упасть — просто потому, что рядом был он. Мой папа. Я вспоминала все — сахарную вату, которую мы обычно ели с ним вместе, одновременно откусывая с разных сторон. Мороженое, которое он покупал мне часто втайне от мамы, потому что мама считала, что у меня слабое горло и мне нельзя есть мороженое. Каждую сказку, которую он мне рассказывал перед сном. Он часто рассказывал мне сказки. Я насчитала их тогда с добрый десяток. Каждую пересказала от начала до конца — чтобы он знал, что я не забыла ни одной сказки. И огромного желтого льва с пушистой гривой тоже вспоминала. Того, которого он подарил мне на прошлый день рождения и который теперь сиг Настиним, потому что я уже повзрослела.

И еще о многом вспоминала. Даже о том, чего не было. Например, о том, как поехали мы с ним в Африку охотиться на диких зверей. Когда я была совсем маленькой, он обещал мне, что мы с ним непременно туда поедem. И еще я все время твердила: «Папа, ты был оченьхороший. Ты был замечательный у меня, папа. Я так сильно тебя любила...

Потом пришла мама с Настей. Мама увидела меня, как я сидела в кресле вся в слезах. Она подошла и спросила:

— Чтослучилось? Что случилось, Лерочка? Почему ты плачешь?

— Разве ты не понимаешь, — сквозь судорожные всхлипы проговорила я. — Как же мне не плакать, ведь у меня умер отец!

Мама тогда ужасно побледнела. Она страшно испугалась, потому что не знала, что в тот момент мы говорили с ней на разных языках.

— Что ты говоришь? Как? Когда это случилось. Откуда ты об этом узнала? да говори же, Лера!

— Только что. Я сама его только что похоронила.

Она еще долго не могла понять, о чем я говорю. А когда поняла наконец, даже рассердилась на меня. За то, что я так сильно ее напугала. За то, что обманула. Она на самом деле решила, что я ее обманула.

— Нехорошо обманывать, Лера. И тем более нехорошо говорить такие ужасные вещи. Я ведь подумала, что это правда...

— Но это — правда! — почти прокричала я и выбежала из комнаты, с силой хлопнув дверью. Полетела с потолка штукатурка...

Первое время мне было ужасно тяжело. Потому что, несмотря ни всю эту историю с похоронами, в глубине души я все-таки надеялась, что он вернется. Боялась себе в этом признаться, но все равно надеялась.

Сколько раз такое бывало. Сижусь иногда за столом, делаю уроки. Задача какая-нибудь у меня не получается. Я загадаю себе: если сумею решить эту задачу, отец, к нам вернется. Или среди ночи вдруг просыпалась, отчетливо услышав звонок в дверь. Топала босыми ногами в спальню, будила маму:

— Мама, там кто-то пришел. Кто-то в дверь звонит. Иди, открой скорее! Открой, а то он уйдет!

Мама подходила к двери, смотрела в глазок:

— Тебе приснилось, Лерочка. Там нет никого. Иди спать, дочка.

Я послушно возвращалась в свою комнату, и обида закипала во мне с новой силой. Как будто снова отец меня обманул, снова предал.

— Он умер, — шептала я, глотая слезы. — Умеруже давно, неужели ты не понимаешь?

Проходило несколько дней — и снова я просыпалась среди ночи... Только больше уже не будила маму. Сама подходила к двери и смотрела в глазок: может быть, на этот раз не послышалось. Может, и правда вернулся?

Но он не вернулся. Позже, значительно позже, когда я стала взрослой и по-настоящему тоже, то есть когда все окружающие стали считать, что мне пятнадцать, мама рассказала мне о том, что сама запретила ему приходить к нам. Она сказала, что так будет легче для всех — для нее, для меня и для Насти, которая в то время была слишком маленькой, чтобы осознать потерю. Мама сказала, что у отца, оказывается? Уже давно была другая семья и даже был ребенок. Что она выяснила это совершенно случайно и простить обиды не смогла. Она просто выгнала его из дома в тот вечер и запретила приходить к нам. Звонить, писать... Он обещал ей и сдержал свое обещание. И вероятно, так и не появился бы больше никогда в нашей жизни, аккуратно переводил бы по почте каждый месяц алименты и не вспоминал бы о том, что есть где-то на свете Лера и Настя... Если бы мама осталась жива...

Два с лишним часа он блуждал по городу.

Просто ходил, не имея представления о своем маршруте и стараясь не думать о том, какова его цель. Для чего он переходит эти бесконечные одинаковые улицы с одинаковыми светофорами и

всматривается в лица людей, которые почему-то тоже кажутся ему одинаковыми. Для чего...

Собственно, он знал, для чего. Еще два часа назад, когда он только вышел из дома, на пути ему попался киоск. Обычный киоск, в котором продавали газеты и журналы, таких в городе сотни. Он проходил мимо, взгляд равнодушно скользнул по разноцветной витрине. Глаза прочитали: СВЕТА, а он уже пошел дальше, сначала не поняв, в чем дело. Остановился, даже выругался мысленно на себя за эти галлюцинации.

«Черт возьми, ведь не зря сказал вчера папашка, что воздухом загазованным дышать вредно. Вот, пожалуйста — мультики начались...»

Но перед глазами стояло: СВЕТА. Он видел и, черт возьми, не мог ошибиться.

Только что все это значило? Если это не галлюцинация, тогда что?

Он вернулся к киоску, остановился возле витрины и снова прочитал: СВЕТА. Снова и снова, пять или шесть раз подряд, потом снова выругался, обозвал себя идиотом. На витрине лежал журнал «Вокруг света». Обычный журнал, он тысячи раз его видел. Отец даже, кажется, выписывал его несколько лет назад. Что за бред, в самом деле?

И все же тоска по несбывшемуся была нестерпимой. Он в первый раз в жизни испытывал это чувство. Когда щемит сердце, когда мысли путаются, бегут вперед какими-то замысловатыми лабиринтами, и каждый из этих лабиринтов неминуемо приводит в одну точку... Он никогда не думал, что такое может случиться с ним.

Он даже и не верил никогда в любовь. В то, что называют любовью сентиментальные люди. Кнопка любила рассуждать на эти темы и всегда говорила ему: придет твой черед, и ты узнаешь... Он относился скептически к Кнопкиным рассуждениям. Кнопка была просто девчонкой, начитавшейся бульварных романов. Ее голова была забита Даниэлой Стилл и Барбарой Картленд. Но в Кнопкином возрасте это было простительно. Кнопка была семнадцатилетней девчонкой, а Сергей — взрослым парнем. Подобная сентиментальность была ему чужда. Как оказалось, до поры до времени...

И все же то, что случилось с ним, казалось непостижимым. Собственная зависимость от этого нового чувства смущала его, заставляя задавать себе бесконечно один и тот же вопрос: что же такое было в ней, в этой девушке, что так перепахало его, что заставило жить в беспроглядной тоске по мимолетной той встрече? Странной встрече, завершившейся так нелепо.

Голос? Глаза? Волосы? «Чушь», — отмахнулся он, понимая, что дело не в этом. Он и раньше встречал красивых и расставался с каждой из них вполне равнодушно, забывая уже через несколько дней, не только цвет глаз и волос, но даже имя... И даже представить себе не мог, что однажды будет бродить вот так по улицам города, в смутном ожидании вглядываться в лица проходящих мимо людей, и особенно в лица блондинок. Он даже не подозревал раньше о том, сколько женщин со светлыми волосами на свете! Он насчитал их добрую сотню за эти два часа, а к вечеру, наверное, мог бы насчитать и тысячу... «Кретинизм высшей степени — ходить по улицам миллионного города и искать девушку, о которой ничего, кроме имени ее, не знаешь. С тем же успехом можно попытаться посчитать песчинки на дне океана или найти иголку в стоге сена...»

С той лишь разницей, что сейчас, блуждая по городу и всматриваясь пристально в лица, он не ищет Светлану. Он просто надеется снова встретить ее — случайно... Разница зыбкая, едва уловимая. Но он чувствовал ее, эту разницу. Хотя стыдился признаться себе в том, что уже два часа ходит по городу, ожидая, что все случится именно так, как случается в любовных романах

и в фильмах. По сценарию Барбары Картленд, на которую ему теперь только и оставалось положиться.

Небо на западе было лиловым. Наверняка вскоре собирался пойти дождь, ожидая сейчас, по видимому, наиболее благоприятного момента для нападения на город. Сергей даже не подумал, выходя из дома, прихватить с собой зонт. Неподалеку было кафе, и он решил посидеть там немного, чтобы переждать дождь. Воображение уже заранее рисовало картину: вот он заходит в кафе. Незнакомое кафе, в котором он ни разу в жизни не был. Забрел совершенно случайно, потому что находился возле него именно в тот момент, когда собирался дождь. Как раз в этой случайности — вся соль душещипательной истории. Он заходит, медленно продвигается к дальнему столику, садится, меланхолично листает меню. И вдруг замечает в противоположной стороне девушку с белыми волосами. Он пока что не видит ее лица — она сидит к нему вполборота, но профиль кажется знакомым. И вот она поворачивается, их взгляды пересекаются...

Он даже почувствовал, как забилося внутри сердце в предвкушении. В глупой надежде, что все случится именно так. Ведь столько в мире этих любовных романов! Кнопка утверждала, что прочтала их больше двухсот. Кнопка почти все время врала — но не в этом сейчас Дело. Дело в том, что если уж они пишутся в таком количестве — значит, хотя бы малая часть их должна иметь под собой реальную основу? Значит, бывает, случается на свете такое? Тогда почему не может случиться и с ним? Ну в самом деле, ведь он ничем не хуже. И история их встречи необычная, удивительная... Голос рассудка едва слышно возразил, что не было в их встрече ничего удивительного. Если только неожиданный и странный финал... Сергей отмахнулся от этого голоса: несправедливо, слишком несправедливо, если эта история не будет иметь продолжения...

Зашел и остановился на некоторое время, ожидая, когда глаза, безнадежно испорченные компьютером, привыкнут к темноте и снова станут видеть. Заметил почти сразу одинокую светловолосую девушку, сидящую за дальним столиком. Все внутри напряглось — похожее чувство он испытывал лишь однажды, когда играл в рулетку. В тот вечер в казино затащили его приятели. Он проиграл всю зарплату, залез в долги. Расплатившись с долгами, в казино больше не ходил. И даже не думал, что когда-нибудь ему еще раз придется испытать то же самое чувство, которое захватывало его в те моменты, когда крутилась рулетка. «Красное, — повторял он про себя, — красное...» В тот вечер красное выпадало, когда он ставил на черное, а черное выпадало, когда он ставил на красное. И только один-единственный раз...

Нет, об этом лучше не думать. Не вспоминать. Он шел, сосредоточенно всматриваясь в силуэт незнакомки. Девушка сидела спиной, и даже профиля ее он не мог разглядеть. Но цвет волос был тот же самый. Абсолютно тот же самый, достаточно редко встречающийся натуральный пшеничный оттенок. Хотя здесь, в полумраке, разбавленном неоновыми вспышками, едва ли можно было точно определить цвет ее волос. Он скорее интуитивно почувствовал этот цвет. Хотя еще вчера просто рассмеялся бы, от души рассмеялся, если бы кто-то сказал ему, что цвет волос можно почувствовать интуитивно...

Их разделяло всего лишь несколько шагов. Вдруг он заметил, что с противоположного конца к тому же столику, за которым сидела девушка, подходит какой-то мужчина. Сердце упало куда-то вниз. «Так не должно быть, — прошептал он мысленно, — уж лучше бы вовсе ее не встречать, чем встретив, наблюдать эту сцену...» Но мужчина обогнул столик с девушкой и благополучно направился дальше, вдоль стены.

Теперь он был совсем рядом.

— Света, — тихо позвал он, даже не рассчитывая, что она его услышит, потому что музыка в кафе играла слишком громко.

Но она его услышала. И обернулась...

На бельевой веревке развевался из стороны в сторону, размахивая рукавами, желтый халат в крупный розовый горошек. По небу плыли бессмысленные облака.

Рита готовилась к тому, чтобы стать одинокой.

Какая-то мелкая бархатистая букашка медленно ползла по самому краю деревянных перил. Налетевший порыв ветра сдунул букашку вниз. Рита видела, как та упала на землю и отчаянно задергала в воздухе тонкими лапками. Халат печально взмахнул рукавами. «Вот так и меня скоро сдует ветер. И я тоже задергаю в воздухе своими лапками в ожидании, что найдется на свете добрый человек, который снова перевернет меня вниз брюшком. Да, вероятно, уже очень скоро это случится со мной...» Думала Рита, остановив неподвижный и задумчивый взгляд на барахтающемся насекомом.

Букашка, впрочем, совсем скоро самостоятельно перевернулась на брюшко и лихо поползла себе вперед, быстро перебирая невидимыми теперь уже лапками, и вскоре скрылась из виду, затерявшись в желто-зеленой траве. Преимущество букашки было в том, что она была неразумной. Она понятия не имела о том, что жизнь ее рано или поздно закончится, и никогда не была озабочена вопросом, имеет ли ее жизнь какой-нибудь смысл. Она была глупой, беззаботной и одинокой. Раньше Рита никогда не думала, что одиночество и глупость могут казаться преимуществом...

У Риты не было этих преимуществ. Она была слишком умна, слишком интуитивна и к тому же за тридцать лет, прожитых с мужем в счастливом браке, уже совсем разучилась быть одинокой. Забыла, как это бывает. Несмотря на то, что до встречи с Павлом Рита была очень одинока...

Она часто в последнее время вспоминала свой марафонский заплыв. Тогда, тридцать лет назад, заходя в воду, она не знала, что ее ждет впереди. То есть предполагала, что она либо утонет, либо доплывет. И не думала, что есть еще один, третий вариант. Не знала, что станет счастливой...

Впрочем, в том, что доплывет, Рита почти не сомневалась. Годы занятий спортивным плаванием не прошли зря. И все же она не ожидала, что это окажется настолько тяжело. Течение было сильным, а берег оказался таким далеким, хоть и говорили, что ширина Волги в том месте не больше двух с половиной километров. Доплыв до середины, она уже не была уверена в том, что случится с ней дальше. И только потом узнала, что ничего страшного с ней все равно бы не произошло. Потому что рядом, в нескольких метрах от нее, плыл Павел.

Начиная с этого дня, с той минуты, когда он, обессиленный, упал возле Риты на речную траву, она и стала постепенно забывать о том, что такое одиночество. А раньше оно было привычным и ее совсем не пугало. Ведь Рита всегда была белой вороной. Еще в детском саду, когда отказывалась играть в куклы с девочками и требовала, чтобы ей принесли грузовик или гоночную машину. Позже, в школе, Рита тоже была одинокой, потому что она слишком много читала, только не совсем то, что можно было обсудить со сверстниками.

Отец ее по работе часто ездил за границу и каким-то образом умудрялся привозить оттуда книги для себя и для Риты. Рита, от рождения обладающая удивительными способностями к изучению языков, читала эти книги на английском и на французском. И обсуждала

прочитанное с отцом. Для сверстников Рита всегда была всего лишь странной девчонкой, которая — при ее-то внешности манекенщицы, почему-то все время сидит дома, избегает шумных вечеринок и танцевальных площадок. Да Рита и сама старалась держаться в отдалении от людей, которые ей были неинтересны... И думала уже, что так будет всегда.

Но появился Павел, и все в жизни изменилось. Только потом Рита осознала, что все годы, предшествующие этой встрече, она и не жила вовсе, а просто готовилась жить. Изучала, так сказать, теорию. И только там, на берегу, внезапно поняла: репетиция окончена. Теперь начинается настоящая жизнь...

Тридцать лет счастья — долгий срок. Пожалуй, не каждому в жизни такое выпадает. А ей вот выпало, но тем больнее теперь расставаться с этим счастьем, которое стало таким привычным, таким домашним. Как белый пушистый котенок, оно приютилось у них в доме и чувствовало себя вполне комфортно. И вот теперь... Почти два месяца назад это случилось. Да, кажется, именно в тот вечер, когда муж пришел с работы весь промокший. В тот вечер Павел попал под дождь...

Павел и раньше попадал под дождь. За тридцать лет муж несчетное количество раз приходил домой промокший, потому что он хронически забывал дома зонт. И на работе он, бывало, задерживался. И после работы иногда заходил к приятелям или к родителям. Всякое случалось за тридцать лет. Рита никогда не волновалась, дожидаясь его дома. Врожденная, практически безошибочная интуиция подсказывала ей: с мужем ничего не случилось. Рита доверяла своей интуиции. У нее были на то основания.

Когда-то совсем давно, когда была Рита еще девчонкой, забавы ради одна подруга матери научила ее особенным образом раскладывать карты — так, чтобы потом можно было по ним прочитать будущее. Звали ту подругу тетей Леной. Показала нехитрую раскладку, объяснила значение каждой карты. Рита долго сидела с картами, пока мать с подругой занимались своими делами. Потом, ближе уже к вечеру, тетя Лена собралась уходить.

— Может, погадаешь мне на прощание, Рита? Предскажешь дорогу?

— Предскажу, — кивнула восьмилетняя Рита, улыбнулась. Перетасовала карты, потом тетя Лена, как полагается, сняла их своей рукой. Рита пасьянс разложила и ахнула: почти одни только пики выпали, а это значило, что дорога тете Лене предстояла какая-то слишком трудная. И туз пиковый острием вниз — это вообще предвестием смерти считалось...

— Да, Ритуля, нагадала ты мне, — рассмеялась тетя Лена, — впору на тот свет собираться!

Тетя Лена смеялась, а Рите почему-то было жутко. Просто вдруг почувствовала Рита, что карты не врут... Тетя Лена ушла, а Рита долго не могла заснуть, ворочалась в своей постели, все думала, пыталась как-то осмыслить странное предчувствие, родившееся в душе. А на следующий день утром они узнали о том, что тетю Лену сбила машина. Правда, не умерла она, живой осталась, но только чудом. Три недели в реанимации, между жизнью и смертью.

С тех пор Рита ни разу не брала карты в руки. Испугалась так сильно, решив, что, возможно, это она тогда беду накликала. Не стала бы предсказывать — может, и не случилось бы ничего. Детский страх сохранился на всю жизнь — тем более что в течение жизни Рита неоднократно убеждалась в том, что странные предчувствия, которые время от времени ее посещают, практически всегда оказываются пророческими, сны — вещими... И ничего с этим поделать невозможно.

Правда, не настолько часто это с Ритой случалось. В последний раз вещий сон она видела

перед смертью отца. Произошло это почти пять лет назад, и с тех пор все было спокойно... Вплоть до того вечера, когда Павел пришел с работы домой промокший.

В тот вечер все было иначе...

Она еще с утра, провожая Павла на работу, испытывала какое-то тоскливое предчувствие. Отмахнулась от него, объяснив свое взвинченное состояние переменной погоды. В тот день на самом деле резко как-то похолодало. Она проводила мужа и попыталась заняться привычными домашними делами. В тот день ей не нужно было торопиться на работу: ее смена в больнице была вечерней. Но все валилось из рук, ничего не получалось, и даже у плиты она не чувствовала привычного вдохновения. «Глупость какая, — отмахивалась она от своих предчувствий, — ну что с ним может случиться? Машину он водит прекрасно, за пятнадцать лет стажа ни одной аварии, даже ни одной царапины! На сердце никогда не жаловался, и давление тоже...» Так она успокаивала себя до обеда, а после обеда не выдержала и позвонила, на кафедру. Та ей сказали, что Павел Алексеевич в данный момент проводит какой-то спецкурс, и Рита ненадолго успокоилась. Был четверг — самый загруженный день у Павла, обычно по четвергам он приходил в половине девятого. Мог задержаться минут на пятнадцать—двадцать... В девять часов она уже обзвонила всех — и родственников, и знакомых. Никто его не видел. Снова позвонила на кафедру, но там ей уже не ответили. В очередной раз пожалела о том, что до сих пор не купил себе Павел мобильный телефон... Оставалось только ждать, и она села у окна, остановив задумчивый взгляд на стекающих по стеклу каплях.

Спустя почти два часа она заметила, как завернула с дороги на расположенную поблизости от дома автостоянку его машина. От сердца отлегло: теперь она по крайней мере знала, что с ним ничего не случилось. Она почти успокоилась, но этот период спокойствия был таким недолгим... Потом, когда промокший до нитки муж позвонил в дверь, ей стоило только взглянуть в его глаза, чтобы понять: она успокоилась слишком рано. Павел постоянно повторял: «Ничего, ничего не случилось, Рита», — и это смущало ее еще больше, потому что она видела, что он говорит неправду. Впрочем, спустя несколько дней она сама догадалась о том, что произошло.

Рита никогда не читала дамских журналов. И популярных пособий по психологии тоже не читала. Ей ни к чему было знать, по каким конкретным особенностям поведения женщина может уличить мужа в измене. Не нужно было заполнять глупые тесты. Да, Рита заметила, что Павел стал уделять больше внимания своему внешнему виду, что он стал задерживаться на работе гораздо чаще и дольше обычного... Хотя никаких подозрительных звонков дома не раздавалось, и запаха женских духов от мужа она ни разу не почувствовала. Но дело было не в этом. Дело было в нем самом — в том, как сильно он от нее отдалился. Самый родной, самый близкий в течение долгих лет жизни человек стал абсолютно чужим. Расстояние, которое теперь отделяло их друг от друга, невозможно было измерить...

Каждый день, каждый час она чувствовала, как стремительно увеличивается это расстояние. Его отсутствующий взгляд, его голос — все говорило о том, что сейчас он не с ней. Павел был дома с Ритой, но Рита чувствовала, что на самом деле она одна. А он, ее муж, где-то... Теперь каждый вечер она ждала его с тревогой. Каждый вечер она ждала и надеялась, что Павел вернется прежним. Но дни проходили за днями, а ничего не менялось.

Проснувшись однажды ночью от кошмара, Рита увидела, что мужа нет рядом. В кухне горел свет, чувствовался запах дыма... Почему-то именно той ночью она и осознала совершенно четко: скоро наступит тот день, когда Павел уйдет от них. Они останутся вдвоем с Сережкой, а Пашки в ее жизни больше не будет.

И теперь ей не оставалось ничего другого, как ждать наступления этого дня. Ждать, безвольно опустив руки, потому что другого выхода она не видела. Следить за мужем, устраивать ему скандалы, угрожать или падать перед ним на колени, умоляя остаться, — все это было не про нее, не про Риту. Рита всегда была гордой. Хотя теперь для того, чтобы остаться гордой, ей приходилось прикладывать так много усилий! Потому что отчаянно хотелось порой, забыв о гордости, устроить скандал, расплакаться, упасть на колени и прокричать сквозь слезы: «Не оставляй меня! Прошу, не оставляй! Я не смогу жить без тебя, Пашка!»

Но Рита молчала.

В кухне засвистел чайник. Сначала тихо, робко, едва различимо, но с каждой секундой все пронзительнее и увереннее. Потом свист резко оборвался — это, видимо, Павел выключил газ.

— Спускайся, Рита! — позвал он из кухни. — Что ты там делаешь?

Халат снова взмахнул рукавами. Рита усмехнулась — вот ведь, прощается! — и грустно кивнула ему в ответ. Через пару минут она уже была на кухне. Этих двух минут Рите хватило на то, чтобы «привести в порядок лицо». То есть снова сделать его спокойным, постараться спрятать подальше грусть, отчаяние, страх. Надеть маску и снова начать играть привычную роль. Роль женщины, у которой в жизни все замечательно. Женщины, которая спокойно спит по ночам в одной постели с мужем, не задумываясь о том, что каждая такая ночь может стать последней...

Павел хозяйничал за столом. При звуке ее шагов он обернулся, посмотрел на Риту, и Рита снова почувствовала, что он ее не увидел.

— Что ты там делала?

— Хотела снять халат. Но он еще не высох. Смотрела на букашку...

Он бросил на нее короткий и немного удивленный взгляд:

— Не замечал раньше за тобой склонности к букашкам. Ты разглядывала ее минут пятнадцать...

— Возраст, — вздохнула Рита, подумав про себя: «И я тоже раньше за тобой многого не замечала».

— Перестань, — отмахнулся Павел, — ты еще не в том возрасте, когда впадают в детство.

В кухне витал какой-то цитрусовый аромат.

— Чем это пахнет? Я не вижу лимона...

— Это не лимон. Это апельсин, — пояснил Павел. Но апельсина Рита тоже не видела.

— Это чай такой. Со вкусом апельсина. Сережка вчера купил. Я подумал, что дома нам такая гадость ни к чему, а на даче все сгодится...

Рита опустила на табуретку и отпила один глоток сжигающей жидкости.

— Это совсем не гадость. Очень вкусный чай... Только я одного не понимаю...

— Чего ты не понимаешь? — Павел тоже сделал глоток, задумался ненадолго и согласился с Ритой — Впрочем, ты права. Чай действительно вкусный. Так чего ты не понимаешь?

— С чего это ему вздумалось чай покупать? Его когда-нибудь волновали вопросы покупки продуктов?

— Не припомню, — согласился Павел. — И все же не вижу ничего особенного том, что ребенок купил чай. И твоей озабоченности не разделяю...

Рита вздохнула. Павел, вероятно, был прав. Иногда она сама себя не понимала. Странные вещи, совершенно необъяснимые вещи порой происходили с Ритой... Вот и теперь какое-то нехорошее предчувствие...

— Да, ты прав. Не может быть ничего особенного в том, что ребенок купил чай. Даже если это ему раньше было несвойственно...

Она согласилась с мужем, но странное ощущение, родившееся в глубине души, не проходило. «Начиталась. Насмотрелась. Чай — это чай. Что, по-твоему, в него мышьяк насыпали?» — раздраженно спрашивала она себя и все же, как ни пыталась, не могла успокоиться. Чувство подстерегающей опасности разрасталось, сто крат увеличиваясь от сознания того, что предчувствия Риты всегда оказывались пророческими. Опасность, конечно, таилась не в самом чае, это и в самом деле было глупо и примитивно. Но она была как-то связана с этим апельсиновым ароматом, который сначала показался ей приятным, а теперь уже начинал действовать на нервы. И опасность эта концентрировалась вокруг самого дорогого на земле человека — сына... Рите даже показалось, что она начинает задыхаться. Она отодвинула от себя чашку.

— Да что с тобой? — Павел удивленно приподнял брови.

— Ничего. Сначала он показался мне вкусным, а теперь кажется каким-то приторным...

— Не знаю. — Павел пожал плечами. — Я тебе, как обычно, две ложки сахара положил.

— Я лучше кофе себе налью.

Рита встала, сполоснула чашку с чаем, открыла пачку «Арабики». Павел снова уткнулся в кроссворд.

— Как звали актрису, которая снималась в фильме «Грязные танцы»?

— Не помню. Грей... Дженнифер Грей, кажется. Это важно?

Почувствовав напряжение в голосе жены, Павел отложил журнал в сторону.

— Я просто разгадываю кроссворд. А в принципе для меня это не важно. Рита, ты как будто нервничаешь. Что с тобой сегодня?

— Ничего особенного. Я такая, как всегда. Просто...

«Просто я не хочу тебя терять. Я безумно боюсь потерять тебя, Пашка. Я так люблю тебя, что, наверное, и жить без тебя — не сумею. Даже не представляю своей жизни без тебя», — простонала Рита. Как всегда, мысленно. Только на этот раз она, как ей показалось, была очень близка к тому, чтобы произнести наконец эти слова вслух. Возможно, этим она бы только ускорила разрыв. Возможно, от этого стало бы только хуже. И все же...

— Просто голова болит. Давление, наверное...

— Сейчас мы померим тебе давление. — Павел поднялся и уже собирался выйти из кухни, чтобы принести тонометр.

— Не надо, — остановила его Рита. — Не хочу. Я и так знаю.

— Тогда выпей таблетку и иди ложись. Я сам приготовлю что-нибудь на ужин.

— Вот как, — улыбнулась Рита.

— Вот так, — ответил он серьезно и снова сказал ей: — Иди.

«Он просто хочет избавиться от меня, — кольнуло в груди. — Хочет остаться один. Ему так проще, не надо притворяться...»

— Хорошо. — Она снова выдавила из себя улыбку. — Выпью таблетку и пойду лягу. Ты придешь меня навестить?

— Ты постарайся *заснуть*, Рита, — ответил он, и Рита снова подумала: «Зря я спросила...»

— А ты чем будешь заниматься?

— Кулинарным творчеством. Обещаю тебе шикарный ужин...

И опять она почувствовала, как едва не слетели с его губ слова: «Иди. Иди, Рита. Иди же!»

Голова на самом деле болела. Рита проглотила таблетку, запила ее водой и вышла из кухни, чувствуя за спиной у себя пристальный взгляд мужа. В последнее время Павел очень часто смотрел на нее пристально в те моменты, когда Рита этого не видела. Только он не догадывался, что Рита чувствовала его взгляды...

Она резко обернулась: так и есть. Павел стоял посреди кухни и смотрел на нее. Взгляды их встретились, и вдруг Рите показалось, что она видит перед собой прежнего Пашку. Того, который любил ее так преданно, который боготворил ее, свою Риту, души в ней не чаял...

Ощущение не проходило. Наоборот, становилась более стойким, превращаясь в непозволительную и глупую уверенность. И вот он сделал шаг ей навстречу. Второй, третий... Остановился, поднял упавшую на пол салфетку.

— Ты что так смотришь?

— Нет, ничего... Мне просто показалось...

— Что?

— Ничего. Я пойду. Кажется, мне на самом деле дурно от этого апельсинового запаха. Открой окно пошире, чтобы кухня проветрилась, — почти спокойно ответила Рита и вышла из кухни.

— Ты ведь раньше всегда любила апельсиновый запах, — донеслось ей вслед.

В спальне она сразу же опустила на кровать и долго лежала вниз лицом, закрыв глаза. Потом резко поднялась, испугавшись, что Павел может зайти в комнату и увидеть слезы на ее глазах. Нет, только не это. Он никогда не увидит, как она плачет. И никто этого не увидит...

Никто, разве что та женщина, которая смотрит на Риту сейчас из зеркала. Женщина, которая

никаких чувств, кроме жалости, не вызывает. Что ж, это ее проблемы. Возможно, она просто очень слабая женщина. Рита другая. Рита сильная, и жалость ей ни к чему. Никто не узнает о том, что Рита плакала. И женщина — та, что видела ее сейчас — никогда и никому об этом не расскажет. Потому что она немая...

Всего лишь несколько минут понадобилось Рите для того, чтобы привести себя в порядок. Несколько минут — и вот теперь на нее смотрит уже совершенно другая женщина. Спокойная, уравновешенная. Возможно, даже слишком спокойная. Никаких чувств не вызывающая, но и жалости — тоже...

И все же она никак не могла прийти в себя от этого его взгляда. Конечно, она сама придумала его, этот давно забытый, несуществующий уже Пашкин взгляд, и поверила в его существование, поддавшись собственной слабости. Просто потому, что ей очень хотелось в него поверить. Ведь если бы и правда был он, этот взгляд — значит, у Риты оставалась еще надежда. А с надеждой жить все-таки легче...

Пытаясь отвлечься от навязчивых мыслей, Рита раскрыла какой-то старый журнал и принялась механически листать страницы. Пробежала глазами несколько кулинарных рецептов, с тем же равнодушием прочитала гороскоп для всех знаков Зодиака, даже не обращая внимания на то, что журнал был давнишний, июньский еще. Добралась до рубрики «Х-ФАЙЛЫ», попыталась сосредоточиться на каком-то загадочном пришествии и, наконец, сдалась, раздраженно отложив журнал в сторону. Она никак не могла вспомнить, откуда взялся у них на даче этот дамский (бабский, как называла Рита) еженедельник и что он делает в ее комнате, на ее тумбочке. Она-то уж точно никак не могла его купить, и Павел — тем более, и уж никак не Сережка...

«Кнопка, — промелькнуло в голове, — конечно же, это та самая девочка, она же приезжала сюда пару раз в начале лета. Кнопка... Я даже помню, как она читала его, этот журнал, и грызла карандаш, пытаясь отгадать какое-то сложное слово в кроссворде. Так и не отгадала. А потом она бросила журнал и принялась брэнчать на гитаре...»

Воспоминания нанизывались друг на друга, как звенья цепочки. Вспомнив о Кнопке и о гитаре, Рита сразу перенеслась в другое место и другое время. Все та же гитара, которая висит теперь здесь, у нее в комнате, на стене. И так же брэнчит на этой гитаре девчонка, только девчонка уже другая, не Кнопка, а Рита. Сама Рита, почти такая же молодая, чуть старше Кнопки. Только Рита не брэнчит, она играет. А возле ее ног сидит и слушает Пашка.

Раньше Рита часто играла на гитаре. Еще в детстве ее научил этому отец. Рита, впервые прикоснувшись к струнам, с гитарой почти не расставалась. Играла и пела чаще всего для себя, реже — для мамы, а потом, очень долго — для Пашки. Он всегда слушал ее как замороженный. И даже когда родился у них сын, Павел время от времени умолял вечно занятую Риту выкроить хоть пять минут и спеть для него что-нибудь. Но Рита все чаще отказывалась, ссылаясь на занятость. Потом гитару перевезли на дачу и повесили на стене в Ритиной комнате. Она стала скорее воспоминанием, чем живым инструментом... В последний раз Рита прикасалась к струнам, наверное, лет пять назад. Некоторое время на ней играл Сережка — Рита сама научила его, и неплохо он играл. В те времена гитара почти и не жила дома — кочевала по бесконечным студенческим тусовкам и капустникам. Но потом, со временем, и сын забыл про инструмент.

— Скорее бы кончился этот день, — прошептала она и сняла со стены гитару. Смахнула пыль с грифа, подтянула струны. Снизу, из кухни, все еще доносился едва уловимый аромат апельсинового чая. Или, может быть, ей просто кажется? На всякий случай она поднялась и,

подойдя к двери, закрыла ее плотнее. Павел на кухне гремел посудой, видимо, всерьез собираясь приготовить для Риты «королевский ужин». На прощание...

Она снова попыталась отмахнуться от грустных мыслей, ведь это всего лишь ее подозрения. Она просто идет на поводу у собственной интуиции. Что с того, что интуиция ее ни разу не подводила? Возможно, это и есть первый случай. Возможно, у Пашки всего лишь какие-то неприятности на работе, а он молчит, потому что не хочет ее беспокоить. Поэтому и взгляд у него отсутствующий, и голос изменился. И на работе задерживается тоже поэтому. Ну а все остальное можно списать на возраст. Проблемы интимного порядка рано или поздно возникают в жизни всех супружеских пар. В конце концов, рано или поздно это должно было случиться...

Медленно перебирая струны, она постепенно все же стала удаляться от привычных мыслей. Боль, которая за это время успела полностью заполнить собой каждый уголок ее души, отступала. Та самая боль, успевшая уже срастись с Ритой, едва ли не подменив собой саму Риту, которой так часто казалось, что вся она без остатка превратилась в эту боль, теперь она отступала назад, медленно превращаясь в тихую и светлую грусть.

Рита плакала, но теперь уже не старалась скрыть своих слез, потому что не знала о них. Потому что Рита пела...

Память хранила каждую ноту, каждую строчку из тех песен, которые так любил слушать Павел. Несмотря на прошедшие годы, Рита ничего не забыла. Она сидела на своей маленькой тахте, опустив глаза вниз, и тихо пела — теперь только для себя. Как пела когда-то, в те времена, когда она еще не знала Павла.

У каждой песни была своя история. И теперь, вспоминая слова и ноты, она вспоминала и складывала мозаику из этих воспоминаний. Яркую, удивительно красивую мозаику-жизнь. «Вот ведь как повезло тебе, Рита, — шепнула она самой себе, — посмотри, сколько хорошего было в жизни. Только хорошее! Ты просто привыкла к тому, что так должно быть. Но на самом деле это не правда. На самом деле это очень редко бывает, когда человек целых тридцать лет живет на свете, не зная ни горя, ни разочарований. Поэтому не нужно так расстраиваться. Все проходит, и счастье тоже. Тебе и так достался слишком большой кусок...»

Рита тихо напевала романс из «Бесприданницы» в тот момент, когда дверь в комнату неслышно отворилась. Она заметила только, как качнулись тени на потолке. Пальцы замерли на мгновение, Рита подняла глаза и увидела мужа.

Павел стоял в дверном проеме и смотрел на нее.

Тем же взглядом, который однажды, совсем недавно, уже придумала Рита. Там, внизу, на кухне. Теперь она, кажется, снова придумывала этот взгляд...

«Нет, не придумала!» — взорвалось что-то внутри. Вот же они, его глаза, она видит их перед собой и чувствует, что муж ее по-прежнему любит. Ее, эту любовь, невозможно ни с чем спутать и изобразить тоже невозможно. Пашка никогда не был актером.

Пальцы безвольно опустились, задев струны. Гитара печально и невнятно что-то простонала и замолчала, как будто смутившись оттого, что вынуждена присутствовать при этой сцене.

— Рита, — тихо проговорил он и шагнул к ней. — Рита, помоги мне...

Из дневника Валерии

...Когда умерла мама, мне было восемнадцать, а Насте только что исполнилось одиннадцать. На похороны приехал отец.

Он появился, когда мы были уже на кладбище. Я прижимала к себе Настю, гладила ее по спине и вдруг увидела высокого рыжеволосого мужчину, торопливо приближающегося к нам. Я сразу его узнала, несмотря на то что за прошедшие годы он очень сильно изменился. Не то чтобы постарел, но стал каким-то другим. Совсем не таким, каким рисовала мне его память. Я запрещала себе вспоминать отца и все же иногда не могла справиться с воспоминаниями. В них он остался рыжеволосым взлохмаченным великаном с доброй улыбкой на лице и кучей веснушек на носу. Волосы его по-прежнему были рыжими, только теперь подстрижены они были совсем коротко, а вот глаза стали какими-то другими. Мне показалось, что даже цвет их изменился.

Он плакал, стоя у могилы. Потом, когда все закончилось, подошел к нам и сказал:

— Здравствуй, Лера. Здравствуй, Настенька. Несчастье-то какое...

Настя плохо помнила отца. Знала его только по фотографиям, но все же догадалась, что это именно он. Обе мы — и я, и Настя — не хотели его видеть. Как это часто случается с людьми в момент несчастья, нам казалось, что именно он во всем виноват. Если бы он не бросил маму, не заставил бы ее пережить такое горе, не сделал бы ее жизнь такой тяжелой — возможно, сердце ее осталось бы здоровым... Настя сразу так и сказала:

— Это ты во всем виноват. Уходи!

Я видела, что ему было больно. От того, что мама умерла, и от Настиных слов — тоже. Мне было восемнадцать, и я многое уже понимала. Я посмотрела на отца и, стараясь не забывать о том, что уже взрослая, тихо сказала:

— Ничего, мы справимся. Ты не думай, я смогу сама воспитать Настю.

Он стал возражать мне и сказал, что хочет забрать нас к себе. И меня, и Настю — забрать к себе, в ту семью, в которой он теперь живет. Я только покачала головой в ответ и снова повторила:

— Нам от тебя ничего не нужно.

Маму хоронили в январе. День выдался ненастный, муторный. Обрато ехали в автобусе, и я все смотрела на стекла, покрытые толстым слоем сероватого льда, сквозь который ничего разглядеть было невозможно. Прижимала к себе плачущую Настю и изредка бросала взгляд на отца, который сидел напротив, низко опустив голову. Рассматривала его волосы, равнодушно замечая в них седину, и снова отводила глаза к окну, боясь, что он заметит мой взгляд. Никаких чувств к нему я уже не испытывала. Я вообще о нем не думала, думала только о маме и о Насте. В основном — о Насте, потому что понимала уже, что теперь вся ответственность за ее жизнь ляжет на меня. Я теперь буду для нее и матерью, и сестрой. И даже, наверное, отцом. Если сумею.

Потом, когда мы оказались в нашей квартире с кучей дальних родственников, отец снова подошел ко мне, положил руку на плечо и сказал:

— Лера, ты стала совсем взрослой... Ты теперь, наверное, уже понимаешь, что жизнь — не такая простая, как кажется. Это только на первый взгляд мир кажется черно-белым. На самом деле в нем существует множество оттенков, полутонов...

Я смотрела на него. Пыталась простить и чувствовала: не сумею. Если бы мама осталась жива — возможно, встретив случайно на улице этого человека! и прислушавшись внимательно к его словам, я бы с ним согласилась. Возможно, даже сумела бы простить, ведь столько лет прошло. А теперь я смотрела на неге и вспоминала, как мне снились его похороны...

— Я ведь тебя похоронила, папа, — сказала я вдруг, не дав ему возможности закончить начатую фразу, добавила еще: — Ты умер. Давным-давно...

Он смотрел на меня в замешательстве. Наверное, подумал сначала, что у дочки съехала крыша от переживаний.

— Что ты такое говоришь? — спросил он, тревожно глядя в глаза.

Мне было его жалко. И все же намного больше было жалко маму, Настю, себя... Я отошла в сторону, ничего не ответив, давая таким образом понять, что наш, разговор окончен.

Мамины родственники долго уговаривали меня пожить у него. Хотя бы первое время, пока Настя окончит школу. Я отказывалась наотрез, энергично трясла головой из стороны в сторону и твердила без конца:

— Нет, не нужно. Нам от него ничего не нужно. Мы сами справимся, я сумею...

Предлагали пожить у маминой сестры, у бабушки. Я смотрела на Настю, которая сидела, забившись в угол на старой табуретке, и хотела только одного — чтобы все они ушли. Чтобы оставили наконец нас в покое.

А потом случилось самое ужасное. Этот высокий рыжеволосый мужчина с короткой стрижкой подошел ко мне и сказал:

— Тогда я заберу Настю. По закону я имею на это право, потому что я ее отец. Если ты не хочешь — твое дело, ты взрослая. А Настю я заберу...

И тогда я не выдержала. В один короткий миг я осознала: передо мной сейчас стоит человек, который уже отнял у меня отца и мать. Теперь он хочет забрать у меня Настю... Я набросилась на него, как дикая кошка, и стала молотить его кулаками, царапать, кусать. Меня с трудом от него оттащили, я вырывалась и кричала:

— Не отдам! Я не отдам тебе Настю! Не отдам ни за что в жизни!

Плохо помню, что было потом. Очнулась я на диване. Возле меня сидела бабушка, гладила по голове и смотрела задумчиво куда-то в окно. Потом, почувствовав, как я зашевелилась, бабушка перевела свой тревожный взгляд на меня.

— Лерочка, как ты себя чувствуешь? — спросила она заботливо, а я, успев уже вспомнить предшествующие события, перебила ее вопросом:

— Где он?

— Твой отец? — уточнила она.

— Не отец. Мой отец, давно умер. Тот высокий, с рыжими волосами...

Она смотрела на меня тревожно. Наверное, и она тоже подумала тогда, что у меня стало

плохо с головой. Я вела себя странно и говорила непонятные вещи... Бабушка молчала, не зная, видимо, как ей на меня реагировать, и тут я услышала из дальнего конца комнаты голос Настя:

— Он ушел. Он больше не придет, Лера...

Настя подбежала ко мне и склонила лицо. Я увидела ее глаза, рыжие веснушки, рыжие прядки коротко остриженных волос и поняла: в ней теперь весь смысл моей жизни. В ней, в моей маленькой сестренке, сосредоточен теперь для меня весь мир. Пусть я потеряла и отца, и мать. Но у меня осталась Настя, которую я люблю теперь втройне, потому что, кроме нее, мне больше любить некого.

Мне даже страшно немного стало в тот момент, когда я ощутила в себе всю чудовищную силу этой любви. Я любила Настю и раньше, только раньше эта любовь была спокойной и тихой. Теперь же я поняла, что ради Настя готова просто перевернуть мир. Готова противостоять целому миру в одиночку, крушить его безжалостно и жестоко ради одной-единственной девочки на свете. Ради ее счастья, ее спокойствия. Я ощутила себя волчицей, охраняющей детеныша. Будь у меня свой собственный ребенок — кажется, я не смогла бы любить его сильнее, чем Настю. Хотя, возможно, я ошибаюсь.

Я прижала ее к себе и заплакала. Заплакала в первый раз с того момента, как узнала о смерти матери. Настя тоже плакала, зарывшись лицом в мои волосы. Так мы и плакали с ней долго-долго, забыв совсем про бабушку, которой, наверное, видеть все это было невыносимо.

Мы так и заснули, обнявшись с Настей, на этом диване. Перед сном бабушка налила нам по чашке горячего чая с малиновым вареньем и сказала, чтобы мы не переживали по поводу отца. Что все эти юридические вопросы они как-нибудь уладят и нам с Настей не придется жить у него.

— В конце концов, у вас есть бабушка. Да и ты, Лера, уже совершеннолетняя, так что можно оформить опеку. Не переживайте, девочки, мы все уладим...

Мы выпили чай с малиновым вареньем и легли спать. Бабушка легла в маминую спальню, а мы с Настей так и остались спать на диване. Мы даже раздеваться не стали, хоть бабушка и просила нас об этом. Настя отмахнулась:

— Потом.

Легла и прижалась ко мне...

— Лерка, расскажи мне какую-нибудь сказку, — Шепотом попросила меня Настя. Я удивилась, потому что знала, что Настя уже давным-давно никакими сказками не интересовалась. — Расскажи, — снова попросила она.

— Тебе ведь уже одиннадцать лет. Какие сказки, Настя? Да я и не помню уже ни одной... Про Красную шапочку если только.

— Нет, не надо про Шапочку, — отказалась Настя. — Это все глупые сказки, ненастоящие. Настоящие сказки другие. Хочешь, я тебе расскажу?

— Расскажи, — согласилась я, и Настя стала рассказывать мне сказку, которую придумала сама.

Так хорошо у нее получалось. Я даже удивилась: надо же, я и не знала, что у сестренки моей литературный талант. Сказка, правда, была немного странной, необычной и какой-то недетской. Хотя взрослой эту сказку тоже нельзя было назвать. В общем, непонятная, но интересная сказка. Как «Алиса в стране чудес» Льюиса Кэрролла.

С тех пор Настя каждый вечер рассказывала мне сказки. Мы каждый раз ложились спать с ней вместе на этом диване, и она начинала свою сказку. Удивительные, причудливые эти сказки рождались у нее в голове как-то легко и просто, словно невзначай. «Тебе правда интересно, Лерка?» — спрашивала она меня иногда. Я кивала головой в ответ и чувствовала, как она радуется.

Это продолжалось еще почти два года после смерти мамы. Мы вскоре стали спать на разных кроватях, но в одной комнате. И никогда не засыпали без сказки.

Два года — это семьсот дней и ночей. Семьсот разных сказок. Ни одна не повторяла другую. Каждая была интересной и странной. Настя рассказывала сказки про людей, про животных, про вещи. Почти про каждую вещь в доме Настя придумала свою сказку. Со временем мне стало казаться, что вещи в нашей квартире оживают. Я смотрела с улыбкой на утюг, вспоминая его вчерашние приключения. Улыбалась сковородкам, которые накануне устроили веселую свадьбу, и злилась на пылесос, который в Настиной сказке получился жестоким монстром.

Настя редко досказывала свои сказки до конца. В принципе и начала у них тоже не было. Она начинала рассказывать с любого места, чаще всего с диалога, и тихо шептала свою сказку до тех пор, пока сама не засыпала... Потом, позже, я поняла: для нас обеих Настины сказки были единственным способом не думать о том, о чем думать было страшно и больно. Ведь эти вечерние часы — самые тяжелые в жизни человека, который совсем недавно лишился кого-то из близких. День проходит в суете и заботах, но наступает ночь, и от страшных мыслей, от тоски, от злых и колючих слез, кажется, уже не скроешься... Настя поняла, почувствовала это и изобрела свой способ, который помог нам с ней выжить в то трудное время. Если бы не Настины сказки — те ночи были бы страшными. Возможно, они свели бы с ума нас обеих. Настины сказки переносили из мира горечи и слез в другой, параллельный мир. Потом, позже, когда Настя уже повзрослела, она призналась мне в том, о чем я и сама догадывалась. Настя сказала:

— Я рассказывала эти сказки, потому что мне Ужасно хотелось плакать. Так было легче...

Я засыпала почти сразу после того, как засыпала Настя. Тот временной отрезок реальности, который мне приходилось переживать каждую ночь после того, как сказка обрывалась, был не слишком длинным. Минут пятнадцать—двадцать я еще ворочалась, чувствуя, как сжимаются вокруг меня тиски страха и одиночества. Но за день я ужасно выматывалась на работе, поэтому в тот момент, когда обрывалась сказка, на помощь приходила физическая усталость, я засыпала достаточно быстро, и по ночам мне не снились кошмары...

Только однажды это случилось. Спустя почти год после смерти мамы...

В ту ночь Настя рассказывала сказку про черную /сошку с белыми пятнами, заблудившуюся в странной деревне, в которой живут люди, не способные видеть и слышать животных. Сказка закончилась в тот момент, когда кошка прыгнула со стола, зажав в зубах кусок мяса, который тоже становился в этот момент невидимым. Забавная, очень смешная сказка. Настя заснула, а спустя несколько минут заснула и я.

Мне приснился кошмар. Приснилось самое страшное, что могло только произойти теперь в моей жизни. Я увидела во сне нашу комнату, в которой мы теперь спали и которая раньше была гостиной. Сон был цветным: я видела желтые лучи солнца, пробивающиеся в комнату сквозь щели в темных шторах. Видела зеленый кактус на подоконнике, синие цветочки на белых обоях и розовую наволочку на подушке. На этой розовой подушке спала Настя. Помню, я удивилась и встревожилась даже от того, что Настя спит поздно. Ведь она обычно вставала раньше меня. Я подошла к Насте и попыталась ее разбудить. Но Настя не просыпалась...

Я уже знала, что Настя никогда не проснется. И все равно продолжала теревать ее за плечо, шептать:

— Вставай, ну вставай же, Настя.

А потом я стала кричать на нее, ругать ее за то, что она тоже — как и отец, как мама — бросила меня. Она не имела права этого делать — оставлять меня одну на всей земле. Она ведь знала, что теперь некому будет рассказывать мне сказки. А без сказок я на свете не проживу... И еще что-то я кричала, до тех пор пока не проснулась от своего крика.

Когда я наконец поняла, что это был всего лишь сон, то сразу вскочила с кровати и бросилась к Насте. Сперва я не смогла расслышать ее дыхания, и от этого мне стало еще страшнее, потому что теперь я точно знала, что это не сон. Но потом, прислушавшись, все же расслышала едва различимые в ночной тишине звуки и даже увидела отчетливо, как поднимается и опускается ее грудь.

Я успокоилась немного, снова легла к себе на кровать. Но страх, который до сих пор безуспешно пытался прорваться в нашу комнату с синими цветочками на обоях, теперь господствовал в ней безраздельно. Страх перед будущим, которое теперь показалось вдруг таким темным. Даже завтрашний день, который вот-вот уже должен был наступить, внушал чудовищный ужас. Я панически боялась снова заснуть и, проснувшись, снова увидеть свой сон — теперь уже наяву. Я не могла молиться ни Богу, ни черту, потому что от страха потеряла веру в них обоих. Лежала почти час с открытыми глазами, затаив дыхание — до тех пор, пока не поняла вдруг, что мне нужно делать.

Мне нужно продолжать рассказывать сказку. Ту самую сказку про заблудившуюся кошку черную, с белыми пятнами... Эта кошка спасет меня! ~она выгонит страх из комнаты, из души моей...

— Настя, — прошептала я тихо, — ты спишь?

Настя ничего не ответила — конечно, она спала. И тогда я стала рассказывать сказку для себя. Для себя одной и еще, может быть, для рыжего льва с мохнатой гривой, который сидел в дальнем углу возле телевизора и смотрел на меня своими пластмассовыми глазами с огромным любопытством.

Неплохая, кажется, сказка получилась у меня в ту ночь. Каких только приключений не случилось с моей кошкой, пока она наконец, не выбралась из той заколдованной деревни! Часа два я лежала и настойчиво бормотала себе под нос всю эту абракадабру, изо всех сил заставляя себя не думать ни о чем, кроме кошки. И у меня получалось...

Утром, когда Настя проснулась, я хотела рассказать ей о кошачьих приключениях. Но не решилась, опасаясь того, что Насте удастся выяснить, с чего это вдруг я вздумала потешить себя сказкой в три часа ночи. Я не хотела, чтобы она узнала о том, какой

страшный сон мне приснился.

Но это был единственный случай, когда мне пришлось самой рассказывать сказку. Все остальное время, все эти два года, пока сказки были нам необходимы, их рассказывала Настя.

Она его услышала. И обернулась. Он увидел ее глаза — совершенно незнакомые, чуткие, светло-карие глаза, обведенные ярко-фиолетовыми тенями, зеленая тушь на ресницах толщиной в палец, красная помада. Губы ее нерешительно дрогнули и расплылись в глупой улыбке. Девушка, кажется, успела уже прилично накачаться джин — тоником, которого в бутылке, одиноко стоящей на столе, оставалось гораздо меньше половины. «Вот тебе, — зло усмехнулся он про себя. — На, получай. Бери от жизни то, что заслужил, и не вороти морду. Ведь тебе всегда именно такие девицы и нравились. Вперед!»

Он отодвинул стул и молча опустился напротив. Она продолжала смотреть на него вполне дружелюбно, с лица не сходила нарисованная улыбка.

— Меня не Светой зовут. Ты, кажется, обознался, приятель.

— Я уже понял, что обознался. Вы, блондинки, так похожи друг на друга.

— Чем же мы похожи?

— Не знаю. Цветом волос, может быть? Он у вас одинаковый.

Она хихикнула, оценив его шутку. Неприятная была девица, Сергей погорячился слишком, поспешив отнести ее к числу тех, которые ему раньше нравились. Так и хотелось подняться и уйти прочь, не видеть больше ее разрисованного лица, не слышать глупого смеха. Но он нарочно сдерживал себя. Словно в наказание за то, что посмел поверить в чудо. В сказку, придуманную Барбарой Картленд... Далась ведь эта Барбара Картленд! Привязалась, с языка не сходит.

— Ты читала когда-нибудь Барбару Картленд?

— Нет, а кто это?

— Это писательница такая. Любовные романы пишет.

— Не люблю читать. Утомительное занятие.

— Да, ты права. Утомительное и вредное к тому же.

— Для зрения? — уточнила она.

— Для зрения. И для головы тоже. Голова засоряется всякими ненужными вещами... Тебя, кстати, как зовут?

— Меня Вероникой. А тебя?

Он вздохнул, с трудом подавляя настойчивое желание сказать ей: меня тоже — Вероникой. И, поднявшись, быстро уйти из этого душного зала, не дожидаясь, пока она оценит очередную его глупую шутку и снова начнет смеяться.

— Сергей. Тебе что-нибудь заказать?

— Да, пожалуй... Еще один джин-тоник и фруктовый салат.

— Не много будет джин-тоника? Может, тебе сок взять?

Она скривила губы в презрительной усмешке. Сергей решил не вступать в дискуссию. В конце концов ее дело. Хочет — пускай напивается, только пусть не рассчитывает, что он на своем горбу потащит ее домой. Не на того напала... Он подозвал официантку и продиктовал заказ.

— Любишь пиво? — поинтересовалась девушка.

— Видимо, люблю... Послушай... — Сергей хотел обратиться к ней по имени, но понял, что имя ее уже успело вылететь из головы. — Виолетта?

— Вероника, я же сказала.

— Вероника, — согласился он. — Ты вообще тут просто так сидишь? Или ждешь кого-то?

— Ждала. Кого-то... Ты вполне подходишь.

— Вот как. Польщен, — усмехнулся Сергей и принялся разглядывать ее пристально, не смущаясь и не думая о том, что может смутить девушку своим взглядом.

У него не было склонности судить людей строго, в том числе и таких, как она, раскрашенных во все цвета радуги девушек, одиноко поджидающих в кафе «кого-то». Никогда он не осуждал и не позволял себе относиться с презрением к тем, которые мелькали в его жизни, как бабочки-однодневки, не оставляя после себя даже воспоминания, не затрагивая душу. Он и ценил их именно за это — за то, что в душу не лезли, не пытались усложнить отношения, а просто жили одним днем, одним вечером. Точно так же, как он. Встречались, расставались, забывали друг о друге и шли дальше своей дорогой. Эта Вероника, которая сидела сейчас напротив, была, видимо, из таких. Не ломается, не кокетничает. Вся как на ладони. Знает и принимает заранее то, что завтра утром он уже не будет помнить ее имени...

Хотя, возможно, в глубине души все же надеется. Только теперь он понял, что и сам каждый раз, встречая очередную девушку в своей жизни, надеялся. А провожая ее, испытывал разочарование. Оттого, что снова не откликнулась душа на голос, на взгляд, на прикосновение... Хотя никогда себе в этом не признавался. И только теперь понял и уже не смог отрицать того, что всю свою сознательную жизнь Казановы только ради того и прожил, чтобы однажды остановиться, замереть и увидеть наконец свет в конце туннеля...

И вот ведь как случилось. Остановился, замер, дел свет. Увидел Свету...

И что теперь? Неужели придется идти дальше? бесконечно блуждать во мраке, отмеряя гулками шаг за шагом пустоту, бесконечную пустоту этого заколдованного лабиринта, снова встречая и равнодушно провожая, забыв на следующий день... Жить, соглашаясь с требованиями привычного сценария. Но разве есть у него какой-то другой выход? Ведь все так живут. Все, и эта девушка, которая сидит сейчас рядом... Господи, как же ее звали? Виолетта? Виктория?

— Ну что, я прошла фэйс-контроль? — услышал он откуда-то издали ее насмешливый голос.

Официантка опустила на стол поднос с джин — тоником, фруктовым салатом и высоким стаканом, сверху украшенным густой шапкой из белой пены. «Вероника», — прочитал он на прикрепленном к голубой кофточке официантки, бейджике. Вспомнил, что девушку напротив зовут точно так же. В случае чего можно будет позвать официантку и получить подсказку.

— Вполне, — ответил он, покрывив душой, а потом все же добавил:— Только можно было бы чуть поменьше этого... Как там, макияжа.

— Ты считаешь? — невозмутимо ответила она, делая глоток своего напитка, зацепила вилкой зеленый ломтик киви из салата и добавила: — А мне кажется, что так проще жить. С макияжем.

— Не знаю. Тебе виднее, наверное. Я, например, могу вообще не краситься.

— Не представляю, как это возможно.

На этот раз она отреагировала на его шутку спокойно, не стала хихикать — видимо, окончательно поборола смущение первых минут знакомства, в котором сама себе не отдавала отчета.

— Брось. На эту раскраску, наверное, уйма времени уходит. Кстати, чем ты занимаешься в свободное от макияжа время? Я правильно сказал — макияжа?

— Правильно. В свободное от макияжа время я учусь в политехе. На пятом курсе...

Динамики, почти смолкнувшие, внезапно выстрелили децибелами в темноту зала. Теперь девушка напротив открывала рот, как рыба. Сергей не мог разобрать ни слова. Она пыталась перекричать Бритни Спирс, с переменным успехом ей это удавалось. Обрывки доносящихся фраз никак не хотели выстраиваться в определённый смысловой ряд. Она вдруг поднялась из-за стола, подошла к нему, протянула руку.

— Пойдем потанцуем.

Танцевать ему абсолютно не хотелось. Он вообще никогда не отличался пристрастием к танцам, даже когда настроение было отличным, когда нравилась и музыка, и девушка. Сейчас настроение было поганым, музыка казалась отвратительной, девушка — так себе, вообще никакая...

Но она уже тянула его за собой, в глазах у нее светились отблески неоновых огней, прорываясь сквозь пелену тумана, наброшенную на них тоской и одиночеством.

Тоской и одиночеством... Нет, это просто невыносимо — находиться здесь, с ней рядом, танцевать, прижимая к себе, шептать на ухо комплименты, граничащие со скабрёзностью, но ничем не сможет помочь ей, потому что и сам находится надо.

Хватит уже мучиться. Мучить себя и ее. Она-то ни в чем не виновата...

— Извини, Вероника, — прокричал он ей в ухо. — Извини меня, но мне уже пора идти. Приятно было...

Он оставил на столе деньги и направился к выходу, с трудом протискиваясь сквозь толпу танцующих парней и девушек, бормоча на ходу извинения. Странно и даже немного дико было представить себе, что еще вчера, оказавшись он здесь, в этом кафе, все могло бы быть по-другому. Все наверняка получилось бы по-другому. Он бы не напрягался, танцуя с полупьяной Вероникой. Ни о чем не задумывался, прижимая ее к себе. Не мудрствуя лукаво предложил бы ей то, что предлагал обычно всем без разбора...

Жизнь, как поезд, сошла с рельсов и катилась теперь по пути неизведанному. «Под откос», —

мысленно добавил он, чувствуя, что и в самом деле бессилён теперь уже что-либо изменить в своей жизни. Вернуть её на эти чертовы рельсы. Подкинуть топлива, подтолкнуть посильнее, чтобы покатила снова она по накатанной дорожке... Нет, не получится уже. Может быть, потом, позже, когда осознание потери станет привычным и больше не будет у причинять ему такой боли.

Небо было свинцовым и висело над городом низко. Сергей долго стоял возле кафе и смотрел на небо думая о том, что впервые в жизни небо оказалось в опасной близости. Того и гляди — упадет, головой...

— Эй, Сережка, — послышалось за спиной. — Я что-то тебя не поняла...

Он оглянулся и увидел все ту же Веронику. Она стояла и растерянно хлопала накрашенными ресницами, видимо, всерьез полагая, что у нее есть на то основания. Усмехнулся беззлобно:

— Я сам себя иногда не понимаю. С тобой разве такого не случается?

— Случается, — согласилась она. — Только, знаешь, с этим бороться нужно, с непониманием себя... Иначе шизиком стать можно,

Голос у нее был почти жалобным. Теперь, при дневном освещении, он заметил, что она на самом деле значительно моложе, чем показалась ему на первый взгляд. Макияж выглядел еще более диким, только глаза были почти детскими.

— Тебе лет-то сколько? Восемнадцать есть уже?

— Девятнадцать, — кивнула она. — Может, прогуляемся?

— А как же дождь? — Он снова взглянул на небо, которое, кроме дождя, ничего не обещало.

— Он еще не начался. Проблемы нужно решать по мере их возникновения.

— Рационально, — согласился он. — Что ж, прогуляемся.

Она пошла с ним рядом, не касаясь, за что он, был ей несказанно благодарен, потому что не мог предсказать своей реакции на ее прикосновение. Фразы, цепляясь одна за другую, мало-помалу складывались в незамысловатый разговор. Она рассказывала что-то про свою учебу в политехе, про какие-то курсовые, которые скачивает из Интернета. Он тоже поделился с ней парой воспоминаний из студенческой жизни. Она слушала внимательно, не перебивала, вопросы задавала по существу. На шутку отвечала шуткой, и через какое-то время он уже почувствовал, что смирился с ней. Если бы не эти ее ресницы — зеленые на фиолетовом фоне, от которых при взгляде в дрожь бросало, то вообще можно было бы расслабиться. И представить себе, что идет он по улице не с Вероникой, а, предположим, с привычной и милой Кнопкой...

Снова кольнуло в груди. Снова выплеснулась наружу привычная горечь первой потери, и он подумал: нет, с Кнопкой никого сравнить невозможно. Кнопка — она была единственной в своем роде. Редчайший экземпляр из породы существ женского пола, мальчишка по сути своей. Едва ли есть на земле еще одна такая же. Едва ли будет когда-нибудь... Нет и не может быть ничего общего у Кнопки с этой девушкой Вероникой. Разве только молодость, которая стала теперь для Кнопки вечной. Разве только этот серый вечер, тоскливое небо над головой. Точно такой же вечер, как и тот, в который Кнопка ему повстречалась...

...Был тогда понедельник, он шел с работы домой в поганом настроении, потому что поругался сильно с начальством. Компьютерная программа, над которой он трудился вот уже больше двух месяцев, усовершенствуя и приспособливая шаг за шагом к особенностям статистического учета на предприятии, в очередной раз дала сбой. Это была какая-то заколдованная программа: за три года работы такие проблемы возникали у Сергея впервые. Но начальство — оно на то и начальство, чтобы ставить на место своих подчиненных.

Он шел по улице, в голове крутились надоевшие, заученные уже наизусть схемы. Попытки отыскать ошибку казались безуспешными. Небо было хмурым, облака — грязно-серыми, как тающий на дорогах снег. Небо почти сливалось со снегом, с серыми многоэтажками и настроением Сергея. Невозможно было удержаться и не посочувствовать себе, не пожалеть себя. В этот момент она и свалилась на него с неба.

Такое случилось с ним впервые — чтобы девушка падала с неба. Тогда он и понятия не имел о том, что эта эпатажная личность еще много раз заставит его содрогнуться от своей непосредственности. Необыкновенная девушка...

И не девушка вовсе, а девчонка совсем. Лисичка рыжая, глаза раскосые. И нос курносый, так и хочется надавить на него пальцем. Маленькая, курносая. Кнопка.

— Ты откуда свалилась? — поинтересовался он, переводя взгляд наверх и догадываясь уже, что кроме как с дерева, произрастающего поблизости из дыры в асфальте, свалиться этой Кнопке было неоткуда. Не с неба же в самом деле!

— С дерева, — подтвердила она его мысль и потерла тыльной стороной ладони щеку, размазав по ней грязь. Образовалась на щеке серая дорожка. Захотелось умыть этого ребенка и отругать, чтобы не поступал больше так опрометчиво.

— Непонятно, — задумчиво произнес он.

— Что тебе непонятно? Оступилась и свалилась...

— Непонятно другое. Зачем ты туда полезла, Кнопка?

Она улыбнулась. Заискрились глаза, запрыгали веснушки.

— Неплохо ты придумал. Отличное имя, мне нравится. А тебя как зовут?

— Сергей.

— Это слишком скучно. Давай я буду называть тебя как-нибудь по-другому.

— К примеру?

— К примеру, Дятел, — не задумываясь ответила.

— Почему Дятел? — смутился Сергей.

— Потому что у тебя нос длинный.

— Не такой уж и длинный. Породистый, к тому же это в любом случае не клюв. Так что лучше меня просто Сергеем.

— Ладно. — Она не стала сопротивляться, звать Сергеем.

— И все же как ты оказалась на дереве?

— Да что в этом особенного? Кота хотела поймать.

— Кота? Какого кота?

— Белого, пушистого. Полезла за ним на дерево, спрыгнул и удрал от меня. Ему-то ничего, а я порвала. Мне теперь от мамочки попадет.

— А от папочки? — усмехнулся он.

— У меня нет папочки. Только мамочка.

— А почему ты ее называешь мамочкой?

— Потому что она мамочка. Тебе не кажется, нас слишком философская беседа получается?

— Пожалуй, — согласился он. — Давай о чем-нибудь менее возвышенном. Хочешь, пойдем ко мне и зашьем твои джинсы? Чтобы не ругалась твоя мамочка?

Он и сам не знал, как это вышло, что так легко и не задумываясь пригласил он в тот вечер Кнопку к себе до мой. С первой минуты знакомства у него возникло ощущение, что эта свалившаяся с неба девчонка — старая его приятельница. И уже потом никогда это ощущение его не покидало.

— Пойдем, — охотно согласилась она. — А ты здесь близко живешь?

— Достаточно близко. Пять остановок на троллейбусе...

— Пойдем пешком. Так разговаривать удобнее.

— Пойдем, — согласился он, прогоняя запоздалую мысль о том, что родители могут неправильно понять его появление в квартире с этим подростком.

— Тебе лет-то сколько? — поинтересовался он, загадав: четырнадцать. Или, может, тринадцать...

— Семнадцать недавно исполнилось.

— Врешь! — Он не поверил даже не потому, что мордашка у нее была детская. Просто где это видано, чтобы семнадцатилетняя барышня лазила по деревьям, пытаясь поймать какого-то кота?

Она остановилась, порылась некоторое время в потрепанном джинсовом рюкзаке и с совершенно серьезным видом извлекла оттуда паспорт. Протянула ему:

— На, смотри.

Он улыбнулся и, пытаясь сохранить столь же серьезный вид, пролистал страницы. Увидел Кнопкину фотографию, прибавил к году ее рождения семнадцать... Все совпадало.

— Надо же. Неплохо ты сохранилась.

— Мамочка каждый день пичкает меня витаминами. Наверное, поэтому.

— Заботливая она у тебя.

— Не жалуясь. А твои родители меня не выгонят?

— Почему они должны тебя выгонять? — искренне удивился он. — Они у меня совершенно нормальные родители. Может, удивятся немного.

— Я такая удивительная?

— Ты просто маленькая.

— Мне семнадцать, — напомнила она.

— Но выглядишь ты на тринадцать, — напомнил он, в свою очередь. — И вообще моих родителей сейчас нет дома. Они на работе допоздна.

— А где они у тебя работают?

— Отец в университете преподает. Мама — главный врач в больнице. Она еще оперирует иногда.

— Понятно. А сам ты?

— Я тоже тружусь. Гроблю здоровье за компьютером. Я программист.

— Не нравится тебе твоя работа? — поинтересовалась она, разгадав, наверное, зашифрованную скорбь в его взгляде.

— Почему не нравится? Очень даже нравится. Просто иногда, знаешь...

Как-то так получилось, что именно ей, Кнопке, рассказал он в тот вечер то, о чем никому и никогда не рассказывал. Пока дошли они до дома, она знала уже его как облупленного. И про проблемы на работе, и про амбиции, в которых он сам себе не хотел признаваться, вообще про жизнь его — скучную, одинокую.

— Ничего, — резюмировала она, когда он уже открывал ключами дверь квартиры. — Это у всех так* маешь, наверное, ты один такой несчастный?

Он обиделся на нее немного, но потом подумал: Кнопка права. У каждого человека в жизни — свои проблемы. И даже как-то легче стало от сознания того, что он не один. Как будто раньше и не знал он этого...

— Проходи. — Он открыл дверь и галантно пропустил Кнопку вперед.

Она стянула, не расшнуровывая, грязные кроссовки и, неслышно ступая, прошла в комнату. Присела на уголке дивана, сложила руки на коленках.

— Ты обиделся на меня, что ли? — поинтересовалась она, заметив, видимо, едва различимые признаки этой обиды в его голосе.

— Обиделся сначала, — честно признался он, присаживаясь напротив. — Ты меня в массах растворила. Одним движением стерла в порошок мою индивидуальность, так сказать. Но потом я подумал, что ты права. У каждого человека в жизни проблем хватает. И мои не самые серьезные...

- Вот-вот, — подхватила она. — У меня, например, гораздо серьезнее...
- У тебя? — некорректно удивился он. Но в самом деле, не верилось, что в жизни у этой девчонки могут быть проблемы серьезнее порванных джинсов и не пойманного кота.
- У меня, — подтвердила она.
- Поделись, Кнопка. Она вздохнула:
- Любовь у меня. Несчастливая, сам понимаешь.
- Да ну! — Он развел руками, не зная, как реагировать. Верить или не верить? Но глаза у Кнопки были по-настоящему грустными, не поверить ей было невозможно.
- Ну да, — коротко перефразировала она и замолчала на некоторое время.
- Что, все настолько безнадежно?
- Безнадежно, — подтвердила она грустно. — Ты же сам видишь, какая я. Маленькая, курносая. глупая, по деревьям за кошками гоняюсь. Рыжая к тому же...
- У тебя великолепный цвет волос, — тут же вступился он за Кнопку перед неизвестным еще пока представителем породы сволочей.
- Это ты так считаешь. А он... Понимаешь, он окружен великолепными женщинами. Я им не чета. Сплошь одни фотомодели... И все ему на шею так и вешаются. Но не главное. Главное — он женат.
- Женат? — опешил Сергей. — Подожди, Кнопка, так ты что же, семью его разбить хочешь?
- Хочу, — невозмутимо подтвердила нахально Кнопка. — Мечтаю об этом. Только ничего у меня не получится...
- А дети у него есть?
- Есть, — подтвердила Кнопка. — Двое, кажется или один. Точно не знаю. Только они уже взрослые, переживут. А жена у него — стерва, я точно знаю, журнале читала.
- В журнале? Она что, такая знаменитая, эта жена.
- Про меня бы тоже в журналах писали, если бы я была его женой, — усмехнулась Кнопка. — Легко стать знаменитой, когда у тебя муж — звезда Голливуда.
- Что? — опешил Сергей. — Ты о ком вообще?
- Все о нем, — вздохнула Кнопка. — О Роберте. И добавила после значительной паузы, мечтательно закатив глаза к потолку:
- Де Ниро...

А потом начала хохотать во весь голос. И Сергею не оставалось ничего другого, как рассмеяться вместе с ней, не имея возможности отрицать, что весь этот Кнопкин бред он принял за чистую монету.

Тогда он еще не знал, что больше всего на свете Кнопка любила врать...

Он тогда вообще ничего не знал о Кнопке. Потом день за днем он открывал ее для себя снова и снова, но каждый раз понимал, что какая-то часть ее души все равно остается для него закрытой. И не только для него, но и вообще для всех, в том числе — он был уверен — и для самой Кнопки тоже.

Потом, позже, выяснилось, что врала Кнопка только отчасти. Что влюбленность была ее хроническим состоянием, и эти бесконечные влюбленности перетекали одна в другую, проходили чередой сквозь ее жизнь. В свободное от влюбленностей время Кнопка читала Барбару Картленд и Даниэлу Стилл и на этой почве даже слегка подружилась с Сережиной мамой, которая, несмотря на стойко сформировавшийся с течением лет образ интеллектуалки, тоже, как оказалось, грешила иногда чтением подобных романов.

Это выяснилось, кстати, в первый же вечер пребывания Кнопки дома у Сергея. Пока он заваривал на кухне, чай, Кнопка за закрытой накрепко дверью его комнаты зашивала свои джинсы, выбрав для этой цели совершенно неуместные ярко-оранжевые нитки. Корявый оранжевый шов, по диагонали пересекающий голубую штанину, выглядел очень впечатляюще.

— Ты сама додумалась до этих оранжевых ниток? Или в модном журнале прочитала? — поинтересовался он, скептически оглядывая результат ее долгих бдений за закрытой дверью.

— Ты ничего не понимаешь, — отмахнулась Кнопка, присаживаясь за столом. — Не видишь разницу между заплаткой и декоративным элементом. Если бы я шила голубыми нитками — была бы заплатка.

— Прости, — рассмеялся он. — Подобная оригинальность мышления для меня недостижима. Но ты права: в этом что-то есть. Даже с точки зрения психологии: голубые нитки означают, что ты пытаешься замаскировать следы своего преступления. Что тебе ужасно жалко разорванные джинсы и ты пытаешься вернуть назад что вернуть назад невозможно...

— Ты о чем? — Спросила она серьезно, шумно хлебнув из чашки горячий чай.

— О джинсах. Они ведь уже никогда не будут целыми, — пояснил он, немного смущенный ее серьезностью. Она тут же рассмеялась в ответ, давая понять, что он попался в очередную ее ловушку.

— А оранжевые?

— Оранжевые нитки... Прекрати смеяться, пожалуйста! Оранжевые нитки означают, что тебе на джинсы наплевать и ты не жалеешь о своем поступке...

— Совершенно верно, — подтвердила Кнопка, довольно улыбнувшись. — На джинсы мне наплевать, и о своем поступке я не жалею. Если бы я не залезла на дерево, я бы с него не свалилась. А если бы я с него не свалилась — кто знает, может, и не встретились бы мы тобой никогда. Правда ведь?

— Правда, — согласился Сергей, чувствуя, как это замечательно — то, что Кнопка полезла на это дерево. И черт с ними, с джинсами. Оранжевый шов, хоть и кривоват немного, на самом деле придает им шарм неповторимый...

В этот момент они услышали, как открывается входная дверь. Кнопка притихла, нырнула взглядом в чашку и не поднимала глаз до тех пор, пока не услышала:

— Здравствуйте...

— Привет, мама. Познакомься, это Кнопка.

Он даже не понял сначала, отчего это мать удивленно так вскинула брови. Потом только догадался, что не совсем традиционно он представил ей свою новую знакомую. Кнопка в этот момент поднялась из-за стола, смело выставив напоказ оранжевую дорожку на джинсах. Улыбнулась и сказала:

— Здравствуйте. Я — Кнопка.

— Здравствуйте, — отозвалась мать. — А я просто тетя Рита.

— Очень приятно. — Кнопка искренне улыбнулась и снова села на табуретку, а мама вдруг сказала:

— Ты, Кнопка, похожа на Зою. Я все время так себе представляла княгиню Зою из романа...

Она внезапно замолчала на полуслове. Сергей сначала не понял, в чем дело, но вовремя подоспевшая Кнопка выдала свою собеседницу с головой:

— Из романа Даниэлы Стилл? Вы тоже читали?

— Читала, — смущенно улыбнулась мать и бросила взгляд на сына.

— Мама, — рассмеялся он. — Неужели правда? Тебе оказывается, не чужд этот мусор, который гниет на книжных прилавках? А как же нелинейная проза, как же Павич и Теннеси Уильямс?

— Мне не чуждо ничто человеческое, — вздохнула мать и опустилась на табуретку. — И мне совсем не стыдно в этом признаться!

— Я правда похожа на Зою? — вставила Кнопка.

— Правда, — вступил Сергей. — Уверю тебя, как две капли...

Они рассмеялись все вместе. Уже потом, позже, Сергей убедился, что эпизод на кухне был неслучайным. Кнопка в тот вечер легко «расколола» его мать, заставив ее признаться в том, что для всех было секретом. Такой уж у Кнопки был талант — заставлять людей раскрывать свои секреты... Только свои собственные она держала при себе. Предпочитала сочинять разные небылицы.

И еще одна удивительная способность была у Кнопки: она очень легко сходилась с людьми. Так случилось с самим Сергеем, с его матерью и даже с отцом, который значительно позже познакомившись с Кнопкой, тоже потом отзывался о ней очень тепло. Она легко сходилась с людьми, но только с теми, которых интуитивно воспринимала как хороших. Таких было большинство, но встречались и исключения. Так, например, невзлюбила с первого взгляда она одного Сережкиного приятеля — Жорика, того самого, который налепил на стену в съемной квартире портрет Анастасии Волочковой. При знакомстве сказала ему «привет» и замкнулась сразу, не произнесла ни слова за весь вечер. Потом, когда они возвращались домой, Сергей поинтересовался:

— У тебя температура, Кнопка?

— Это у тебя температура, — огрызнулась она. — Не понравился мне этот хмырь.

Сергей вздохнул: обсуждать Кнопкины вердикты было делом бесполезным. Но в то же время снова удивился этой чудовищной ее пронизательности, потому что и сам в глубине души Жорика недолюбливал, в чем сам себе признался уже достаточно давно.

Кнопка вообще часто его удивляла. С первого дня их знакомства так и повелось: она обязательно преподносила какой-нибудь сюрприз. Порой безобидный, а порой вытворяла такое, что ему снова хотелось открыть ее паспорт и убедиться своими глазами в том, что этой дурехе действительно скоро стукнет восемнадцать. Первым сюрпризом в бесконечной череде последующих были эти ее косы.

В тот первый вечер, выпив три чашки чая и обсудив с Сережкиной мамой три любовных романа — по одному на каждую чашку, Кнопка заторопилась домой. Зашнуровывала в прихожей кроссовки, бормоча под нос:

— Поздно. Мамочка будет ругать... Сергей уже снял с вешалки куртку, собираясь проводить Кнопку до остановки. Она замахала руками:

— Не надо меня провожать. Я сама дойду, мне здесь недалеко. Спасибо тебе, Сережа. И вам спасибо, тетя Рита...

— Заходи к нам, Кнопка, — услышал Сергей из-за спины голос матери.

— Заходи, обязательно, — добавил он, только теперь догадавшись, что совсем не хочет прощаться с этой прикольной Кнопкой навсегда.

— Правда? — Она улыбнулась, запрыгали снова веснушки на носу. — Зайду обязательно. Завтра же.

На следующий день она пришла снова и притащила под мышкой видеокассету.

«Ничего себе — Кнопка!» — присвистнул Сергей, прочитав на обложке название — «Догвилль». Совершенно непонятно, каким образом могли уживаться вместе в ее душе дамские романы и фильмы Триера. Это то же самое, что заправить винегрет сгущенкой.

— Ты пробовала когда-нибудь заправлять винегрет сгущенкой? Или добавлять ее вместо майонеза в салат оливье? — поинтересовался он, почти не сомневаясь, что Кнопка обожает подобные кулинарные извращения.

Но она его разочаровала:

— С ума сошел. Это ж нужно было до такого додуматься!

Они посмотрели фильм, потом пошли прогуляться. Как-то неожиданно оказались возле Кнопкиного дома, и та позвала его в гости:

— Пойдем, выпьем по чашке чая. Мамочки нет дома, никто нам не помешает.

В Кнопкиной квартире его поджидал очередной сюрприз. Там на стенах сплошь и рядом висели копии картин Сальвадора Дали. Даже на потолке в Кнопкиной комнате висело несколько штук. И в кухне, и в прихожей. Едва оказавшись на пороге, Сергей отшатнулся, встретившись взглядом с глазами крестьянки из Кадакеса. Портрет был увеличен почти в натуральную величину.

— Не пугайся. Она нарисованная, — успокоила его Кнопка.

Сергей медленно шел вслед за Кнопкой по этой странной картинной галерее и разглядывал бесконечные натюрморты, развешанные на стенах вперемешку с «Тлеющей птицей», «Тлеющим ослом», «Призрачной коровой»... Возле кухонной двери располагалась экспозиция «Загадка желаний: мою мать, мою мать, мою мать».

— Это ты увлекаешься? Или мамочка твоя? — поинтересовался он у Кнопки.

— Нет, что ты. Мамочка у меня нормальная.

— А ты?

— Не знаю, — искренне ответила Кнопка и стала вдруг грустной. Даже жаль стало погрустневшую Кнопку.

— Да брось, с тобой все в порядке. Мне тоже нравится Сальвадор Дали. Особенно вот эта...

Стараясь утешить Кнопку, он ткнул пальцем в *первую* картину, которая под руку попала. Это были «Кровоточивые розы». Неудачно ткнул, только потом он это понял. Но было уже поздно.

— А мне она кажется страшной, — ответила Кнопка и перевела разговор на другую тему.

В тот вечер они засиделись допоздна. Пили чай и разговаривали. Разговорам, казалось, не будет конца... Сергей и сам себе удивлялся — кто бы мог подумать, что так интересно и легко может быть с этой девчонкой, которая на девять лет его младше. Ему и уходить не хотелось, но Кнопка сама, не пытаясь казаться деликатной, попросила его об этом:

— Ладно, Сережа. Ты иди. Поздно уже. Мамочка скоро придет. Она уставшая, ей не до гостей... Я тебе позвоню завтра. Или послезавтра.

В прихожей они опять о чем-то разговорились. Он протоптался возле двери еще минут пятнадцать, пока Кнопка снова ему не напомнила:

— Все, иди уже. Девять часов, а у неё последняя пара в половине девятого заканчивается. Увидит тебя — начнутся расспросы, что да как... Она у меня, знаешь, строгая.

— Она у тебя что, тоже преподавателем в институте работает?

— Нет, она в институте не работает. Она там учится. Все, иди уже!

— Учится?! Не поздновато ли? Сколько же ей — твоей мамочке?

— Двадцать четыре! — выпалила Кнопка, и подтолкнула его к выходу и захлопнула дверь.

Составив в уме нехитрое уравнение, Сергей без особого труда вычислил: x равен семи. И понял только одно — что он снова ничего не понимает.

Ни-че-го.

Впрочем, подумал он, вполне возможно, что Кнопка опять его разыграла...

— Да ты меня совсем, что ли, не слушаешь? — Раздался голос из какого-то другого мира. Кнопка, моргнула на прощание зеленым глазом, безжалостно исчезла. Теперь вместо нее

рядом стояла совершенно другая девушка. «Вероника», — вспомнил он, не забыв при этом похвалить себя за феноменальную память. Вздохнул и ответил, сильно покривив душой:

— Слушаю.

— Только не слышишь почему-то.

— У меня бывает, знаешь. Слушаю и не слышу. Нужно к врачу обратиться. Ухо-горло-нос... Нос и горло заодно проверю тоже...

Он нес какую-то чепуху, стараясь загладить неприятную ситуацию. Все же нельзя так в самом деле. Но, с другой стороны, он ведь ей в попутчики не навязывался?

Она заметно успокоилась — видимо, простила ему его невнимание. Снова начала щебетать про каких-то своих приятелей, про вечеринки. Сергей взглянул на небо, ожидая, когда же оно наконец разразится дождем. И не потому, что ему хотелось, чтобы пошел дождь. Просто хотелось, чтобы что-то произошло. Чтобы хоть что-то изменилось и он убедился наконец, что время не стоит на месте, что оно идет, движется, а не висит в воздухе, как эта грозная на вид, но столь нерешительная на самом деле туча.

Но туча, видимо, спала. Или решила устроить себе самой проверку на прочность: сколько времени ей удастся продержаться, не проронив ни одной капли? Или еще что-нибудь взбрело ей в голову, этой глупой туче. В любом случае пора, бы, пора бы уже быть дождю!

В этот момент зазвонил в кармане телефон. Сергей вздохнул, заранее уже догадавшись, что звонит кто-нибудь из приятелей, Макар или Жорик сейчас примутся зазывать его на очередную и традиционную по субботам холостяцкую пирушку. В другой ситуации Сергей бы обрадовался и помчался туда, куда звали. И Веронику с собой непременно бы прихватил. И та была бы не против... Но это — в другой ситуации. Или даже — в другой жизни, но только не теперь.

— Предчувствия его не обманули, — продекламировал он вслух, доставая из кармана трубку.

На дисплее высвечивалось: Жорик. Сергей собрался было уже отключить телефон, чтобы не пришлось объяснять приятелю свое странное нежелание разделить с ним нескучный ужин, но вдруг подумал, что встреча с Жориком может стать прекрасным поводом для того, чтобы деликатно отвязаться от Вероники. Можно сделать вид, что это деловой звонок, а Жорик — его коммерческий партнер и в данное время им катастрофически необходимо решить наконец вопрос о слиянии их монополий. Вполне сгодится такой вариант для Вероники. Бизнес — он и есть бизнес, дело серьезное...

— Алло, — произнес Сергей, принимая вид озабоченного бизнесмена. — Здравствуйте, Георгий Михайлович. Что там у нас?

Жорик, видимо, обалдел слегка, услышав столь церемонное обращение.

— Здорово, Палыч, — ответил он, хихикнув.

— У нас какие-то серьезные проблемы? — настойчиво продолжал гнуть свою линию Сергей.

— У нас — никаких. — Жорик неприлично заржал, в трубку, слишком громко для солидного бизнесмена, и Сергею пришлось отойти на пару шагов от Вероники, чтобы не сорвался спектакль.

— Ну, это разрешимо. Я так понимаю, мне необходимо срочно к вам подъехать?

— Эй, Серый, — не выдержал вдруг приятель. — Ты чего несешь-то?

— Я могу проконсультировать вас до этого вопросу, — не сдавался Сергей,

— Ну, проконсультируй, — согласился приятель. — На самом деле один настойчивый вопрос вертится у меня в голове. Как она тебе? Ничего?

— Кто? — Неожиданный вопрос сбил Сергея с толку.

— Она, — вдохновенно повторил Жорик. — Девушка по имени Свет-ла-на... Та, которую ты здесь вчера соблазнял? Ну, чего молчишь-то?

— Что?! Ты о чем?

Сергей даже не заметил, что перешел на ты. Совсем забыл о своей роли и окончательно сорвал придуманный спектакль, прокричав в трубку:

— Откуда ты про нее знаешь?!

— В газетах писали, — хмыкнул Жорик,

— Да прекрати! — рявкнул Сергей, окончательно теряя терпение.

— Да ты что распахивался-то?

— Я тебя спрашиваю, откуда ты про нее знаешь? Откуда? Да не молчи же ты, придурок!

Ругательство, сказанное в сердцах, сослужило недобрую службу: в ответ последовала тирада гнусностей, после чего короткие гудки возвестили о том, что связь закончена.

— Черт, — снова выругался он, торопливо набирая номер Жоркиного мобильного. Но тот был уже отключен.

Захотелось швырнуть этот проклятый телефон об асфальт. Посильнее, чтобы разлетелся вдребезги.

Куда-то затерялась соль.

Павел добросовестно искал ее везде. Открыл одну, скользнул взглядом по тарелкам, ни одну не пропустил. Потом наткнулся на высокие стеклянные колбы с голубыми пластмассовыми крышками. Оглядел одну — гречка, в следующей был рис, потом еще рис, только другой формы. Сахар, макароны, манка. Ложки, вилки. Кастрюли. Перец красный и черный, горький и сладкий. Соли нигде не было.

Только в солонке, одиноко стоящей на столе, оставалась крупица. Но этой крупички будет недостаточно для того, чтобы приготовить...

Он еще не знал, что именно собирается готовить. С тех пор, как начал искать соль, мысли его почему-то были заняты совсем другим... Впрочем, откуда это «почему-то»? И разве были его мысли в последнее время хоть чем-то заняты, кроме одного?

Остановившись возле окна, он поискал глазами соль на подоконнике. Маловероятно, чтобы

здесь она оказалась. И все же... За окном свистел ветер. Сгибал к земле, не давая возможности распрямиться хоть на секунду, ветки деревьев. Почти голые, по-зимнему сонные ветки. На бельевой веревке висел и трепыхался, как знамя на флагштоке, Ритин халат. Желтое знамя в розовый горошек. Павел усмехнулся криво. Усмешка застыла у него на губах, превращая лицо в гримасу скорби.

Невыносимо. Невыносимо уже жить вот так, мучаясь. Мучая себя, мучая окружающих. Ее, Риту, прежде всего. Чем она заслужила?

Недавнее, свежее еще и оттого до боли отчетливое воспоминание снова заставило его застонать. Он никак не ожидал, что Рита в тот момент обернется. В последнее время он все реже смотрел ей в глаза и все чаще и пристальнее вглядывался в Риту в те моменты, когда она этого не замечала. Сам себе удивлялся как будто и вправду существует она, эта среднестатистическая норма количества взглядов, которые в течение определенного времени непременно должны коснуться жены. А поскольку встречаться с глазами Риты с каждым днем становилось все тяжелее и опаснее, Павла непреодолимо тянуло смотреть на жену в те моменты, когда опасности не существовало. Он как замороженный стоял возле окна и смотрел на Риту, которая торопливо выходила из подъезда и, постукивая тонкими каблуками, исчезала в направлении троллейбусной остановки. Смотрел на нее за вязанием, пока Рита думала, что он смотрит телевизор. И каждую возможность ловил для того, чтобы задержать свой взгляд на Рите. Как будто эти взгляды могли хоть что-нибудь изменить...

А может быть, это просто магическое притяжение взгляда палача к своей жертве? Даже такие мысли порой возникали у Павла, и себя он за них ругал, потому что в такие моменты слишком неотвратимым казалось приближение к той черте, которая отделяет разум от безумия. Но именно в этот день почему-то все самые грустные, самые беспросветные мысли так и теснились у него в голове, нестройным роем жужжали без остановки, как разбухшие злые пчелы. Будто именно в этот день он и вправду подошел к той черте, которая отделяет разум от безумия, твердь земную — от бездны...

«Критические дни, — подшучивал он над собой. — Зря говорят, что только у женщин бывают...»

Но ирония не спасала. В этот день не спасало уже ничто. С утра он с тупым остервенением пахотного быка копал землю на огороде. Врезался в нее лопатой, отшвыривал комья по сторонам, потом разбивал, дробил на куски. Земля рассыпалась, он шел дальше, пот стекал со лба. Уже не ручьями, а каким-то горным водопадом. Три с лишним часа ушло на это. Но физическая усталость не помогла. Все тот же тугой ком внутри — как огромная мятная таблетка, застрявшая в горле. Душа неотступно, день за днем, минута за минутой, доказывала — она существует. Она существует, черт побери, и ей больно, ужасно больно, и разве можно сравнить с этой болью тупую боль в мышцах, которая разлилась теперь по всему телу почти сладким оцепенением? Можно было пойти и перекопать еще три соседских огорода. Если бы от этого хоть что-нибудь изменилось!

Он обещал Валерии, что поговорит с Ритой на днях. «На днях» — понятие весьма растяжимое, дни идут один за другим, попробуй докажи, что имел в виду Павел. Но Валерия не настаивала.

Она вообще никогда ни на чем не настаивала. Разговор в лесной чаще уже в тот же вечер стал казаться ему каким-то далеким, нереальным. В самом деле, разве могло все это случиться с ним? Страшный и в то же время удивительно приятный, восхитительно волнующий сон... Но с тех пор прошло уже много дней, и за эти дни Павел успел убедиться: Валерия не шутила. В принципе он понял это сразу и все же, проснувшись на следующий день утром в одной постели

с Ритой, сумел-таки уговорить себя, что с этой блажью ему удастся справиться. Он сможет, непременно сможет убедить Валерию в том, что из ситуации можно найти выход. Другой выход, совсем не тот, что предложила она. Сонные глаза Риты, ее мягкий профиль, свежая кожа — в то утро он смотрел на жену как на собственного ребенка и чувствовал, что никогда в жизни не сможет допустить подобную жестокость в отношении Риты.

Пока Рита спала, он в деталях продумал предстоящий разговор с Валерией. Представлял себе, как они встретятся вечером в той же аллее, как он возьмет ее за руку и скажет: «Лера, если бы ты знала, как я мучился эти два дня. Я буквально с ума сходил. То? что произошло между нами, непременно надо обсудить. Согласись, разговор у нас получился скомканный... В общем-то и разговора никакого не получилось. Так, одни эмоции...».

Он даже представлял себе свое лицо, слышал свой голос. Только почему-то никак не получалось увидеть ее, Валерию. Увидеть ее глаза и понять, что она с ним согласна...

— Черт, — выругался Павел и поднялся с постели. — Чушь все эти репетиции. И без них обойтись можно.

Неслышно, чтобы не разбудить Риту, он вышел из спальни. Тщательно побрился, отгоняя мысль о том, что Рита, наверное, могла бы заметить, что теперь он стал бриться каждый день, а не через день, как раньше. Приготовил на кухне завтрак на всю семью, разбудил жену и сына.

Весь день на работе мысли неотступно возвращались к предстоящему разговору с Валерией. Он поглядывал на часы. Время шло странными скачками: то тянулось, как липкое варенье, то вдруг начинало лететь слишком стремительно, слишком быстро в те моменты, когда Павел с внезапной отчетливостью осознавал, что не готов к предстоящему разговору.

Подошла к концу последняя в его расписании пара, условились встретиться в пятнадцать минут восьмого в дальнем конце аллеи. Павел шел медленно, все оттягивал время, и уже почти панический страх овладел им, потому что он понял, что не знает, понятия не имеет о том, как же начать этот разговор. Но Валерии на месте не оказалось, она, видимо, опаздывала, и он с утроенной силой принялся прокручивать в голове различные варианты предстоящей сцены... Все возможные — кроме одного. Этот вариант он снова, несмотря на имеющийся уже печальный опыт, забыл учесть. В тот день Валерия не пришла.

Не пришла и на следующий день, и через день. Ни на лекцию, ни на свидание...

А через три дня, наткнувшись на нее в коридоре в толпе студентов, он не смог справиться с эмоциями. Подскочил к ней, схватил за руку, не задумываясь уже о том, что вокруг полно людей. Схватил за руку, чувствуя, что причиняет боль, и, едва сдержавшись, чтобы не закричать, выдал из себя:

— Сколько раз я просил тебя. Сколько раз просил — оставь мне номер телефона...

— У меня нет телефона, — ответила она холодно и выдернула руку.

Кто-то присвистнул у них за спиной. Кто-то усмехнулся. Зашелестел шепот... Павел опомнился наконец:

— Валерия, зайдите ко мне после этой пары.

— Хорошо, Павел Алексеевич. Зайду обязательно.

Он готов был караулить ее возле аудитории, потому что знал почти наверняка: она не придет. И грубости своей не мог себе простить, вспоминал без конца белую полосу на ее запястье, и глупости тоже. Ругал себя последними словами за то, что не сдержался, и теперь поползут по факультету слухи и сплетни. Но все эти мысли были где-то на заднем плане. Главным было другое: она не придет.

Но Валерия пришла. Спустя уже минут десять после того, как прозвенел звонок. Павел сидел один в опустевшей аудитории, остановив неподвижный взгляд на портрете Чарльза Диккенса. Неслышно открылась дверь, и появилась Валерия...

Снова не сдержавшись, он вскочил, подбежал к ней:

— Прости меня. Я вел себя как последний идиот.

— Может, не последний, — проронила она сквозь зубы. — Но идиот — это точно.

— Прости, — повторил он. — Но ведь ты обещала. Ты, черт возьми, обещала мне, что не исчезнешь!

— Я никуда не исчезла. Вот же я, стою перед тобой. Успокойся.

— Я спокоен. Я имел в виду не физическое твое исчезновение. Мы, кажется, договорились встретиться с тобой. Три дня назад. Ты не пришла.

— У меня температура была. И вчера, и сегодня с утра тоже.

— Дело в этом? В температуре? Она помолчала некоторое время, потом отошла от него и присела на край стола.

— Валерия...

— Нет, не в температуре. Хотя она у меня действительно была высокой.

— Так в чем же?

— В том, что все это не имеет смысла. Я имею в виду наши с тобой встречи. Все это зашло слишком далеко. Ни к чему... Ты ведь меня понимаешь.

— Не понимаю. Не понимаю и не хочу понимать! — взорвался он. — Прощу тебя, говори прямо!

— Хорошо, — спокойно согласилась она. — Прямо так прямо. Я считаю, что нам с тобой больше не нужно встречаться. Потому что ты женат. Потому что я не смогу быть с тобой, пока ты женат. И еще потому, что я не хочу... Я не хочу разбивать твою семью, Павел. Если ты уйдешь от жены — разве мы будем счастливы?

— Будем! — заторопился он, позабыв напрочь все свои доводы, все аргументы, которые собирался ей привести. И случай был как раз подходящий...

— Я так не думаю. Я думаю, нам лучше больше не встречаться.

— Ты серьезно? Господи, Валерия, неужели ты серьезно сейчас говоришь?

В тот момент он забыл обо всем. Совсем забыл о Рите, которая еще накануне была так важна для него. Страх потерять Валерию заполнил собой все. В конце концов, подумал он, Рита

устроит свою жизнь. Она сможет, она сильная. Очень сильная женщина в отличие от своего мужа, которого и мужиком-то, наверное, назвать нельзя.

Но ему уже было все равно. Пусть не мужик, пусть слабый. Все, что угодно. Только бы не упустить свой шанс — снова стать молодым. Разве часто выпадает такой шанс в жизни? Разве каждому? И разве это не оправдание его, не искупление?

— Я говорю вполне серьезно.

— Я не смогу без тебя.

— Это привычка. Я — твоя дурная привычка. Но от привычек избавляются.

— Я не хочу от тебя избавляться. Не собираюсь от тебя избавляться!

— Я не хочу разбивать твою семью.

— Я тоже не хочу ее разбивать. Послушай, но ведь мы могли бы...

— Нет. — Она оборвала его на полуслове. — Мы не могли бы. Я тебе уже говорила. Или все или ничего. По-другому не получится.

Она соскользнула с парты и направилась к выходу. Он догнал ее, снова схватил за руку, на этот раз контролируя силу.

— Что тебе от меня нужно?

— Мне нужна ты. Я не хочу с тобой расставаться. Она молчала. И тогда, именно в тот вечер, он и произнес эту фразу:

— Я поговорю с женой. На днях, я тебе обещаю.

После этого разговора они снова стали встречаться, но уже не так часто, как раньше. Не каждый день по крайней мере. Павел мучился, чувствуя, что не может найти в себе силы разрешить наконец ситуацию тем или иным образом. Он не мог представить себе своей жизни без Риты. Не мог представить себе своей жизни без Валерии. Третьего было не дано. Слабая надежда на то, что Валерия наконец образумится, с каждым днем становилась еще слабее. Теперь в ее голосе, в ее глазах он слишком часто считал только одно желание: исчезнуть.

Она, видимо, жалела о том, что начала с ним встречаться. Заметно тяготилась своей категоричностью, но поделать с ней ничего не могла. Однажды она снова пропала. Почти неделю не показывалась на глаза, а потом — это как раз вчера и случилось — вдруг позвонила на кафедру. Павел, подходя к телефону, думал, что звонит Рита. И вдруг услышал ее голос:

— Привет. Извини, я снова исчезла. Только не думай, что я тебя забыла. Просто у меня неотложные дела... А на самом деле я соскучилась.

— Я тоже, — проговорил он несвоим голосом.

Дальше пошли гудки. Короткий разговор был окончен...

Но воспоминание о неожиданном телефонном звонке весь вечер заставляло биться сердце. Сердце билось, а душа пела. Напевала себе ритмичный попсовый мотивчик, сначала громко, потом под нос себе мурлыкала. А наутро замолчала. Наутро в душе снова поселилась

привычная боль...

Только теперь эта боль была еще острее. Она буквально сводила его с ума. Может быть, оттого, что накануне вечером он дал себе обещание, что непременно поговорит с Ритой в эти выходные. Но суббота подходила к концу, а он все откладывал и откладывал этот разговор, ожидая, что подвернется подходящая ситуация. Может, испугаются они с женой, что за тридцать лет совместной жизни случилось крайне редко. Или еще что-нибудь случится. К примеру, разверзнутся небеса.

И начинало уже ему казаться, что Рита обо всем догадалась сама. Предательская надежда на то, что Рита и начнет этот разговор, притаилась на самом дне души, пытаясь побороть остатки совести.

Хотя совесть здесь была ни при чем. Павел знал совершенно точно: одна только совесть никогда в жизни не смогла бы его удержать. Он просто не хотел терять Риту.

И опять все начиналось сначала: я не смогу жить без Риты. Я не смогу жить без Валерии.

В сотый, в тысячный раз подряд...

Жена сидела напротив, медленными глотками пила чай. Глаза Павла пересчитывали темносиние горошины на чашке, не смея подняться выше. Потом подвернулся под руку кроссворд, который он еще с утра мусолил. Павел уткнулся носом в спасительный кроссворд, надеясь отыскать в нем хотя бы временное прибежище для взгляда.

Но Рита была рядом. Он чувствовал ее дыхание, слышал ее голос. Может быть, совсем скоро в жизни его уже не будет этих простых удовольствий — видеть Риту. Слышать Риту. Прикоснуться к Рите. Неужели это случится?

Потом, когда она уже выходила из кухни, он не выдержал. Уставился на нее, буквально пожирая глазами. Как будто надеялся оставить негатив, который потом, позже, лето можно будет размножить, превратив в тысячи впечатков... Солнце робко протянуло в окно единственный луч и прикоснулось к Ритиным волосам. Луч принялся выплясывать какой-то завораживающий латинский танец... Павел все смотрел и смотрел на Ритины волосы, с которыми так небрежно забавлялось солнце. А потом Рита вдруг обернулась. И в тот момент; когда Рита обернулась, впервые за последние полтора месяца Павел *вдруг* забыл о Валерии. Она исчезла из его памяти точно так же, как исчезала порой из жизни. Осталась только Рита. Одна Рита. Вернее, они вдвоем с Ритой...

Он шагнул к ней. Сделал второй, третий шаг.

А потом вдруг снова появилась Валерия. Мелькнула перед глазами салфетка, упавшая со стола на пол. Павел поднял ее, положил обратно на стол.

— Что так смотришь? — спросила Рита.

В ответ он сумел пробормотать только лишь что-то невнятное.

Теперь, пытаясь безуспешно отыскать в кухонных шкафах пакет с солью, Павел вдруг почувствовал странную обиду. Это, видимо, слабость окончательно им завладела, потому что умом он прекрасно понимал, что обижаться ему в данной ситуации на Риту просто кощунственно. Но он так устал носить этот груз, так хотелось хотя бы на время с кем-нибудь им поделиться... И он подумал: «Боже, ну почему она такая? Ведь видит же все, чувствует.

Понимает, что происходит. И молчит. Готовится сдаться без боя. Только к чему этот ее героизм? К чему самопожертвование? Кому нужен этот глупый страх выглядеть стервой в глазах мужа? Почему не устроит она мне скандал, как положено, с битьем посуды, с крепкими словами? Почему не заплачет и не попросит меня: не оставляй! Для чего, ради чего так покорно следовать своей судьбе, почему бы не попытаться, не побарахтаться? Всякое ведь в жизни бывает. В конце концов, ведь тридцать лет мы вместе прожили...»

И даже на Валерию он обиделся. Она ведь тоже никаких действий не предпринимала. Ни о чем его не просила, ни на чем не настаивала — просто ждала покорно, когда же он наконец решится...

Ни одна из них, собственно, не собиралась за него бороться. А ведь если бы попыталась, скажем, Валерия наверняка сумел бы он наконец решиться на разговор с Ритой. На разрыв с Ритой.

А если бы Рита попыталась ему помочь — вероятно, с течением времени ему все-таки удалось бы забыть Валерию...

Но обе они предпочитали не вмешиваться. Павел усмехнулся: это же женская логика, напрасно он пытается в ней разобраться. Только ведь, с другой стороны, они ни в чем не виноваты. Ни Рита, ни Валерия. Виноват во всем он. Только он один. Ему и расхлебывать...

Слышались какие-то звуки. Сначала он не обратил на них особого внимания, решив, что это соседские мальчишки-подростки снова собрались распевать мод окном свои блатные серенады. Несомненно, это был звук гитары. Только не с улицы эти звуки доносились, а сверху. Из дома. Из Ритиной комнаты. — Рита играла на гитаре...

Он прислушался. Трудно было в это поверить — ведь Рита не брала в руки гитару уже несколько лет. Он медленно вышел из кухни и стал подниматься наверх, теперь уже безошибочно определив происхождение гитарных аккордов. За эти несколько минут столько воспоминаний оживило в душе, столько забытых чувств, что Павел почувствовал головокружение.

Потолок плавно выгнулся вниз, пол зашатался под ногами. Стены сдвинулись наискосок, заметались в воздухе предметы. «Рита, — твердил он про себя, — Рита, что же мы с тобой наделали? Что же мы такое натворили, Рита? Ведь нельзя же так, Рита... Ведь это — преступление... Только я один не справлюсь. Ты должна мне помочь. Должна помочь мне...»

Павел открыл дверь в комнату и увидел Риту. Она сидела на краю дивана с гитарой в руках.

— Рита, — тихо проговорил он и шагнул к ней. — Рита, помоги мне...

И остановился на полуслове. Потому что понял: он не сможет. Не сможет попросить жену о том, чтобы разделила она с ним эту чудовищную ношу. Жестоко, несправедливо все это по отношению к Рите. Придется справляться самому..

— Помоги мне, пожалуйста, найти соль. Я все шкафы перерыл. Соли нигде нет. Без твоей помощи, увы, не получается приготовить ужин...

— Соль в нижнем выдвижном ящике. В полиэтиленовом пакете.

— Кажется, я там уже смотрел...

— Посмотри еще раз.

Рита говорила мягко, спокойно. Только как-то немного отчужденно.

— Хорошо, посмотрю еще раз, — согласился Павел и добавил: — Ты замечательно поешь, Рита.

—Я знаю. Ты уже много раз мне об этом говорил, — все так же спокойно ответила Рита и отложила гитару в сторону.

Из дневника Валерии

А однажды, два года уже прошло с тех пор, как мамы не стало, Настя забыла рассказать сказку. Легла в постель, натянула одеяло до подбородка — холодно тогда в квартире было, зима злющая, а батареи, кик всегда, еле теплые — и начала стучать зубами.

— Лер, что-то я никак не могу согреться, — пожаловалась она, — и голова у меня трещит. Кажется, что она у меня такая большая и квадратная...

Я подошла к ней, прикоснулась ладонью ко лбу. Настя горела. Померили ей температуру, оказалось — тридцать девять.

Я испугалась ужасно. Это был первый случай, когда Настя у меня так сильно заболела. Но виду не подала, что испугалась. Принесла из аптечки аспирин, чай с малиной заставила ее выпить. Накрыла сверху еще одним одеялом, села рядом и принялась гладить по голове. А она заснула почти сразу.

Проснулась утром — бледная, мокрые волосы торчат в разные стороны.

— Ну как ты, Настя? — спросила я.

— Нормально, — ответила Настя и добавила: — Слушай, я только сейчас поняла. Мы ведь вчера без сказки...

— Без сказки, — подтвердила я спокойным голосом.

— Получилось, надо же. Я думала, у нас никогда не получится... Давай сегодня еще раз попробуем?

— Давай, — согласилась я.

Мы попробовали. И у нас получилось.

Настя опять удивилась, как будто поверить не могла. Чувствовала она себя на следующий день значительно лучше — бледность ушла, температура упала. И еще мне показалось, что она как будто подросла немного... Помню, в тот день я собиралась на работу. Расчесывала волосы, стоят ванной перед зеркалом. Она подошла ко мне, обняла и долго смотрела молча. А потом тихо сказала:

— Красивая ты, Лерка. Жалко, что я на тебя совсем не похожа...

Мы с Настей правда совсем не похожи. И характеры у нас разные, и внешне.

Внешне — особенно. Никто бы никогда не подумал, что сестры родные. Я похожа на маму: смуглая кожа, светлые волосы, голубые глаза. Настя — точная копия отца. Рыженькая, с

прозрачно-зелеными главами и белой фарфоровой кожей, усыпанной веснушками. Только рост у нас с ней перепутался. Я, по идее, должна была быть невысокой, как мама. А она — таким же исполином, как отец. Но вышло все наоборот. Меня еще в первом классе «каланчей» дразнить начали, а Насте никогда ее возраста не давали. Видимо, из-за роста.

Я вымахала длинной — метр семьдесят три, а Настя, перешагнув метр пятьдесят, почти перестала расти. Но, в общем-то это было вполне справедливо. Ведь я была взрослой, а Настя — маленькой. Так уж вышло, что почти все время перед глазами у меня мелькала ее рыжая макушка. Я смотрела на нее с высоты своего роста и думала, что так будет всегда. То есть я думала, что Настя всегда будет маленькой...

А она как-то неожиданно повзрослела. Совсем неожиданно, незаметно для меня, хоть и была каждый день у меня на глазах и было ей тогда всего тринадцать. Настя в школе училась, в седьмом классе, а я работала в кафе официанткой. Каждый день, с трех часов дня и до одиннадцати вечера — без выходных, без праздников. Жутко выматывалась, и сама сейчас даже представить себе не могу, как это я все успевала по дому, и уроки с Настей делала, а по ночам к экзаменам в институт готовилась.

Все вокруг мне сочувствовали. Соседка тетя Наташа, мамина давняя приятельница, заходила иногда к нам по выходным, садилась в кухне на табуретку и вздыхала.

— Ох, Лерочка, бедная ты. Что за жизнь у тебя, света белого не видишь! А ведь молодая, такая молодая...

— Ничего, тетя Наташ, — отвечала я, бодро улыбаясь. — На самом деле все не так страшно, как вы себе представляете.

— Это ты сама себя в этом убеждаешь, — не верила тетя Наташа. — Ну и молодец и правильно, что не раскисаешь. Нельзя тебе руки опускать, терпеть нужно. Вот вырастет Настя, проще тебе будет. Отдохнешь хоть немного... Сейчас-то она маленькая, помощи от нее никакой...

— Неправда! — донеслось из-за двери, дверь распахнулась, и влетела на кухню растрепанная моя рыжая сестренка. Глаза гневом пылали.

— Нехорошо, Настя, подслушивать, — строго сказала ей тетя Наташа, но та отмахнулась:

— Я, между прочим, Лерке всегда помогаю. Полы мою, белье глажу, и не какие-нибудь там полотенца, а пододеяльники, а даже рубашки Леркины! С рукавами и с воротниками!

Я притянула ее к себе, прикоснулась губами к рыжей макушке.

— Правда, тетя Наташ. Она у нас молодец, я же сколько раз вам рассказывала. И по дому помогает, и учится хорошо. Одни пятерки приносит. Окончит школу, в институт поступит...

— Ой, девочки... Девочки вы мои бедные, и за что это вам! Кто знал, что так судьба сложится! Тетя Наташа смотрела на нас с Настей, и глаза у нее уже были мокрым.

— Да что это вы над нами причитаете, тетя Наташа? Мы, между прочим, живые. Не надо нас оплакивать, рано еще. А если хотите помочь — так лучше помогите материально!

— Настя! — возмущенно одернула я сестру. — Ну что ты такое говоришь!

А она вырвалась от меня и убежала в другую комнату. Тетя Наташа посидела еще некоторое время, я несколько раз перед ней извинилась за Настькину грубость. Она вздохнула:

— Да перестань, Лера. На самом деле маленькая она еще, глупая...

Когда мы снова остались одни, Настя прижалась ко мне, обняла крепко-крепко, прошептала:

— Ты прости меня, Лерка. Только меня ужасно злит, когда нас жалеть начинают. Меня достала уже эта жалость. В школе учителя все время смотрят с жалостью, тетки соседки того и гляди, расплачутся, как только меня видят. Никто как будто не понимает, что от этой жалости бесконечной только хуже. Правда ведь?

Я кивнула в ответ. Она обняла меня еще крепче и снова зашептала:

— Они не понимают. Не понимают, что у меня есть самое главное. Что у меня есть ты, я у тебя есть тоже, вот что самое главное. То, что мы с тобой вместе и мы всегда будем вместе, и никто тебя у меня не отнимет...

Что-то случилось в тот вечер с моей Настей. Я слушала ее, гладила по голове, прижимала к себе и все отчетливее понимала, что девочка моя уже выросла.... Хотя внутри все протестовало: нет, не должно быть такого, думала я, ведь ей всего тринадцать, и рано еще, слишком рано становится ей взрослой! Но потом вспомнила, что и сама повзрослела гораздо раньше — в девять лет. И подумала, вздохнув, о том, что Насте моей еще повезло. Все-таки успели она дотянуть до тринадцати. Грустно все это было, жаль было расставаться с маленькой Настей. Я даже обиделась на нее немного в тот вечер, когда поняла, что она внезапно вдруг стала взрослой. Не спросила разрешения, не посоветовалась...

Где-то через неделю, после этого случая она принесла домой альбом с репродукциями. Я пришла поздно, в одиннадцатом часу. Она почему-то не вышла меня встречать, не повисла на шее как обычно.

— Настя! — позвала я и услышала из спальни:

— Я здесь.

Она сидела на кровати, а перед ней лежал какой-то толстый альбом, «SalvadorDali» — прочитала я на корешке латинские буквы.

— Что это ты здесь изучаешь? В школе что ли, задали?

— В школе такое не задают, — хмуро ответила она. — Посмотри сюда, ты его видишь?

— Кого? — я уставилась в репродукцию картины, которая называлась «Невидимый бюст Вольтера».

— Вольтера, кого же еще, — огрызнулась она. Не папу римского. Видишь его бюст? Я ничего не видела.

— Он же невидимый, — скептически возразила я. Здесь так и написано — невидимый...

— Видимый, очень даже видимый! Вот, посмотри глаза. Вот усы, вот губы. Вот ухо.

— Крупновато, — раскритиковала я ухо. — Не бывает таких ушей.

— Глупая ты, это же сон. Во сне все бывает. А вот еще, смотри...

Она листала страницы. «Автопортрет с Рафаэлевой шеей», «Одиночество», «Плоть на камнях»... Целая череда сюрреалистических видений, которые почему-то так захватили мою Настю. Пейзажи — Кодакес, Порт-Алигер. Два с лишним часа мы с ней листали альбом. От начала до конца, от конца до начала...

— Знаешь, Лерка, у меня такое странное ощущение. Я боюсь его закрыть. Мне кажется, я жить не смогу, если все это видеть не буду...

Я тогда не отнеслась серьезно к Настиным словам. Легла спать, а она еще полночи сидела и разглядывала эти параноидальные картинки, как будто и правда боялась с ними расставаться. Потом еще целую неделю листала она этот альбом, сидела задумчиво на диване и вглядывалась в рисунки, каждый раз видела в них что-то новое. Альбом этот был чужой, ей учительница по рисованию на несколько дней дала. Отдала его Настя обратно и заскучала. Сколько мы с ней по книжным магазинам искали — так и не нашли такого альбома. Я пошла тогда к ее учительнице, рассказала про Настины мучения, и она обещала мне помочь. А через пару недель Настя пришла из школы домой счастливая и притащила с собой целый ворох этих картинок, скопированных с альбома на цветном ксероксе. И принялась развешивать их по стенам...

Главное, я и сама ими увлеклась. Только в глубине души мне все же немного страшно было. Какое-то неприятное чувство не давало покоя: как будто неправильно я поступаю, поощряя эту странную ее привязанность к сюрреалистическому бреду. Не должна девчонка, которой еще и четырнадцать лет не исполнилось, всем этим увлекаться. У нее в голове другое должно быть. Дискотеки, вечеринки, губные помады. А тут вдруг — Сальвадор Дали.

Но поделаться с этой странной ее привязанностью ничего было нельзя. Со временем я привыкла и перестала обращать внимание на все эти кубистические фигуры, развешенные по стенам. Да и Настя, кажется, успокоилась. Снова стала ходить по квартире как по квартире, а не как по музею. Бывало в первое время и такое...

Когда ей исполнилось пятнадцать, появился в ее жизни первый мальчик. Синеглазый, светловолосый и добрый, как теленок — Мишка Абрамов. Я все смеялась над ними, когда видела, как они из школы вместе домой идут и он мою сестренку чинно так за талию обнимает.

С Мишкой она дружила недолго. Всего пару недель я наблюдала из окна их трогательные возвращения домой после школы, а потом снова увидела Настю, одиноко бредущую по дороге, усыпанной желтыми листьями.

— Где твой рыцарь? — поинтересовалась я — Насморк подхватил?

— Он не рыцарь, — хмуро ответила Настя. — Он придурок настоящий. Надоел он мне. И вообще, все это было та, от скуки. Не по-настоящему...

— Ничего, — утешила я сестру, — будет еще в твоей жизни настоящее чувство!

Если бы я знала тогда, что будет дальше с Настей...

Появился вскоре еще один ухажер, десятиклассник, прыщавый и долговязый Саня Куликов.

Однажды, вернувшись с работы чуть раньше, я застала их полураздетыми в нашей спальне. Этот придурак был в одних штанах. А Настя моя...

— Ну, и долго ты теперь будешь изображать из себя оскорбленную невинность? — поинтересовалась у меня Настя, не выдержав наконец тяжелого двухчасового молчания.

— Настя, тебе пятнадцать. Неужели ты не понимаешь, что тебе еще рано, слишком рано...

У меня просто слов не было. Все это как снег на голову свалилось, я еще не готова была к такому разговору,

— Ты считаешь рано? А сама ты, Лерка во сколько лет первый раз?

— Не в пятнадцать по крайней мере, — вспылила я.

— Тебе правда сейчас так плохо? — Она подошла, прикоснулась к моей руке.

— Ужасно. Мне ужасно плохо, Рыжик. Ты даже не представляешь...

— Но у нас ведь не было ничего. Так просто, помучили друг друга...

— Настя, мне страшно. Я боюсь за тебя...

— Ну что ты, мамочка! Не переживай, со мной все замечательно! Это я так, от скуки. Или просто ради любопытства. Знаешь, должно ведь в жизни происходить что-нибудь интересное. Успокойся, слышишь?

Но успокоиться я не могла. И даже не оттого наверное, мне было так страшно, что сестренка моя пятнадцатилетняя решила так рано во что бы то ни стало испытать вкус взрослой жизни. Рано или поздно это произойти все равно должно было. Меня мучило другое. Я долго не могла понять что. И только потом, почти год спустя, когда Настя моя уже успела пережить три или четыре сумасшедших романа, я наконец осознала: мне просто не хотелось ее терять. И это странное чувство, которое мучило меня все оставшиеся годы, и было чувством безвозвратной утраты. Настя оставалась со мной, она по-прежнему любила меня, но теперь она уже жила в другом мире. В своем собственном мире, и строила она этот мир по своим законам, сообразуясь лишь с собственными чувствами и следуя законам собственной логики, которая, надо признать, всегда отличалась особой оригинальностью. Настя строила свой мир По тем законам, по которым, наверное, рисовал когда-то свои картины ее любимый художник.

Мне было обидно. Я, как курица-наседка, беспомощно хлопала крыльями, кудахтала, пытаюсь вразумить непослушного цыпленка. Настино будущее я всегда представляла себе традиционно. Окончит школу девочка, поступит в институт. Устроится на приличную работу, встретит приличного человека, замуж выйдет может, и банально все это, и скучно, но так мне спокойнее. А мой цыпленок вдруг взмахнул своими желтыми крылышками и воспарил в небо, невзирая на то что по законам природы ему летать не положено. Наплевать ему было на все законы... „

Тот эпизод в спальне был единственным. Настя видимо, щадила мои чувства и с тех пор больше парней домой не водила. Однако охотно рассказывала про свои приключения, просила порой совета. Восторженно рассказывала об очередном своем поклоннике, а потом, спустя пару недель, снова повторяла: «Ерунда все это. Не по-настоящему. Это я так, от скуки...»

Все они проходили через ее жизнь, не оставляя следа. И только однажды...

Это случилось в начале лета. Был выходной, я решила устроить дома генеральную уборку, а Настя у себя в комнате готовилась к экзамену по физике. Закончив мыть окно на кухне, я решила немного передохнуть и пошла посмотреть, как там у Насти с физикой обстоят дела. Зашла к ней в комнату и вижу: Настя лежит на диване, в руке какая-то фотография.

— Фотографии рассматриваешь. А как же физика?

— Физику я уже закончила. Пять минут назад.

Я подошла ближе, взяла из ее рук фотографию. Увидела Настю, сидящую на зеленой траве рядом с каким-то парнем. Высокий, симпатичный, и сразу видно, гораздо взрослее Насти. Лет, наверное, на десять старше.

— Кто это? — любопытствовала я, стараясь ничем не выдать волнения в голосе. Плохо у меня это получалось, ничего не могла с собой поделаться: от всех этих бесконечных Настиных любовных приключений меня в жар бросало.

Она почему-то молчала. И это ее молчание еще сильнее меня разозлило:

— Черт возьми, этот дяденька вообще в курсе, что ты несовершеннолетняя? Что он в тюрьму может загреметь, если...

— Успокойся, мамочка. Это никакой не дяденька. Это Сережка.

— Твой Сережка тебе в отцы годится!

— Неправда, ~ спокойно возразила она. — Он всего лишь на девять лет меня старше. Мужчина не способен стать отцом в девять лет.

— И что? И что у вас с ним? Серьезно? Давно?

— Серьезно, — ответила она как-то тихо. — Очень серьезно, ты даже не представляешь, насколько. И достаточно давно. Мы еще осенью познакомились.

— Ничего себе, — присвистнула я. — Впервые от тебя такое слышу. Настя, ты меня пугаешь.

— Не пугайся, мамочка. Ну что в этом страшного? Когда все серьезно — это же хорошо. А он для меня человек очень близкий. Такой же близкий, как и ты. Вот, собственно, и все., .

Эти ее слова меня окончательно добились. Не хотелось мириться с тем, что какой-то там Сережка стал вдруг для Насти моей таким же близким, как и я. Это был удар ниже пояса. А она добавила:

— Правда, Лерка, не переживай. Пока я с ним — со мной ничего не случится. Все будет хорошо, пока он рядом...

Я перевернула фотографию и увидела надпись «Кнопке от меня».

Отдала фотографию Насте и больше ничего не сказала. Настроение у меня в тот день было отвратительное...

Но со временем я успокоилась, перестала ревновать сестру. Настя стала теперь достаточно часто, уходя, предупреждать: «Я к Серезжке». Или: «Мы с Серезжкой в кино». Домой возвращалась всегда вовремя, настроение было у нее хорошее, и я как-то незаметно для себя смирилась с существованием в жизни моей сестры этого Серезжки, который — что поделать! — стал для нее таким же близким, как и я.

— Познакомила бы меня со своим Серезжкой, — как-то раз попросила я Настю.

— Познакомлю, обязательно, — пообещала Настя. Был конец июня...

— Какие-то проблемы? — поинтересовалась Веника.

Теперь он смотрел на нее, как на инопланетное существо, непонятно каким образом приземлившееся прямо рядом с ним. Кажется, в первый раз в жизни он видел эту девушку с ярко накрашенными глазами.

— Да, кажется, проблемы, — ответил, лихорадочно соображая, что же ему теперь делать. Жоркины слова вообще в голове не уместались. Что за фантастика, что за бред? Откуда он мог узнать про Светлану? В самом деле, не в новостях ведь. Откуда?

— Помощь нужна? — снова настойчиво воскресла из небытия его знакомая.

— Вряд ли ты сможешь мне помочь. Ты лучше иди. Иди домой. Мне сейчас все равно некогда...

— Жаль. — вздохнула она. — Ты мне понравился.

Они стояли неподалеку от остановки. Увидев подъезжающий автобус, Сергей вдруг понял, что ему нужно делать. Ему нужно сесть в этот автобус и мчаться к Жорику. Из-под земли достать Жорика и выпытать у него эту странную тайну. Автобус остановился. Сергей рванул с места.

— Эй! — окликнула его Вероника.

Он, даже не оборачиваясь, бросил на ходу:

— Я тебе позвоню!

И вскочил на подножку. Потом только до него дошло, что телефона этой Вероники он не знает. Вздохнул: правда, неудобно получилось. Но почти сразу забыл про Веронику, снова мысли вернулись на круги своя, застучало сердце. «Только бы он был дома. Только бы застать его...»

Достал из кармана телефон и снова начал набирать Жоркин номер. Но мобильник по-прежнему был отключен, он догадался и позвонил Жорику домой. Трубку снял младший Жоркин брат и сообщил, что тога нет дома. Сергей растерялся, потом только сообразил, где Жорика найти можно. Суббота ведь. Традиционная холостяцкая пирушка. Совсем из головы вылетело...

Он вышел из автобуса, пересел на другой. Через двадцать минут, которые показались вечностью, уже нажимал на кнопку звонка. Жорик открыл с видом оскорбленной невинности. Не произнес ни слова.

— Ладно, чего ты надулся, как девица красная. Чего я тебе такого сказал?

Сергей прошел в комнату, и сердце заныло: ведь вчера еще здесь было... Даже не верилось, что в этой убогой комнатке с дырами на обоях и практически полным отсутствием мебели, могло

случиться с ним такое. Хотя, собственно, ведь и не было ничего. Даже чай попить не успели.

— Жорка! — позвал Сергей. — Ты где там?

Жорик появился в дверном проеме с нахмуренными бровями.

— Ты иногда раздражаешь, Серый. У тебя, знаешь ли, психика не вполне устойчивая.

— Поверим словам опытного психиатра. Давай только отложим на потом сеанс психоанализа, а сейчас ты мне скажи: откуда узнал про нее?

— Про кого? — невозмутимо уточнил приятель.

— Ну не придуривайся же ты, я тебя прошу! Про Свету, которая здесь была вчера! Откуда ты про нее узнал?

Жорик вдруг расхохотался:

— Ну ты, Серый, даешь! Впервые в жизни тебя в таком состоянии наблюдаю. Видать, сильно она тебя зацепила, эта Света...

— Зацепила. Сильно, — с трудом сдерживая бешенство, проговорил Сергей. — Ты даже не представляешь, как зацепила. Не тяни душу...

— Ладно уж, чего там. С кем не бывает, — благожелательно отцвел Жорик и принялся рыться в карманах. — Она тебе записку в двери оставила, вот откуда я про нее узнал. Там, кстати, не написано было, для кого. Так что можешь спрятать кулаки — я не виноват, что мне ее прочитать пришлось. Да там нет ничего особенного, в этой записке...

Жорик извлек наконец из кармана помятый белый лист. Протянул его Сергею.

Он развернул помятую бумагу и увидел буквы, написанные синими чернилами. Крупный детский почерк, немного нестройный, неуверенный.

«Сережа», — прочитал он, и забытая радость, в возвращение которой так отчаянно хотелось верить, захлестнула его с головой, и снова прочитал «Сережа», услышал ее голос, отчетливо вспомнил: насмешливый взгляд, тень от ресниц на бледной щеке.

«...извини, не дождалась тебя. Если хочешь, позвони мне. Светлана». Дальше шли цифры. Шесть цифр — тайный код, открывающий доступ к счастью... Шесть цифр — так просто. Неужели может быть все так просто?!

Сергей уже доставал из кармана телефон. Окружающие предметы, Жорик, стоящий рядом и ухмыляющийся, — все отодвинулось на второй план, ушло за грань этого нового мира, в котором Сергей оказался так внезапно. «Может быть, шутка, розыгрыш?» — промелькнула мысль. Только нет, навряд ли. Ведь никто, ни одна /живая душа про их вчерашнюю встречу не знает и; знать не может. Если только сама судьба решила снова над ним посмеяться, как посмеялась вчера...

— Ну что ты застыл? Звони! — напомнил о себе Жорик. — Пусть приезжает часам к семи. Лелик с Макаром тоже подтянутся. Посидим... Посмотрим, что там у тебя за королева такая.

Ускользящая реальность снова вернулась на прежнее место. «Нет, не зря Кнопка его недолюбливала», — с возрастающей неприязнью подумал он о Жорике. Поборов нетерпение,

положил телефон обратно в карман, туда же — аккуратно сложенную записку и молча принялся зашнуровывать кроссовки.

— Ты чего? — осведомился приятель.

— Ничего. Спасибо тебе, Жорка, только я сегодня не останусь. Нет настроения.

— Понятно, — хмыкнул Жорик. — Я чувствую, мы тебя теряем. Но это ничего, с кем не бывало... Вернешься еще.

— Возможно, — согласился Сергей и наконец вышел из душной прихожей.

Быстро спустился вниз по лестнице, на ходу опять доставая телефон и записку. Почему-то хотелось снова прочитать ее. Снова, снова и снова.

Он наконец набрал номер. Услышал далекие гудки и почувствовал, как концентрируется в этот момент в этих гудках вся его жизнь. Как будто только затем и прожил он свои двадцать семь лет на этом свете, чтобы дождаться наконец этих гудков, дождаться, когда они оборвутся, и услышать голос...

Гудки оборвались, вслед за этим он ничего не услышал. В трубке была тишина. Тишина показалась ему длиною в вечность.

—Света?

— Я слушаю.

Ее голос показался ему таким далеким. Как будто сотни километров их разделяли, и все же это был именно ее голос, который снова воскресил в памяти с поразительной отчетливостью взгляд, поворот головы, насмешливую и немного грустную улыбку.

— Это Сергей.

— Привет. Прочитал мою записку?

— Прочитал. Только что прочитал. Извини, раньше не получилось.

— Это ты меня извини. Я все же не очень хорошо с тобой поступила. Просто вспомнила, что совсем забыла...

Она рассмеялась. Он тоже улыбнулся, робко, не веря еще в реальность происходящего разговора.

— Вспомнила, что забыла?

— Да, совсем забыла, что мне срочно нужно было... Опять запуталась. В общем, извини, что не дождалась тебя.

— Жаль, конечно. Я чай купил, как ты просила. С апельсиновым ароматом. Пришел, а тебя нет. Я думал, ты навсегда исчезла...

— Я тоже так думала, — ответила она и замолчала.

— Давай, может быть, встретимся с тобой? Если ты, конечно, свободна...

— Конечно, я свободна. Может быть, на Набережной? Я люблю смотреть на воду...

— На Набережной. Конечно, давай встретимся на Набережной, если ты любишь смотреть на воду. Посмотрим вместе...

— Через час?

— Так долго? — Он не смог скрыть разочарования в голосе.

Она снова улыбнулась — Сергей почувствовал эту ее Улыбку, насмешливую и немного грустную.

— Пока доеду — как раз час пройдет. Я ведь на другом конце города живу.

— А туфли? — вспомнил он. — Туфли-то починила?

— Туфли, — эхом отозвалась она. — Туфли уже не починишь... Значит, через час?

— Через час, — согласился он с тоской. — У первого причала?

— У первого, — согласилась она. Добавила: — До встречи!

И снова оставила его наедине с телефонными гудками, которые бежали теперь торопливо, отчаянно диссонируя с течением времени. Через десять минут он уже стоял возле первого причала.

Облака барахтались в воде, наскокивали друг на друга темными бликами и бессильно растворялись в потоках солнечного света, отраженных искрящейся гладью. Добродушный и ленивый ветер легонько подгонял облака вперед, они неслышно двигались с места, сползали к горизонту, уступая свое место таким же пушистым и ленивым своим собратьям. Желтые листья шелестели под ногами, напоминая о том, что лето уже прошло.

Мимо проходили люди. Детский смех, восторженный гомон подростков, вздохи старушек, шелест листьев и тихие всплески волн — все смешалось в какую-то музыку, которую хотелось слушать бесконечно. Давно, очень давно не случалось таких дней. Хотя и осень эта была не первая в жизни Сергея, и ничем она, наверное, не отличалась от двадцати семи прожитых уже, незамеченных, не оставивших следа. И вода, отражающая блеск солнечного света, и облака — все это было, тысячи раз было, только теперь стало вдруг исключительно важным, значительным. Кто бы мог подумать, что человек — нормальный человек, не какой-нибудь там поэт, философ или просто шизик обыкновенный — может стоять вот так, смотреть на тени облаков, плывущие по воде, и радоваться.

Тревога, едва ощутимая в первые минуты, с течением времени все нарастала. Прошел час — и постепенно снова исчезли облака, растворились в океане тревоги, и шум листвы смолк, и солнце показалось навязчивым, неделикатным...

Но она все же пришла. Он почти потерял надежду на то, что встреча их состоится, когда увидел вдруг вдалеке ее силуэт. Пшеничные волосы полыхали платиновым огнем, снова воскрешая в сознании все ту же настойчивую мысль: для чего оно, это глупое мертвое солнце, когда есть на земле такая девушка Света?

— Привет, — проговорила она, сиюсь справиться с дыханием. — Извини, опоздала. Глупо надеяться на транспорт. Устал ждать?

— Если честно, — он улыбнулся, — я просто боялся, что ты уже не придешь.

— Ну что ты, я же обещала. Господи, солнце-то какое, со всех сторон — и с неба, и из воды... Светит, только вот не греет уже.

— Осень.

— Осень, — повторила она. — А знаешь, я люблю °сень. Осень — первое, что я увидела в жизни. Я родилась осенью. Может быть, поэтому? Меня никто не понимает. Все почему-то любят лето.

— А я летом — как медведь в берлоге. Не выношу жару, у меня от нее мозги плавятся.

— Вот и я летом не живу, а просто жду, когда оно закончится. Ну что мы стоим? Пойдем, прогуляемся. Расскажи мне о себе.

Она коснулась его руки и тут же отпустила, обрекая его на то, чтобы весь вечер снова ждать этого нечаянного прикосновения.

— Знаешь, боюсь, что не слишком интересный рассказ получится, — засомневался он.

— Это тебе так кажется. А я ведь о тебе не знаю ничего. Поэтому мне все будет интересно. Чем ты, например, занимаешься?

— Я программист, если ты о специальности.

— А в остальное время?

— В остальное время... Так, проживаю жизнь.

— Прожигаешь? — уточнила она с усмешкой.

— Если бы! — возразил он со вздохом. — А ты?

— Я? — Она задумалась на мгновение. — Трудно сказать. По-всякому бывает. Чаще просто живу день за днем. Дни похожи один на другой. Наверное, это нормально.

— Работаешь?

— Работаю, — кивнула она. — Да работа тоже у меня не слишком интересная. В архиве, с бумажками. Не нравится мне, но что поделать. Там зарплата приличная, и попасть туда не так-то просто. Меня по знакомству устроили.

— Хорошо, когда кто-то помочь может. А у меня, знаешь, такая профессия, что приходится самому пробиваться. Родители мои от всего этого далеки. Отец литературой занимается, мама — врач. В сфере моей профессии у них никаких знакомств, никаких связей.

— И как? Получается пробиваться?

— Пока не очень, — честно признался Сергей.

— Давай спустимся к воде? — предложила она и, не дожидаясь его согласия, свернула направо и медленно, ставя ступни наискосок, принялась спускаться по крутому забетонированному склону.

— Осторожно, Света. — Он протянул ей руку. — Держись за меня!

Снова — прикосновение, неожиданное тепло, растаявшее почти сразу, — слишком коротким оказался этот путь к воде. Волны лениво облизывали бетон, намывая жидкие пригоршни извлеченного откуда-то из глубины песка. Сергей наклонился, прикоснулся рукой к воде.

— Лед. Пальцы судорогой сводит, какая холодная...

— Знаешь, я ведь по сути своей — рыба, хотя по гороскопу Скорпион. Вода меня притягивает как магнит. С самого детства. Я ведь плавать научилась в три года.

— Правда?

— Правда. И никто меня не учил. Бултыхалась себе возле берега, пока родители вдруг не поняли, что ребенок уже сам на воде держится. И потом каждое лето меня отец с собой на острова брал. У него тогда катер был. Старенький такой «Прогресс». Отец с приятелями с удочками сидели, а я целый день в воде барахталась. И знаешь, до сих пор... Вот даже сейчас — смотрю на воду, и мне безумно хочется в нее окунуться, поплыть...

— Ты как мама моя. Она у меня тоже — рыба. И по сути своей, и по гороскопу. Знаешь, они даже с отцом знакомились в воде.

— В воде? — Она удивленно подняла брови.

— Да, это давняя история из семейного архива. Свято хранимая...

— Расскажи. Я ведь специалист по историям из архива.

— Такой в твоём архиве наверняка не найдется. Знаешь то место на Волге, где грузовой порт начинается?

— Знаю, конечно. Сколько раз там была.

— Вот там они и познакомились. Отец с другом поспорил, что переплывет Волгу.

— Там километра три будет!

— Вот-вот. — Сергей усмехнулся. — Он подумал-подумал, да и отказался. А мама неподалеку лежала и спор этот слышала...

Солнце уже садилось за горизонт, а они все стояли у воды, слушая шепот волн и изредка нарушая тихими голосами ритмичность этого шепота. Сергей прислушивался к себе и чувствовал, что внутри теперь царит одна лишь безмятежность, и сердце бьется неслышно, спокойно, едва догоняя своими толчками плеск волн. Два с лишним часа пролетели, как две минуты. Даже не верилось, что такое бывает.

Он провожал взглядом волны, чувствуя, что каждая из них отмеряет теперь короткий отрезок его жизни. Каждый отрезок наполнен солнечным светом, влажным запахом осенних листьев, и каждый освещен присутствием здесь, рядом с ним, этой удивительной девушки. Солнце вплетает свои лучи в ее волосы, волны шелестят, пытаются подражать ее шепоту. А она будто и не замечает, что вся эта красота окружающего мира — только ее отражение...

Снова поднявшись наверх, они еще долго ходили вдоль Набережной, несколько раз покупали мороженое, потому что, как выяснилось, оба до самозабвения любили мороженое и ели его

даже зимой. Пожилая женщина, в третий раз доставая вафельные стаканчики из холодильника, сказала с улыбкой:

— Жарко вам, молодежь!

Они дружно рассмеялись в ответ, даже не вполне осознавая причин своего смеха, а просто потому, что настроение было хорошее.

— Наверное, мы и правда выглядим забавно. Пять градусов тепла, а мы невозмутимо поглощаем мороженое...

— Ты замерзла?

— Ни капли. У меня, кажется, другая проблема...

— Все та же, — вздохнула она и снова рассмеялась, — Туфли! Я, кажется, в кровь ногу стерла. Новые, ни разу не надевала еще.

— Ну вот, — рассмеялся в ответ Сергей. — Что за напасть такая. Как только я появляюсь, вместе со мной появляются в твоей жизни проблемы с обувью!

— Ничего, проблемы с обувью не самые страшные. Только, кажется, мне снова придется на этот раз попросить тебя меня проводить... Хотя бы до остановки.

— Конечно, я провожу тебя. До остановки, до дома, если ты не возражаешь.

— Не возражаю.

Они медленно стали подниматься вверх. Сначала она держалась достаточно бодро, но с каждым шагом прихрамывала все сильнее. Даже разговаривать почти перестала

Шла молча закусив губу.

— Нет, так не пойдет дело. Подожди, постой Я поймаю машину и доедем прямо до подъезда.

Она покорно кивнула, видимо, на самом деле сил для того, чтобы бороться с болью, уже не осталось. Сергей остановил первую же попутку, они сели вдвоем на заднее сиденье. Боль ее отпустила, снова завязался разговор. Они так увлеклись беседой, что едва не проехали мимо ее дома. Водитель резко затормозил, когда она вдруг опомнилась и закричала ему:

— Стоите, куда же вы?

— Интересные вы, молодые люди. Я-то откуда знаю, где вам останавливать надо, — усмехнулся он беззлобно и по просьбе Сергея развернул машину обратно. Вернулся к тому месту, где до кирпичного пятиэтажного дома с огромным рекламным плакатом на торце оставалось пройти метров тридцать, не больше.

Она снова повисла у него на руке, снова закусила губу, из последних сил, видимо, наступая на больную ногу.

— Нет, так дело не пойдет. Давай-ка я тебя донесу.

Она запротестовала, замахала руками, но он и слушать ее не стал. Подхватил — легкую как перышко — и понес бережно, не чувствуя тяжести. Только сердце стремительно падало куда-то

вниз, отзывалось гулками толчками на каждый его шаг, а запах ее волос пьянил голову, накидывал какую-то пелену на глаза. Распахнул дверь подъезда носком ботинка:

— Какой этаж?

— Пятый. Прости, — рассмеялась она, не догадываясь о том, что он совсем не огорчился.

Десять лестничных пролетов — и вот он, конец пути. Пришлось все-таки разомкнуть объятия, отпустить ее от себя. А отпускать не хотелось — казалось, все что угодно он готов был сделать, чтобы продлить это ощущение близости, чтобы и дальше растворяться в этом запахе клейких весенних листьев, который исходил от ее волос.

— Света.

Он задержал на мгновение ее руку в своей. Она не сопротивлялась. Стояла молча рядом, только глаза опустила вниз. «И что же это такое со мной происходит? — в который раз поразился он своим ощущениям. — Как будто первый раз в жизни рядом девушка. А ведь раньше, с другими, так легко все получалось. А теперь даже рукой прикоснуться боюсь. Не то что губами...»

— Знаешь, а я искал тебя сегодня. Весь день ходил по городу и искал тебя. Глупо, наверное?

Она молчала. Потом подняла глаза, улыбнулась. В ее взгляде не увидел он ни капли смущения, ни капли страха — того, который сковывал сейчас его движения и делал косноязычной речь.

— Я тоже весь день о тебе думала. И вчера вечером, и сегодня...

Губы ее были так близко. Теплота и сладость дыхания почти ощутимы. Сердце затаилось, почти перестало биться, подготавливаясь, видимо, к новой сумасшедшей гонке...

Но он не решился. Что-то остановило его. Может быть, слишком тривиальной показалась эта сцена — поцелуи возле закрытой двери. Наигранной какой-то, хотя и не играл он вовсе, и никогда в жизни еще не хотелось ему так сильно поцеловать девушку, как хотелось сейчас...

Она освободила руку. Расстегнула молнию на сумке, Достала ключи. — Может, зайдешь?

— Зайду. Если пригласишь, — ответил он хрипловато.

— Приглашаю...

Она открыла дверь:

— Тогда проходи. Только не обращай внимания, у меня здесь творческий беспорядок...

— А родители твои?..

— Я отдельно от родителей проживаю. Поэтому можешь перестать шипеть мне в ухо и начать разговаривать нормальным человеческим голосом, — улыбнулась она и добавила: — Только соседи у меня внизу ворчливые. Так что не топай.

Он разулся и прошел в комнату на цыпочках. От этого зрелища она принялась хохотать. Он обернулся на ее смех и понял вскоре, что тоже от смеха удержаться не может.

— Сама ведь просила тихо себя вести! А хочешь так, что, наверное, на улице слышно!

— Если бы ты себя сейчас видел со стороны! Джеймс Бонд, постигающий азы шпионского дела!

— Стараюсь, — кивнул Сергей и огляделся вокруг.

Ему почему-то сразу понравилась эта комната, с виду ничем не примечательная и не обозначенная, как показалось ему на первый взгляд, какими-то знаками присутствия здесь Светланы. Просто в ней было уютно. Диван, на который она его усадила, оказался мягким, свет настенной лампы — приглушенным и не раздражающим, пейзаж в деревянной рамке, висящий на стене, напоминал их прогулку вдоль края воды.

— Господи, какое счастье ходить босиком! — Мечтательно проговорила она и упала в кресло напротив него. — Чертова цивилизация, кому она принесла хоть каплю счастья?

— Да, наверное, без некоторых достижений технического прогресса людям жилось бы проще. И все же ты не права. Есть некоторые незаменимые вещи.

— К примеру?

— К примеру, телефон. Если бы не существовало телефона, я бы не смог тебе позвонить сегодня.

— Если бы не существовало туфель, у меня бы вчера не сломался каблук. И мы бы с тобой вообще не встретились, — снова засмеялась она.

— Хвала цивилизации! — резюмировал Сергей.

Она подхватила:

— Хвала! Кстати, благодаря ее достижениям мы можем разогреть в микроволновке пирог. Иначе пришлось бы есть его холодным. Насколько я понимаю, мы проголодались?

— Да, мороженая пицца практически духовная. Если учесть, что часа два уже прошло с тех пор...

— Все, уже иду. Уже бегу на кухню, — снова засмеялась она. — У тебя взгляд волчий становится...

— Тебе помочь?

— Как хочешь. Если не считаешь ниже своего достоинства...

— Нучто ты. Почту за честь.

— Тогда идем.

Вооружившись кухонным ножом, он составлял сложную композицию из болгарского перца, разного вида зелени и бурых осенних помидоров. Она тем временем разогревала пирог в микроволновке, резала хлеб и колбасу. Он наблюдал за ее движениями и вспоминал почему то Кнопку, которая была настолько слаба в кулинарии, что даже куска хлеба ровно отрезать не умела.

Как-то незаметно прошел вечер. Он принялся было нахваливать ее кулинарные способности — пирог с мясом действительно был потрясающе вкусным. Она долго выслушивала, скромно

опустив глаза, а потом призналась, что купила его в магазине. И снова рассмеялась, и он подхватил ее смех, потом они вместе мыли посуду, потом долго сидели на кухне, разговаривали о чем-то. О чем он потом и вспомнить не мог, помнил только ее взгляд, ее смех, ее голос...

Время предательски продвигалось вперед. Уже сомкнулись стрелки на вершине циферблата. Сергей чувствовал, что пора домой, но все откладывал, каждый раз давая себе слово: вот еще минут пятнадцать, десять, пять хотя бы — и он встанет, попрощается... Но не получалось. Может быть, оттого, что так до конца и не смог поверить он в то, что все это происходит с ним на самом деле. Что теперь они, возможно и даже очень вероятно, будут видеться всегда, будут видеться часто. Как он себя ни уговаривал — в глубине души все равно оставался страх, что встреча эта их первая и последняя...

Она его не торопила. Может быть, в силу природной деликатности: не все же в самом деле такие прямолинейные, как Кнопка, которая без зазрения совести выталкивала его когда-то за дверь. А может быть, просто потому, что тоже не согласна была с ходом времени, которое в тот вечер определенно опережало привычный график.

Потом, когда они снова переместились из кухни в комнату, он обнаружил вдруг гитару, висящую на стене.

Она висела над диваном, поэтому, видимо, сначала он ее не заметил.

— Ты играешь на гитаре?

— Нет. — Она покачала головой. — Не играю. Это не моя вообще гитара.

— А чья?

— Одна знакомая оставила. А ты играешь?

— Так, пытался когда-то. Меня мама учила. Мама у меня прекрасно играет... Играла раньше, а теперь гитара на даче на стене висит,

— Сыграй что-нибудь...

Сергей взял гитару в руки охотно. В студенческие годы он вообще практически не расставался с этим инструментом и позже в армии, тоже частенько пощипывал струны. А вот за последние четыре года, кажется, ни разу не возникло повода к ним прикоснуться. Просто не было повода, и люди его окружали совсем не те, для которых хотелось бы играть.

— Я давно не играл.

— Почему?

— Не знаю даже. Как-то жизнь так сложилась, что места для гитары в ней не осталось...

— Так освободи, — сказала она серьезно. — Это же здорово — играть на гитаре.

— Откуда ты знаешь?

— Мне так кажется. — Она пожала плечами и снова попросила: — Сыграй что-нибудь.

Гитара была сильно расстроена, Сергей долго ее налаживал, еще полчаса прошло, пока наконец каждая струна начала давать именно тот звук, который от нее и требовался.

— Что тебе сыграть?

— Не знаю. Мне все равно нравится...

Он принялся вспоминать песни, которые пели на студенческих вечеринках. Она слушала молча, внимательно, не отрывая взгляда. Взгляд у нее был задумчивый и отчего-то влажный...

— Ты загрустила, Света?

— Не знаю. — Она пожала плечами. — Я просто слушаю. Ты замечательно играешь. И поешь замечательно. Правда. Так бы и слушала. До утра...

Так и вышло, что слушала она его почти до самого утра. Уже в шестом часу, когда первые робкие лучи солнца сделали небо бледно-розовым, он наконец поднялся:

— Послушай, я засиделся. Извини, ты, наверное, спать хочешь...

— Может быть. Я об этом не думала. Но наверное, тебе и в самом деле пора. Быстро время пролетело...

— Быстро, — кивнул он в ответ. — Мы увидимся завтра?

— Конечно, — ответила она — Давай на том же месте.

— А туфли?

— С туфлями покончено.

— Босиком придешь? — улыбнулся он.

— У меня кроссовки есть. Вариант, проверенный временем.

— Ну и отлично. Значит, до завтра?

— Значит, до завтра, — согласилась она.

Он постоял некоторое время в прихожей, чувствуя что безумно не хочется ему с ней расставаться... Но потом все же заставил себя. Отвел взгляд в сторону, нажал на ручку двери...

«Вот и все», — мелькнула в сознании неотчетливая мысль.

— Света. — Он обернулся. — Ты только, знаешь, больше не пропадай.

— Не буду, — пообещала она.

Дверь захлопнулась. Спустившись вниз, он разыскал на пятом этаже ее окно с бежевыми занавесками. Вдохнул и быстро зашагал по безлюдной улице вдоль дороги, заранее предчувствуя, что до дома ему придется идти пешком.

Через некоторое время все же удалось поймать какого-то ночного бродягу, который согласился подбросить его до дома. Мужик попался веселый, разговорчивый. Всю дорогу травил анекдоты, ругал на чем свет гаишников и свою жену, которая вечно на него ворчит. Сергей слушал, улыбался и думал о своем.

— А ты, никак, приятель, от девушки возвращаешься.

Сергей кивнул неопределенно, не чувствуя желания обсуждать подробности.

«Вот ведь, — мелькнула мысль; — Провел с девушкой ночь. И даже не поцеловал ни разу...»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Настины сказки

Из дневника Валерии

Это было в середине июня.

Настя пообещала, но почему-то не торопилась знакомить меня со своим Сергеем. Я попросила ее как-то, чтобы она мне о нём рассказала. Настя пожала плечами:

— *Чего рассказывать? Просто он замечательный человек, вот и все. Не такой, как все остальные.*

— *А почему он тебя Кнопкой называет?*

— *Потому что я Кнопка и есть. Он с первого дня меня так называет.*

— *А родители у него?*

— *Родители, — вяло отозвались Настя, потом вспомнила что-то. — Кстати, у него отец преподает историю зарубежной литературы у вас на факультете. Павел Алексеевич его зовут.*

— *Селезнев? — удивилась я. — Это он отец, твоего приятеля?*

— *Селезнев, — подтвердила Настя. — А что здесь удивительного?*

Удивительного, и правда, не было ничего, все люди где-то работают.

— *И все-таки когда ты нас познакомишь?*

— *Познакомлю как-нибудь, — откликнулась Настя. — Только учти, Лерка, не люблю я эти официальные приемы.*

— *Я и сама их не люблю, — ответила я. — Не беспокойся.*

А потом, спустя несколько дней после этого разговора, все и случилось. Я пришла с работы домой, уставшая, как обычно. В Настиной спальне свет не горел, но пыльные ее кроссовки стояли на своем месте. Беззлобно чертыхнувшись про себя — вот ведь, принцесса, снова за ней обувь мыть придется, я прошла на кухню, выпила один за другим два стакана воды. Жара стояла страшная. Переоделась у себя в комнате, помыла обувь — свои туфли и Настины кроссовки, расстелила постель. Потом решила пойти проверить Настю. Просто посмотреть, как она спит, пожелать ей спокойной ночи — я всегда так делала, даже если она уже спала и пожеланий моих не слышала. Зашла тихонько в комнату, включила ночник и вздрогнула от неожиданности, увидев Настю.

Она не спала. Она сидела на полу, в дальнем уголке, сжавшись в стену, и смотрела на меня

так, как будто не видит. Какой-то лист бумаги держала в руках.

— Настька... Настька, что с тобой? Что случилось?

Я подбежала к ней, выхватила из рук эту бумагу, думая, что это, может быть, письмо какое-то. По — том отшвырнула в сторону — оказалось, что это была всего лишь репродукция Дали. Страшная, неприятная картина. «Воин» называется. Какой-то жуткий череп с огромными глазами и в каске немецкого солдата. До сих пор вспоминаю эти провалившиеся его глаза, огромный рот... Настя молчала.

— Черт, что за удовольствие рассматривать эти ужастики! Настька, приди в себя. Что случилось, скажи, я тебя умоляю!

Она, наконец, заметила меня. Подняла глаза, улыбнулась одними губами.

— Да ничего страшного, мамочка. Ничего особенного со мной не случилось. Так, неприятности...

— Что за неприятности? — теребила я Настю.

— Ни к чему тебе все это. Все равно уже ничего не изменишь, не поправишь. Иди спать, Лерка.

— Не дождешься! Или ты думаешь, я смогу заснуть, пока ты здесь вот так сидишь с мертвыми глазами наедине с этим ужасным черепом?

— С каким черепом? А, ты об этом... Брось, на мой взгляд, он очень даже симпатичный. Бывает и похуже.

Я пыталась ее — почти целый час мучила, пыталась заставить рассказать, что же произошло с ней. Она огрызалась смеялась надо мной, выгоняла меня, потом не выдержала и расплакалась. Она плакала, а я прижимала ее к себе, гладила по мокрой щеке, усыпанной веснушками, перебирала эти косы ее бесконечные и шептала:

— Ну успокойся. Успокойся, девочка моя. Ты же знаешь, мы вместе и с нами ничего не может случиться, покамы вместе...

— Просто голова у меня мусором забита — всхлипнула Настя, — Правильно он говорит: голова у тебя, Кнопка, мусором забита...

— И все-таки, что случилось?

— Случилось, Лерка, то, чего ты всегда боялась. Я залетела, вот что случилось.

— О Господи! — Я прижала к себе Настю еще крепче, почувствовав совсем некстати, наверное, странное облегчение. Наверное, все же не самое страшное, что может быть в жизни, с ней случилось.

— А он? — спросила я тихонько, уже догадываясь, что мне известна только лишь часть Настинной истории. — Он знает?

Лучше бы я этого не спрашивала... Лучше бы, но, что теперь поделаешь? Я спросила. И она мне ответила.

Ответила, скривив губы в странной, уродливой усмешке.

— Он знает. И еще много чего он про меня знает. И то, что я в городе самая известная подстилка, знает тоже. Он мне так и сказал. И папочка его, и мамочка тоже, оказывается, в курсе дел. Он их успел просветить по этому поводу. Особенно мамочку... Я только на порог ступила, а она набросилась на меня, как ведьма. Сказала, чтобы я и думать не мечтала о ее сыночке. Он, видите ли, из приличной семьи мальчик, и не чета ему такие, как я. Дура дебильная решила, что я и правда замуж за него собираюсь. Мне всего-то и надо было от него — денег на аборт... А потом его отец.

Я слушала Настю, молчала и слушала ни слова не говоря, а потом и сама не заметила, как руки мои потянулись к этой роже дурацкой, черепу в каске. Потому что я поняла: когда такой ужас перед собой видишь, немного легче становится. Потому что этот воин все же чуть-чуть пострашнее, чем жизнь. Только чем больше говорила Настя, тем меньше мне в эту спасительную мысль верилось, тем симпатичнее мне этот череп ужасный казался...

Хотя в тот момент я обо всем об этом и не думала вовсе. Я просто слушала Настю и смотрела на картинку, не задумываясь о том, почему это вдруг меня к ней потянуло. Потом Настя замолчала, и мы с ней вместе еще долго рассматривали этого воина. Только легче от этого уже не становилось.

— Я же сказала тебе. Он симпатичный, — прошептала Настя.

— Да, ты права. Милашка, — согласилась я, утирая слезы на глазах. Я держалась изо всех сил, но у меня плохо получалось.

— Брось, Лерка, не плачь, — попыталась Настя меня утешить. — Всякое в жизни ведь бывает. А она просто дура ненормальная, мамаша его. Она думала, мне сыночек ее золотonosный нужен. А мне только денег на аборт...

— Денег на аборт, — повторила я. — Ты что же, Настя, твердо решила?

— Конечно, — ответила она. — Куда тебе, мамочка, троих прокормить.

— Глупости. Это не причина.

— Я знаю, знаю. Только не хочется мне рожать внука этой гиены. Если рожу когда-нибудь, то от нормального человека. Со здоровой генетикой...

Я долго не отставала от нее. Уговаривала, вразумить пыталась. Но Настя не соглашалась, даже думать не хотела о том, чтобы ребенка оставить. Почти до самого утра мы с ней просидели, я все уговаривала ее. Под утро она согласилась. Только я чувствовала — согласилась для виду. Чтобы отстала наконец, от нее назойливая мамочка. Чтобы перестала зудеть над ухом, глупости разные говорить.

И все же я успокоилась немного, думая, что теперь у меня по крайней мере есть передышка. Поскольку денег на операцию у Насти нет, и нигде, кроме как у меня, она их взять не может. Я так думала... Уходила на следующий день на работу, прощалась с Настей и не знала, что прощаюсь с ней навсегда...

Вот, собственно, и все.

У Насти было слабое сердце, как у мамы. Она не выдержала наркоза.

В начале июля я похоронила Настю...

Домой ехали молча.

Павел смотрел сосредоточенно на дорогу — серое полотно, убегаящее из-под колес, вздымающееся по сторонам жидкими облаками пыли. Поздняя осень выдалась в этом году — конец октября, а ни разу еще даже не подморозило.

— Ничего не забыли? — спросила Рита как-то равнодушно. Впрочем, равнодушие это было оправданным: в самом деле, это была последняя поездка, и возвращаться на дачу раньше апреля месяца они уже все равно не станут. Даже в том случае, если что-то забыли. Землю вскопали, чеснок посадили, постельное белье перестирали, никакой провизии для мышей в шкафах не оставили.

— Чай, кажется, забыли, — вспомнил Павел. *Тот*, со вкусом апельсина. Как стояла пачка на столе, так и осталась стоять.

— Ну и слава Богу. Пускай пируют мыши. А мне этот чай не понравился.

Машина, как это случалось каждый год во время последних поездок, была набита до отказа. Багажник с трудом захлопнулся. При этом единственной вещью, которая действительно стояла того, чтобы тащить ее с дачи домой, на взгляд Павла, была гитара.

Из далеких странствий она возвращалась теперь домой. Давно забытая, запылившаяся. Павел сам уговорил Риту взять гитару, почему-то решив, что с присутствием гитары ему станет легче. Если гитара будет висеть на стене — Рита останется не одна, когда Павел решится наконец ее покинуть. У нее будет гитара. Он утешал себя этой мыслью, в то же время абсолютно осознавая ее бесполезность и даже жестокость. Оставляя в доме гитару, он обрекает Риту на вечные воспоминания.

«Вот ведь, — думал Павел, сосредоточенно взглядываясь в темную дорогу. — Столько лет на стене провисела — никто и не вспоминал о ней. И без нее тошно было, теперь еще...»

И все же теперь, после того, как гитара ожила, оставлять ее висеть забытой на стене в Ритиной комнате казалось Павлу кошмарным. Столько воспоминаний, связанных с этой гитарой, нахлынуло в тот вечер, захлестнуло с головой. В какое-то мгновение Павел даже почти поверил в то, что все произошедшее с ним в последние два месяца — всего лишь сон, и счастливый и страшный одновременно. Он видел Риту — молодую, рыжеволосую хохотушку Риту, слышал ее голос, видел, как играли ямочки у нее на щеках, когда Рита улыбалась. Привычное убеждение в том, что Рита за последние годы изменилась, постарела, стала серьезной и домовитой, — убеждение это куда-то испарилось, и Павел отчетливо осознал то, что сам себе все это время его навязывал. Серьезная, земная и будничная Рита существовала лишь в его воображении. Звуки гитары воскресили в памяти прежний образ Риты, и Павел понял, что за прошедшие годы жена совсем не изменилась. Только грусть в ее глазах, которую так упорно он отказывался замечать все это время, делала Риту старше. Даже не старше, а взрослее, искусеннее...

Он думал о Рите, и в то же время ни на минуту не забывал о Валерии. Время шло, а ничто не менялось, он продолжал блуждать в железных кольцах замкнутого круга, которые сжимались, как казалось Павлу, с каждым прожитым часом все плотнее.

И это молчание в дороге тоже казалось невыносимым. Павел чувствовал груз этого молчания, словно рядом с ним сидел какой-то малознакомый человек, с которым необходимо

поддерживать беседу. Раньше молчание вдвоем с Ритой никогда не казалось ему таким обременительным...

Наконец долгий путь закончился. Павел припарковал машину на стоянке и медленно поплелся к дому вслед за женой. Оба были нагружены всевозможными сумками и пакетами — тут уж не до разговоров, и это немного облегчало ситуацию.

— Свет горит, — бросила Рита через плечо. — Странно, в такое время он обычно дома не сидит.

— Может, только уходить собирается, — предположил Павел.

— Десять часов. Поздновато, завтра ведь на работу ему.

— Кстати! — вспомнил вдруг Павел захотелось хлопнуть себя по лбу от досады: надо же, еще в пятницу собирался сказать сыну и до сих пор ни разу не вспомнил. — Совсем забыл сказать тебе. Ты Нестерова помнишь — Костика, приятеля моего старинного, который тогда на пляже...

— Помню, — спокойно ответила Рита как будто не заметила, как дрогнул голос мужа при воспоминании о том далеком пляже. — Конечно, помню. Он сейчас уже в Москве работает.

— И очень успешно работает — продолжил Павел. — У него сеть магазинов по всей стране. Я рассказывал, кажется.

— Да, рассказывал. Молодец Костик от него можно было ожидать. У него от природы кома кая жилка. Сейчас время его и таких, как он...

— Возможно. Так вот, я совсем забыл тебе сказать. Он мне звонил в прошлый четверг...

— Надо же, — улыбнулась Рита. — В подобных случаях старых друзей гораздо чаще забывают, чем вспоминают о них.

— А он вот вспомнил. Лет шесть мы с ним уже не виделись. Может, и больше. Он у нас в Саратове проездом был. В тот же день вечером уехал куда-то на Север. В Тюмень, кажется... Жаль, встретиться не смогли. Да не к тому. Знаешь, он Сережку к себе зовет. Ему программист толковый нужен...

— Сережку? К себе? — Рита остановилась, нахмурилась. — То есть как это — к себе?

— В Москву, — снова повторил Павел, — Работать, понимаешь. Я у него спросил про зарплату. Хорошо, что сидел в это время. Иначе просто упал бы.

— Да, говорят, в Москве хорошие зарплаты, — медленно проговорила Рита. — Не то, что здесь у нас, в провинции.

— Хорошие — не то слово. Да что с тобой, Рита?

— А как же... Как же я, Паша? Если Сережка уедет?

Он не сразу понял смысл сказанных слов. Уже собрался было поднять жену на смех, обозвать ее ласково курицей-наседкой, которая не заметила, что цыпленок ее уже давно в петушка превратился. И вдруг осекся, осознав истинный смысл услышанного.

Ведь возразить Рите он не мог. Не мог ей сказать с доброй усмешкой: «Если Сережка уедет, мы

останемся вдвоем». Он знал об этом. Только, получается, и Рита тоже знала и он стоял и молча смотрел на жену, чувствуя ужас приближения роковой минуты. Сейчас, вот сейчас она скажет ему эти слова. Она скажет: «Ведь я останусь совсем одна, Паша». А он не сможет ей ничего возразить... Но Рита справилась с ситуацией. Рита снова взяла на себя всю тяжесть, которая казалась невыносимой для плеч этой хрупкой женщины с грустными глазами. Улыбнулась и тихо сказала:

— Впрочем, такова участь родителей — рано или поздно приходится отпускать от себя своих детей. Все справляются, и мы справимся как-нибудь. В конце концов, Москва не так уж и далеко от Саратова. Всего лишь ночь на поезде... А для него это — прекрасный шанс. Знаешь, я давно заметила, что он мается на этой работе. Нравится она ему, и в то же время он чувствует, что реализовать себя не может...

Рита все говорила и говорила. Торопливо и многосложно. Постепенно, шаг за шагом все дальше удаляясь от той опасной темы, которую невольно затронула. Павел шел вслед за ней, молча слушал, но сосредоточиться на Ритиных словах не мог. Все звучало в памяти не смолкая ее слова: «А как же я, Паша? Если Сережа уедет?», неотвратно подтверждая его догадку: Рита все знает. Рита не просто догадывается о чем-то, а именно знает. И ждет покорно той минуты, когда он наконец решится...

— Так что ты поговори с ним. Обязательно поговори, — закончила, наконец Рита свой монолог и открыла дверь ключами. — Эй, оболтус, встречай родителей! Где ты там?

Появился Сережка. Поцеловал мать в подставленную щеку, по-мужски пожал руку отцу. Потом они все вместе принялись распаковывать привезенные вещи. Скептические комментарии сына по поводу «бесценного хлама» рассмешили Риту почти до слез. И сам Павел не смог удержаться от улыбки, глядя на лицо сына, который изрекал абсолютно идиотские слова и при этом был совершенно серьезен.

Почти весь вечер они суетились, хлопали дверцами шкафов, открывали антресоли. Потом поужинали наспех приготовленной яичницей из десятка яиц и бутербродами, привезенными с дачи.

— Ну и насмешили вы меня сегодня, дорогие родители, — выдохнул Сергей, с аппетитом поглощая хлеб с сыром. — Забавные вы у меня ребята. И как это вы так удачно подобрались?

— Ты тоже ничего. Нормальный парень, — ответил Павел и снова вспомнил про звонок старого приятеля. — Кстати, Сережка, у меня к тебе разговор есть серьезный.

— С трудом верится в серьезность предстоящего разговора на фоне нашего общего несерьезного поведения, — засомневался Сергей. — Но я готов тебя выслушать. Валяй, папик. Что там у тебя?

Павел бросил быстрый взгляд на Риту. Она выглядела совершенно спокойной, умиротворенной и даже как будто счастливой. Может, и правда напридумывал он себе все про Риту сторяча? Может, и не догадывается жена ни о чем?

— Тебе отец новую работу нашел. С приличной зарплатой и неограниченными возможностями реализации творческих способностей.

— Вот как, — заинтересовался Сергей. — Это уже интересно. Как в газетном объявлении. Обычно внутри такого заманчивого и румяного пирожка скрывается кислая начинка под названием «сетевой маркетинг»... Я должен буду работать коммивояжером?

— Ты должен будешь работать программистом, — возразил отец. — И зарплата за один месяц там такая, как здесь за четыре...

Сергей присвистнул.

— Шутишь? У нас нет таких зарплат.

— У нас — нет, — согласился Павел и замолчал.

— Это в Москве, — закончила за него Рита. Спокойно поднялась из-за стола, собрала в раковину посуду.

— В Москве? — задумчиво переспросил Сергей — То есть мне в Москве жить придется?

— Москва не Сибирь. Там девять миллионов людей живут и не жалуются. Что тебя так шутило? Ты же всю жизнь мечтал о свободе, сынуля!

Сын молчал почему-то.

— Ну, что тебя-то смущает? Ладно мы с матерью, ты для нас дитя малое...

— Я подумаю, — медленно произнес Сергей. — Подумаю... — Поднялся из-за стола и вышел из комнаты.

— Что это с ним? Я думал, он обрадуется, — удивился Павел. — А он странно как-то отреагировал.

— Может быть... Может быть, у него здесь девушка есть? — предположила Рита. Павел усмехнулся в ответ:

— Девушек у него хватает... Только никогда в жизни не поверю, чтобы Сережка какую-то там девушку ставил важнее работы! Это что же за девушка такая должна.

Рита в ответ промолчала.

В ту ночь Сергей долго не мог заснуть. Странные предчувствия не давали покоя. Ворочался в постели, то и дело перебирая в памяти события последних двух дней. Вот ведь как бывает: еще совсем недавно он был одержим этой идеей, почти целый месяц, пока гостил у приятеля, бродил по питерским конторам в поисках подходящей вакансии. Надеялся, что у него есть шанс... Теперь этот шанс на самом деле появился. Правда, работу предлагали не в Питере — городе, где Сергей всегда мечтал жить, — а в Москве. Работу серьезную, интересную высокооплачиваемую. Казалось бы, что его здесь держит? Заурядная контора почти на самой окраине города, древний «Пентиум — второй», вечно зависающий, консервативное и постоянно недовольное чем-то начальство? Конечно же, дело не в этом. Дело в том, что за последние три дня его жизнь изменилась настолько, что теперь уже мысли о карьере отодвинулись на самый дальний план.

Несколько раз ой хотел позвонить Светлане — рука сама тянулась к трубке и замирала в воздухе, через несколько секунд, совершая обратную траекторию. В самом деле, что он ей скажет? Девушке, с которой знаком всего лишь три дня, которую даже не целовал ни разу? Что у него появился отличный шанс устроить свою жизнь, и поэтому она должна начинать собирать чемоданы? Потому что без нее он поехать не сможет. Потому что без нее не сможет жить...

Это странное смущение, которое он испытывал в ее присутствии, невозможно было ничем объяснить. Кажется, даже в пятнадцать лет, назначая первое в жизни свидание, Сергей чувствовал себя гораздо увереннее, чем теперь. Постоянные мысли о том, что Светлана снова куда-то исчезнет, не давали покоя. Он жил теперь от встречи до встречи. Еще не наступило утро понедельника, а он уже думал о вечере. Они снова договорились встретиться на Набережной, возле первого причала. Не наступит* пившда, а еще только предстоящий день заранее казался невероятно длинным.

Поэтому предложение отца его обрадовало и смутило одновременно. Извечный конфликт разума и чувств не давал покоя, и самым сложным в ситуации было, пожалуй, именно то, что он никак не мог прогнозировать ее исход. Не было никакой уверенности в стабильности еще только начинающих отношений. Не было понятно, чувствует ли она, Светлана, то же самое, что чувствует Сергей.

Иногда — в те моменты, когда они смеялись вместе, когда в глазах ее полыхали искры радости, и радость эта была у них одна на двоих, — ему казалось, что счастье достижимо. Что стоит только протянуть руку, прикоснуться к ее волосам, поймать губами дыхание — и она непременно откликнется, вздрогнет от этого прикосновения, и в широко распахнутых ее глазах он найдет ответы на все вопросы, которые так мучают его. Порой он сам иронизировал над собственной нерешительностью, над робостью своей, которая никогда не была ему свойственна. И все же он догадывался, что причина этой нерешительности не в изменившемся его характере. Причина была в ней. В Светлане, в этой девушке, которая не была похожа ни на одну из тех, что он встречал прежде, из тех, с которыми он чувствовал себя спокойно. Может быть, в том, что ни одну из прежних своих знакомых он не боялся потерять так сильно, как боялся потерять ее. Ощущение зыбкости, хрупкости этих отношений сводило его с ума. И тем мучительнее оно было оттого, что Сергей чувствовал — от него ничего не зависит. Все будет так, как решит она...

И вот теперь совсем некстати эта новость. Еще несколько дней назад он обрадовался бы безумно этому предложению. Он бы расцеловал отца и сказал, что он мировой папашка, если сумел откопать для сына такую возможность. А теперь — только тяжесть, новый груз на душе, и без того уставшей. В самом деле, разве сможет он теперь уехать и оставить здесь эту девушку, без которой просто не представляет себе теперь ни дня, ни часа, ни минуты своей жизни?

Он представил себе шум отъезжающего поезда, мелькание телеграфных столбов за окном, редкие станции, отличающиеся друг от друга только лишь названием. И снова ощутил неотвратимый кошмар, который преследовал его с тех пор, как умерла Кнопка. Потому что стук колес и Кнопкину смерть сознание связало накрепко. Воедино.

Наверное, еще очень долго этот страх суеверный будет его преследовать — до тех пор, пока он наконец поймет, что Кнопка умерла совсем не потому, что он уехал тогда в Питер.

Но чувство вины, притаившееся в самых потайных уголках души, внезапно стало разрастаться с новой силой. Все отчетливее слышался в ушах шум Поезда, все более настойчивой становилась мысль: если бы он не уехал, если бы был в тот момент рядом с Кнопкой, ничего бы не случилось. Она умерла потому, что его не было рядом... И страшный образ девушки в черном платке, чье лицо и тело было таким же черным, как и платок на голове, снова вставал перед глазами. Как будто наяву он все это видел...

«Эй, Кнопка, — привычно позвал он ее на помощь, чтобы заслонила собой, вытеснила из памяти своими рыжими кудряшками и глазами зелеными ту, другую, заживо сожженную, —

Вот ведь как бывает...»

Вот ведь как бывает. Оставил без присмотра всего-то намесяц. Вернулся — а ее и нет уже. Появилась, свалившись с неба, и исчезла таким же образом, только в обратном направлении. Почти год они были знакомы. И в течение этого года ни на минуту не покидало Сергея ощущение, что знакомы они целую жизнь. И даже целую жизнь, а какой-то гораздо больший ее промежуток, существующий в каком-то ином, не подвластном человеческому сознанию измерении...

И теперь ни дня не проходило, чтобы он не думал Кнопке. Чтобы не вспоминал ее ресницы рыжие, глаза зеленые, сказки-небылицы... Ведь сколько она успела рассказать ему этих сказок за год знакомства! Причем никогда нельзя было сказать наверняка, врет Кнопка или говорит чистую правду. Потому что правда и ложь в ее рассказах почти всегда были перемешаны. Так больше нравилось. Так мир казался более совершенным. Она сама однажды ему в этом призналась, когда он внезапно уличил ее во лжи. В какой-то невинно абсолютно детской лжи. Кнопка тогда, ничуть не смутившись, ответила:

— Я же не из корысти. Знаешь, просто мир иногда кажется слишком уж черно-белым. Жалко мне его становится, такой он бесцветный, несчастный. Вот поэтому...

На самом деле врал Кнопка отнюдь не из корысти. Она и вправду просто приукрашивала мир в те моменты, когда он отчаянно в этом нуждался. К примеру, начинала иногда вспоминать о том, как играл с ней отец, как высоко подбрасывал ее вверх. Как катались они с ним на чертовом колесе, как он дарил ей игрушки. Сергей только потом, позже, осознал, что все эти истории — придуманные, потому что не могла Кнопка ничего такого помнить о своем отце. Когда отец от них ушел, ей всего-то два года было. Если хотя бы четыре — еще можно было бы поверить, и то вряд ли.

— Ты ведь, Кнопка, не можешь всего этого помнить, — сказал он ей тогда. — Тебе всего два года было, ты еще совсем ребенком была...

— Ну и что, — возразила она невозмутимо. — Мне Лерка рассказывала. Так все и было, я не вру. А вообще знаешь — нам и без него жилось совсем неплохо. Отлично даже жилось...

И дальше пошла история, в правдивость которой опять же верилось с трудом.

— Тебе, Сережка, везет, — сказала она как-то. — У тебя есть родители.

Так печально она это сказала, что Сергей даже пожалел о том, что уличил Кнопку во лжи. Но она потом сама улыбнулась, запрыгали веснушки на носу, и сказала:

— Да ничего страшного. У меня Лерка есть. Она мне и мама, и сестра сразу. А теперь вот ты еще. Может, удочеришь меня?

— Только с одним условием, — откликнулся Сергей. — Ты перестанешь врать и будешь меня слушаться.

— Слушаться, — недовольно нахмутив брови, тоскливым голоском протянула Кнопка. — Что это тебе в голову взбрело? Воспитывать меня вздумал?

— А как же иначе, если ты хочешь, чтобы я тебя удочерил!

— А ты думаешь, у меня получится — слушаться?

Сергей рассмеялся в ответ:

- Думаю, не получится. Но ты по крайней мере должна попробовать.
- Зачем пробовать, все равно не получится, — философски рассудила она.
- Хорошо, — сдался Сергей, — тогда я, удочерю тебя без всяких условий!

Она обрадовалась так, как будто все это было по-настоящему. Потом сделала серьезное лицо и произнесла торжественно:

— Теперь ты за меня в ответе!

А на следующий день пропала.

Это было уже не первое ее исчезновение. Первый раз Кнопка пропала спустя две недели после их знакомства. Просто не пришла, как обычно, в гости вечером. Не позвонила ни в этот день, ни на следующий, ни через день. На третий день Сергей позвонил вечером сам. Никак не ожидал, что услышит ее голос. Голос этот показался каким-то чужим и далеким.

- Эй, дочка! Ты куда пропала?
- Это ты, что ли, Сережка? Ты не переживай, я появлюсь скоро.
- Когда? — спросил Сергей, на что Кнопка совершенно искренне ответила:
- Не знаю.

И повесила трубку. Целую неделю не было от Кнопки ни ответа, ни привета, а потом, на исходе этой недели, он случайно увидел ее, стоя на остановке. Вихрем пронесся по проезжей части мотоцикл — Сергей все же успел заметить за спиной «кожаного» рокера девчонку, прилепившуюся к его спине. На Кнопке был шлем мотоциклетный, лица он ее не видел, только мелькнули рыжие дреды — косички и знакомые голубые джинсы с кривым оранжевым швом.

— Вот это да! — присвистнул Сергей от изумления.

В тот вечер он звонил Кнопке до поздней ночи, но так и не дозвонился.

А на следующий день она появилась сама. Пришла как ни в чем не бывало. Распахнула окно, впустив в комнату еще морозную весну, уселась на подоконнике, затянулась глубоко длинной коричневой сигаретой и принялась рассказывать историю, в которой правду ото лжи отличить было практически невозможно. И все же лжи было больше, чем правды, — об этом Сергей догадался сразу, едва взглянув в ее посветлевшие от грусти глаза.

— А вообще знаешь, — добавила она в конце своей истории, — не стоил он того, чтобы из-за него я на целых десять дней о тебе забыла. И зачем мне все это было нужно? Так, от скуки маялась, вот и решила жизнь разнообразить.

Больше про рокера не вспоминали. А спустя еще месяц опять пропала Кнопка.

На этот раз, правда, на целых две недели. Никак себя не обнаруживала, а потом снова появилась, и все опять было точно так же, как и в прошлый раз, с той лишь разницей, что теперь героем истории был уже не мотоциклист-фанатик, а какой-то длинноволосый хиппи, заразивший Кнопку страстью к группе «Пинк Флойд» и странным литературным фантазиям

Джека Керуака. Огромные куски из «Ангелов опустошения» Кнопка цитировала наизусть. Вдохновенно закрыв глаза, бормотала:

— Глаз в огне... то, что он видит в огне, самое видение глазом в огне — это лишь означает, что все кончится чистой энергией, и даже не ею. Это будет блаженство... Впрочем, — добавила она на этот раз, — все это мишура.

Будда, Драхма, блаженство, просветление... А внутри — пустота, знаешь. И как это сразу я не заметила в нем?

Снова вернулась Кнопка к своей Барбаре Картленд и Даниэле Стилл. Сергей успокоился на время: почти целый месяц Кнопка исправно каждый вечер приходила к нему домой, садилась на свой подоконник и вела беседы вполне мирные. Даже почти не врала, а так, приукрашивала. Каждый вечер — исключая те редкие вечера, когда Сергей сам бросался «в пучину вод», зависая до поздней ночи на своих холостяцких вечеринках. Кнопка к этим его вечеринкам относилась с пониманием и немного лукаво каждый раз интересовалась, не встретил ли он наконец девушку своей мечты. Сергей, вздохнув, отвечал, что не встретил.

В третий раз Кнопка пропала накануне его отъезда. Сергей, уже заранее догадавшись, в чем дело, переживал только об одном — что не успеет с Кнопкой попрощаться. Но она появилась буквально за день до того, как он должен был уехать в Питер. Села на подоконник, нахмурилась.

— И каким же был герой твоего романа на этот раз? — поинтересовался Сергей.

— На этот раз он был лысым, — односложно ответила Кнопка.

Далее не последовало вообще никакой истории, что Сергея крайне удивило.

— И это все, что ты можешь о нем сказать?

— Могу еще добавить, что волос у него на голове было все же значительно больше, чем мозгов и совести, вместе взятых. Это вообще была моя ошибка.

— Да ну! — удивился Сергей.

В первый раз он слышал, чтобы Кнопка признавалась в своих ошибках. Она молча кивнула:

— Вообще, давай больше о нем не будем. Давай лучше о нас. О тебе, ведь ты уезжаешь. Завтра, кажется?

— Завтра, — подтвердил Сергей. — Я думал, что не увижу тебя до отъезда.

— С ума сошел, неужели правда решил, что я с тобой не приду попрощаться? — искренне возмутилась она.

— Так если у тебя любовь, — вздохнул Сергей.

— Не любовь это никакая. Так, от скуки. А знаешь, мне тебя будет ужасно не хватать. Вообще ты поступаешь подло. Бросаешь меня здесь одну..

— Я же не навсегда. И потом, у тебя есть мамочка.

— Мамочка очень болезненно воспринимает мое взросление. Мне с ней не так легко, как с

тобой. Ты один меня понимаешь по-настоящему. Даже не представляешь, как я привыкла к тому, что ты у меня есть. А теперь целый месяц, подумать только!

— Да не переживай, — попробовал Сергей утешить Кнопку. — Хочешь, я тебе звонить буду. Кнопка только головой в ответ —покачала.

— Не люблю телефонные разговоры, «Лучше, может, письмо мне напишешь?»

— По электронке?

— Какая электронка, откуда у меня компьютер, по-твоему? И вообще, письмо должно быть написано ручкой на бумаге. Тогда оно будет настоящее. А эти электронные письма я не понимаю.

Сергей поморщился. Он никому и никогда не писал писем. Таких писем, которых требовала от него Кнопка — ручкой на бумаге.

— Не знаю, — честно признался он. — Если только ты первая напишешь — может, отвечу.

— Напишу, конечно, — воодушевилась она. — Адрес своего приятеля только не забудь мне оставить.

На следующий день вечером Кнопка пришла на вокзал провожать его. И такие крупные слезы текли у нее из глаз, как будто и вправду она чувствовала, что расставание это — навсегда. А вот Сергей не почувствовал, не понял. И позже, когда письма от Кнопки стал получать, тоже ничего не заподозрил.

Письма эти были удивительные. Читал он их и слышал, как наяву, Кнопкин голос. Запятые и точки были расставлены в предложениях, полностью нарушая все правила орфографии. Но зато, если читать письмо в соответствии с расставленными знаками препинания, очень забавный рассказ получался, а главное — именно из-за этих неправильных запятых и точек и удавалось Сергею слышать Кнопкин голос и даже видеть ее лицо, читая незамысловатые строчки. Всего писем было восемь. Сергей так ни на одно и не ответил. Честно пытался несколько раз, брал чистый лист бумаги и ручку, писал: «Здравствуй, Кнопка». Зачеркивал, писал снова: «Кнопка, привет!» Десять минут добросовестно пялился на эти два слова, потом перечеркивал и их, незаметно для себя принимался играть в крестики-нолики. Ничего у него не получалось, потому что письма он писать не умел. Слишком традиционно; неинтересно это у него выходило. Не то что у Кнопки, которая от природы была наделена фантастическим талантом писать письма.

Но Кнопка не обижалась, писала ему, не рассчитывая уже получить ответ. Он звонил ей пару раз, разговаривали они подолгу, и каждый раз Кнопка заканчивала разговор одинаково: «Ладно, зачем деньги тратить, все равно скоро уже увидимся...»

Семь писем из восьми были похожи друг на друга. А вот восьмое, последнее... Абсолютно непонятный, зашифрованный каким-то немыслимым кодом сигнал о помощи. «SOS!» — в каждом слове. Ни запятых, ни точек. Без традиционного приветствия, без обычных церемонно-шутливых пожеланий она принялась вдруг описывать ему какую-то картину своего любимого художника Сальвадора Дали. Описание обрывалось на середине, а дальше вообще все было непонятно: «Знаешь Сережка они вообразили себе что я замуж за него хочу выйти можешь представить себе такую дикость и эта фурия разъяренная — ну чистая ведьма из страшной сказки самой-самой страшной сказки которую наверное еще и не придумали волосы жиденькие перекисью вытравленные а глаза...» Несколько раз перечитав этот отрывок письма,

Сергей только потом догадался, что дальше снова начиналось описание этой страшной картины, на которой был изображен воин с пустыми глазницами. Сергей получил это странное письмо как раз в тот день, когда должен был возвращаться. Сразу же кинулся к телефону, набрал номер Кнопки. Вместо привычного ее тоненького голоска услышал голос какой-то пожилой женщины. Точно уж не сестры...

— Здравствуйте, — произнес он, чувствуя, как тревога сжимает сердце железными тисками. — Позовите, пожалуйста, Настю...

Долго слушал потрескивание телефонного эфира и тяжелое дыхание в трубке. Собрался было уже повторить *свою* просьбу, а потом вдруг донеслось до него далеким эхом:

— Насти нет. Настю похоронили вчера...

Вернувшись через день в Саратов, он прямо с вокзала помчался к Кнопке. До самой последней минуты надеялся, что позвонит в дверь, дверь откроется, и он увидит ее, Кнопку, живую и невредимую...

Дверь распахнулась, но увидел он пожилую, почти совсем старую женщину в черном платке, И еще увидел вдалеке, в глубине комнаты, силуэт девушки, сидевшей возле окна. В точно такой же черной косынке. И даже сама девушка показалась ему черной, как будто заживо сожженной на том самом диване, на котором так часто сидели они вдвоем с Кнопкой...

«Сестра», — промелькнуло в голове, но видение черной девушки было настолько ужасным, что он не выдержал и попятился назад. Ни о чем не спросив, не сказав ни слова, попятился назад, а потом побежал вниз по ступеням, не в силах выдержать этого кошмара. Потом, позже, эта черная девушка в черном платке часто снилась ему по ночам. И до сих пор даже снится. Ужасный этот сон повторяется время от времени, не давая покоя, каждый раз напоминая с изощренной жестокостью, что нет больше Кнопки на свете...

В тот день он шел по улицам, не разбирая дороги. Не замечая машин, людей. В голове постоянно звучал стук колес. Наверное, именно с того дня стук и паровозные гудки прочно связались в его сознании с образом смерти. С образом черной девушки эту смерть олицетворяющим... Что это *было*, он так и не понял — простая галлюцинация, обман зрения, спровоцированный куриной слепотой, которая от постоянной работы за компьютером в последние несколько лет стала ощутимой? В тот момент отчетливо понял только одно: нет больше Кнопки на свете. Снова и снова перечитывал ее письмо, пытаюсь разгадать тайный смысл посылаемых, но так и не расшифрованных им сигналов о помощи. Снова пойти туда он не решился. Даже позвонить тоже не смог.

Две недели спустя это сделал за него отец. Только ему одному Сергей смог поведать историю этого жуткого кошмара, потому что знал: отец не станет поднимать его на смех, приписывать детские страхи. Отец выслушал внимательно, без иронии, без недоверия. Молча взял телефонную трубку, набрал продиктованный Сергеем номер. Прихватив из пачки сигарету, вышел на балкон, лишив тем самым сына возможности слышать разговор. Достаточно быстро вернулся, положил трубку на место и сказал: «Настя умерла во время операции. Ей делали какую-то операцию, и она не выдержала наркоза. Ее сестра сказала...» «Ты разговаривал с ее сестрой?» — спросил Сергей, не поверив. В тот же момент он осознал, что сестру Насти — Валерию, которую он видел всего лишь один раз в жизни и которая стала теперь его ночным кошмаром, уже давно считает не живущей на этом свете. Как будто она и вправду превратилась в черную неживую тень, отбрасываемую ужасом прошлого на день настоящий...

И вот теперь, впервые за последние три дня кошмар снова завладел им с прежней силой. Боль

потери запульсировала в висках загнала сердце в клетку, заставила биться и мучиться, Шум поезда слышался настолько отчетливо, как будто и вправду проезжал он в этот момент где-то за окном. «Бред, — пытался отмахнуться Сергей, — галлюцинации. Поезд и Кнопкина смерть никак между собой не связаны. Просто так совпало...»

Все это было понятно, объяснимо. Он ехал из Питера и под стук колес думал о Кнопке. О том, что нет больше Кнопки на свете... И все же предчувствия не давали покоя. Невозможно было избавиться от мысли о том, что если он снова сядет на поезд и уедет из города — он потеряет Светлану. Точно так же, как потерял три месяца назад Кнопку... И некуда было деться от этого жуткого предчувствия. Только в одном случае он мог обрести спокойствие. В том случае, если она будет рядом. Если она поедет вместе с ним. Тогда, возможно, он сумеет преодолеть свои необъяснимые страхи.

«Если только она будет рядом», — снова и снова повторял он мысленно. Небо за окном постепенно светлело...

Услышав за стеной приближающиеся шаги мужа, Рита тихонько перевернулась на другой бок — лицом к стене, закрыла глаза покрепче. За последние несколько недель она уже успела приучить себя к тому, чтобы каждый раз, когда Павел появляется в спальне, притворяться спящей. Хотя не случилось за все это время ни одной ночи, когда на самом деле смогла бы Рита заснуть, не дождавшись мужа.

В тот вечер все было так, как обычно. Павел опустил на кровать, приподнял одеяло и лег на бок, спиной к Рите. Несколько минут лежал, почти не дыша, не двигаясь. Рита чувствовала, что муж не спит. Знала, что не заснет он еще долго — час, а может быть, и два будет лежать без движения, и только когда дыхание его станет глубоким и не таким тихим, Рита и сама сможет позволить себе заснуть. Заснуть с мыслью о том, что даже во сне Павел будет бдительно контролировать ситуацию и не позволит себе нечаянно прикоснуться к жене...

Сколько раз уже было такое. Бесконечные, мучительные эти ночи, когда они лежали в одной постели и притворялись друг перед другом, что спят, изнуряли Риту, выматывали так, как не выматывали самые тяжелые ночные дежурства в больнице. Сколько раз она пыталась заставить себя заснуть прежде, чем появится в комнате Павел. Однажды специально даже заставила себя не спать целые сутки, чтобы к вечеру уже не осталось сил на бодрствование, но затея эта оказалась бессмысленной. Она впала в какой-то тяжкий полусон, а потом, как только почувствовала присутствие мужа в комнате, сразу проснулась — и все началось сначала...

«Бывает, — уговаривала себя Рита, — случается. Может, просто ему стыдно признаться мне в этих дурацких физиологических проблемах. Поэтому и ложится спать так поздно, смотрит свой бокс по ночам, журналы листает. Может, просто поговорить с ним нужно — и снова все станет нормально, как раньше, как у всех...» Но Рита чувствовала, что этим она себя только утешает. Что проблемы у Павла совсем не физиологические, а другие, гораздо более серьезные. Сколько раз плакала она по ночам, сколько раз слово себе давала, что не станет больше ждать ласки от мужа, что прикоснется к нему первая, и он ей ответит, и снова все станет по-прежнему... Но *наутро* просыпалась с тяжелой головой и понимала, что дело совсем не в этом. Ловила отстраненные, полусчастливые — полупечальные взгляды мужа и отворачивалась, понимая, что к этому счастью и к этой печали она, Рита, не имеет никакого отношения.

Она знала почти наверняка о том, что в скором будущем жизнь их изменится. Она уже давно готовилась к тому, чтобы стать одинокой, и порой ловила себя на мысли: скорее бы эта неопределенность, эти горькие и страшные порой предчувствия становились невыносимыми. С

каждым днем все больше отдалялись они друг от друга, с каждой ночью, казалось, все ближе к краю кровати отодвигается Павел, все теснее прижимается к холодной стене Рита...

«Однажды утром я пойму, что не могу встать с постели, потому что вросла в эту стену. Слилась с ней, стала, такой же холодной и мертвой. И уже не отдерешь меня от этой стены, как ни пытайся... — грустно раздумывала Рита, ощущая кожей холод бетона. — Ковер, что ли, повесить?»

В ту ночь Рита впервые заснула, не дождавшись, когда заснет муж. Чувствуя, что засыпает, она с облегчением подумала о том, что вот она наконец-то настала, та заветная ночь, когда она выбыла из этого изнуряющего марафона. Заснула Рита почти спокойно, не догадываясь о том, что ночь эта окажется самой страшной в череде бесконечных бессонных ночей этой осени. В ту ночь Рите приснился кошмар.

Сон был цветным и ярким. Очень давно не снились Рите такие сны. Она вообще редко помнила свои сны и всегда их боялась, потому что не было еще случая, чтобы дурной сон не оказался предвестием. И не нужны были никакие сонники, никакие толкования этих причудливых и странных сюжетов, да и не нашлось бы их, вероятно, ни в одной даже самой мудреной книге, потому что таких снов, какие видела Рита, никто еще не придумал... Раньше она всегда рассказывала свои сны Павлу. Он посмеивался над Ритой, бранил ее за суеверные страхи, а потом, когда сон и вправду сбывался, хмурил брови и говорил, что это простое совпадение.

Смерть отца пять лет назад привиделась ей в виде огромной белой кошки с выколотыми глазами и когтями, в которых насытившийся зверь еще сжимал окровавленные остатки своей жертвы. Позже Рита нашла логическое объяснение тому, что сон этот вещим оказался: ведь отец был тяжело болен, и конец его был близок.

Сон, который приснился Рите этой ночью, был еще более ужасным. И намного более длинным — сколько раз она делала усилия для того, чтобы проснуться, но сон не отпускал, удерживал силой, заставляя досмотреть до конца все то, что Рите предначертано было увидеть...

Во сне Рита видела себя, стоящей одиноко посреди огромной степи и наблюдающей за тем, как где-то вдалеке поднимается к небу огромный и черный столб дыма. Потом появились грифы. Стая грифов налетела на Риту и принялась клевать, нещадно потрошить живое ее тело, причиняя непереносимые страдания. Всеми силами пыталась Рита защититься от грифов, и даже не потому, что боялась оказаться съеденной заживо. Просто Рита знала, что где-то там, вдалеке, в дыму пожара, задыхается девочка с зелеными глазами и рыжими веснушками, которую она непременно должна спасти. Во сне она никак не могла вспомнить ее имени, но это было не важно, важно было другое: если Рита вовремя не придет на помощь, девочка эта погибнет. А Рита останется жить на земле и будет вечно мучиться чувством вины за то, что не смогла вырваться от грифов и вовремя прийти на помощь.

Сон казался нескончаемым. Сколько часов, а может быть дней, провела Рита в этой борьбе, она не знала. А потом, проснувшись, наконец от собственного крика, не видя ничего вокруг из-за застилающих глаза слез, она не смогла успокоиться, как это обычно случается с человеком, проснувшимся от кошмара и убедившимся наконец, что ему просто снился сон. Рита не смогла успокоиться, потому что слишком отчетливо помнила: она не успела.

Не успела вырваться от этих кровожадных птиц, которые заклевали ее почти до смерти, и не смогла спасти этого ребенка, который задохнулся в дыму пожара. «Кнопка, — пронеслось воспоминание. — Это ведь была она, Кнопка. Ее глаза, ее веснушки. Отчего это? Ведь нет уже ее на свете, и ничем ей не поможешь...»

— Что с тобой, Рита? — тихо спросил Павел, разбуженный, видимо, ее криками. — Опять приснился кошмар?

— Ничего страшного. Все в порядке... Ты же знаешь, у меня случается иногда...

Рита поднялась с постели, почувствовав снова, что ей необходимо контролировать ситуацию. Ни к чему сейчас жаловаться мужу, ждать, чтобы успокоил, прижал к себе, прошептал на ухо ласковые слова. Ни к чему требовать от Павла того, чего он дать ей теперь не может. Нужно попробовать справиться самой...

Справиться не получалось. Долго не получалось — почти целый час Рита сидела возле окна и курила, что с ней вообще крайне редко случалось. Попыталась отогнать прочь назойливые мысли о предстоящей беде, но ничего у нее не получалось. Черные мысли, как злые вороны, как стая грифов из страшного Ритино сна, кружились в голове, не давали покоя. Она словно наяву видела этот пожар и девушку, задыхающуюся в дыму. «Что за чушь, Кнопка ведь не от пожара погибла. При чем здесь пожар?»

Едва слышно приоткрылась дверь в комнате сына.

— Не спишь, мама?

— Я уже встала, — солгала Рита, краем глаза скользнув по табло электронных часов и успев заметить, что время приближается к шести утра. — У меня сегодня дел много. На работу во вторую смену, боюсь, не успею все переделать. А ты чего вскочил так рано?

— А я не спал. Только почему ты куришь?

— Так просто, — отмахнулась Рита, — я же курю иногда. Когда ребенок мой меня не видит.

— И тем не менее сейчас ты куришь.

— Уже нет. — Рита затушила в пепельнице окурок, попыталась из последних сил скрыть на лице присутствие; тревоги. Видимо, плохо это у нее получилось.

— Что случилось, мама? Я же вижу, ты сама не своя.

— А чья же я? — улыбнулась Рита. — Ничего страшного не случилось. Просто сон приснился... А ты почему не спал?

— Тоже сон смотрел. Только наяву... Не могу уснуть. Мысли дурацкие в голове бродят.

— Ты о предстоящей поездке?

— Она пока еще не предстоящая. Она на стадии рассмотрения.

— Этот вопрос ты и рассматривал всю ночь?

— Если честно, да. Только не пришел к определенному выводу.

— Что тебя смущает? Я ведь сразу заметила, ты как-то странно отреагировал на предложение отца. Может скажешь, в чем дело?

— Не знаю.. Не могу тебе сказать пока. Я и сам понял. Только знаешь, я почему-то всю ночь сегодня Кнопке думаю. Помнишь...

— О Кнопке? — удивленно переспросила Рита. — Она-то мне и снилась.

— Да? — в свою очередь, удивился Сергей. — И что за сон?

— Не помню, — отмахнулась Рита. — Нехороший какой-то сон. Про пожар...

— Пожар, — повторил Сергей. — Да ты успокойся, мама. С Кнопкой ведь теперь ничего уже не случится.

— Да, — согласилась Рита, — с Кнопкой теперь уже ничего не случится. Забавная она была, твоя подружка. Правда ведь?

— Правда, — согласился Сергей.

Рита улыбнулась, почувствовав, что на душе стало немного легче. Почти целый час сидела с сыном на кухне, обсуждала возможности предстоящей поездки. Время пролетело незаметно, около семи часов из спальни вышел Павел.

Сердце дрогнуло, душа снова застонала, когда она увидела его — сонного, такого близкого, которого так не хотелось терять, не хотелось отпустить от себя...

— Это что еще за заседание кафедры на кухне в семь, часов утра? — удивился он, увидев жену и сына, у которых вид был абсолютно бодрый.

— Присоединяйся, — предложил Сергей. — Будем заседать вместе.

Павел улыбнулся:

— Дайте хоть умыться. Сейчас умоюсь и присоединюсь. Кстати, чашечка кофе мне бы не помешала...

— Организуем мы тебе кофе, — кивнул Сергей. — Правда ведь, мама?

— Правда, — согласилась Рита. Поднялась, поставила на плиту чайник. Через плечо поймала взгляд Павла. Он улыбался. И сын тоже улыбался...

«Как будто и не случилось ничего... А может быть, и правда зря я все это? Может, и правда ничего не случилось?» — растерянно подумала Рита, не обнаружив вдруг таких привычных признаков отчуждения во взгляде мужа.

Все было в то утро как-то по-домашнему, по-семейному, совсем по-старому. Так спокойно, так хорошо...

Из дневника Валерии

Слишком тяжело об этом писать. Боль кажется непереносимой, и нет никакой разницы, сколько времени прошло — три дня или три месяца с того дня, как Настя не стало. Кажется, что время остановилось просто или стало вдруг вращаться по спирали, снова и снова безжалостно возвращая меня в тот день и заставляя каждый раз испытывать заново эту страшную боль осознания потери.

Мне иногда до сих пор кажется, что все это страшный сон. Что настанет рана или поздно тот момент, когда я проснусь наконец и снова увижу Настю. Разбужу ее, накормлю бутербродами...

На самом деле после того, как Насти не стало, моя жизнь потеряла смысл. Все эти годы, с тех пор, как умерла мама, я жила ради Насти. Теперь, когда у меня никого не осталось, жизнь кажется несправедливо долгой. Бесконечный темный туннель, который ведет меня сквозь столетия...

Я почему-то плохо помню день похорон. Кажется, я вообще не слишком отчетливо воспринимала действительность, потому что не помню очень многого из того, о чем потом, позже, рассказывала мне бабушка. Я превратилась в какой-то огородный овощ, я сосредоточилась на своем горе с такой силой, что до сознания моего почти не доходили сигналы из внешнего мира. Я не видела отца, приехавшего на похороны Насти, я каждый раз удивлялась, сталкиваясь с бабушкой в квартире, потому что была уверена, что нахожусь в ней одна. Две недели длилось это мое заторможенное состояние. Бабушка уже собиралась вызывать мне врача, только все не решалась: опасалась (и справедливо, наверное), что в психушку упекут ее единственную оставшуюся внучку.

Она жила у меня почти месяц. Потом, убедившись, что я наконец пришла в себя, снова вернулась к себе домой, в деревню, где на соседей было оставлено целое хозяйство. Звонила каждый день, проверяла, все ли со мной в порядке. И спрашивала все время: «Не снилась тебе Настенька-то?» «Не снилась» — отвечала я, потому что Настя на самом деле мне не снилась. Долго не снилась, больше месяца, а приснилась первый раз в начале сентября.

Она приснилась мне живой, счастливой, бегущей по какому-то зеленому лугу. Только потом, когда Настя приблизилась, подбежала ко мне, я увидела в ее глазах такую боль и такую обиду, что успевшая уже поверить в чудо душа снова едва не разорвалась на части.

Я проснулась от собственного крика. Долго сидела на кровати, пытаюсь прийти в себя, только ничего у меня не получалось. Снова и снова я вспоминала Настю, и почему-то воспоминания эти приводили меня каждый раз в одну точку, возвращались в тот самый последний наш вечер. Как мы сидели с ней вдвоем в ее комнате, рассматривали ту ужасную картинку и понимали, что жизнь еще страшнее...

И такое острое чувство обиды на этих незнакомых мне людей вдруг стало разрастаться во мне, такое непонимание этой дикой жестокости переполняло душу, что просто умереть хотелось, только бы забыть обо всем этом... Я думала: ведь живут же они все на свете. Ходят по этой земле, в которой теперь лежит моя Настя. И даже не вспоминают, наверное, о том отстранение констатировала, что, кажется начинаю сходить с ума. Потому что в последние дни меня, уже ничего, кроме выбора оружия для осуществления мести, не занимает. Эти картинки превратились для меня в какую-то манию. Я наслаждалась ими любовно перебирала в своем сознании, как перебирала когда-то моя Настя альбом с репродукциями Сальвадора Дали.

Это были страшные дни, страшные ночи. Особенно — ночи. Очнувшись порой от своего туманного бреда, я начинала думать о том, что нельзя так жить, что нужно попытаться найти какой-то выход из этого замкнутого круга. Пытаюсь спастись от кошмаров, я вспоминала, как несколько лет назад мы с Настей вдвоем переживали смерть мамы. Вспоминала Настины сказки, которые уносили нас в придуманный мир. Только уже тогда странное предчувствие не давало мне возможности попытаться помочь себе Настиными сказками. Просто закрыть глаза и начать потихоньку рассказывать самой себе историю про черную кошку с белыми пятнами. Я как будто уже тогда знала: то, что происходит со мной сейчас, — еще не самое страшное. Придет еще тот день, когда Настины сказки мне пригодятся...

Настал уже сентябрь. На лекции в университет я не ходила. Я вообще университет решила бросить, потому что ни к чему теперь все это было мне. На работу только заставляла себя ходить, чтобы хоть как-то отвлечься. Но отвлечься не получалось. И дома, и на работе, и днем, и ночью я задыхалась от обиды, переполнявшей меня. Я чувствовала, что не смогу уже стать прежней, хотя бы наполовину прежней, до тех пор, пока буду знать, что люди эти, которые так оскорбили мою Настю, живы и счастливы. И главное, мне стало уже казаться, что и она, Настя моя не будет никогда спокойна, если я допущу это.

Да, вероятно, я начинала сходить с ума. Но что мне оставалось делать? Разум, мечущийся в поисках выхода и не находящий его, рано или поздно все равно погружается в пучину безумия. Это давно известно, кажется, что-то подобное сказал кто-то из великих. К тому же мне было все равно, что будет со мной буду я сумасшедшей или нормальной, буду мертвой или живой... Одна только бабушка у меня осталась, но она была далеко и ничем мне помочь не могла. Так я и жила в плену своей навязчивой идеи, которую, вполне возможно, и осуществила бы рано или поздно. А может просто помешалась бы окончательно и навечно осталась жить в окружении своих несбывшихся фантазий. Если бы не случай.

В тот вечер я как-то случайно забрела в университет. Просто решила пройтись по городу, я часто совершала такие прогулки, не имея никакой конкретной цели и даже чаще всего не замечая, куда и зачем иду. Проходила мимо корпуса, а там как раз перемена была, ребята знакомые, из моей группы, стояли возле входа, курили. Налетели на меня:

— Лерка, Лерка, ты куда пропала? Учебный год начался неделю назад, а ты первый раз пришла. У тебя неприятности? Или просто так прогуливаешь?

Я не стала им про Настю рассказывать. Я вообще ни с кем про Настю, кроме бабушки, не разговаривала. Ответила:

— Просто так прогуливаю.

Они меня тогда и затащили на лекцию по зарубежной литературе. Я не особенно сопротивлялась, потому что мне все равно было, где находиться. Потому что даже среди людей я чаще всего бывала одна. Особенно уютно мне было, когда людей было много и все они были посторонние. Это был как раз тот случай: примостившись на задней парте, я могла спокойно отдаться своим маниакальным идеям.

Там-то я его и увидела... Почти сразу поняла, кто передо мной стоит. И подумала: как это я раньше не вспомнила, ведь говорила же мне Настышка — Селезнев Павел Алексеевич, он и есть.

Трудно описать словами, что я тогда испытала. Я смотрела на него и чувствовала, что умираю от ненависти. Я представляла себе, как подойду к нему после пары, как стану бить его по лицу, кричать на него, выплескивая всю накопившуюся боль...

Нет, конечно. Не подошла, не ударил. Не смогла почему-то. Прошла мимо и даже взгляда не подняла. Только чувствовала, как кипит во мне бессильная ярость.

Вернулась домой, легла спать. Всю ночь глаз не сомкнула — все думала, думала. Вспоминала его лицо холерное, голос уверенный, тон ироничный. Все хуже и хуже мне становилось. Ночь прошла, день наступил, а я все думала о нем. Непостижимым мне казалось все это. Это спокойствие его, взгляд скучающий. Взгляд человека, не причастного к смерти...

Невозможно было с этим смириться. Я решила тогда снова пойти на лекцию, дождаться конца пары и на этот раз сделать — хоть что-нибудь. Оскорбить, ударить, плюнуть в лицо. Хоть что-нибудь...

Странно как-то все получилось. Как будто кто-то свыше вмешался в ход событий, встал на мою сторону и не позволил мне совершить ту ошибку непоправимую. На лекции у меня закружилась голова, веки свинцом налились. Это, видимо, от бессонной ночи, от нервного перенапряжения. А потом я в какую-то яму темную провалилась. И не сон это был вовсе, а какой-то тяжкий полубред, трясина какая-то, из которой я выбраться пыталась безуспешно. Она меня совсем затянула, отгородила от реальности.

А потом, когда я очнулась, уже поздно было. Он стоял возле меня. Дотронулся до плеча моего, а я сразу не сообразила, кто он и что все это значит. Перебросилась с ним парой фраз и только потом уже осознала отчетливо, где я нахожусь и с кем разговариваю, .. Но в тот момент что-то почудилось мне в его глазах. Что именно — я тогда еще расшифровать не успела, но какое-то шестое чувство остановило меня. Я не стала кричать, не стала устраивать скандала. Ненависть моя затаилась, как дикая кошка перед прыжком. Это она, ненависть, заставила меня взять себя в руки. Она шепнула мне: «Поговори с ним. Поговори с ним спокойно, выйди с ним на улицу...

Так-так. Продолжай беседу, неплохо у тебя получается. Задержи его возле себя. Еще хотя бы на час — я знаю, ты сумеешь, у тебя получится. Вот видишь, получилось. Еще, еще...

Только не смотри на него, — приказала мне ненависть, — не смотри до тех пор, пока я тебе сама не прикажу этого сделать...»

Послушалась я ее, не стала смотреть. Все шла рядом с ним и слушала, изредка кивала в ответ. Не знаю, может, и невпопад у меня получалось, потому что иногда я словно проваливалась куда-то. Оказывалась вдруг снова в Настинной комнате и вместо голоса своего собеседника слышала ее, Настин, голос: «А потом его отец меня с лестницы спустил. Видишь вот, ссадина на коленке. И на локте тоже ссадина, видишь?»

Он-то не догадывался о том, что было в тот вечер нас трое. Я, он и она — ненависть моя, которая еще долго мне на него смотреть запрещала. А потом вдруг шепнула на ухо: «Что ж, молодец, , девочка. А теперь смотри. Теперь я тебе разрешаю...»

Я послушно подняла глаза и встретила с его взглядом. И в этот момент поняла: человек этот сделает все, что я прикажу ему сделать.

«Видишь?» — услышала я, словно наяву, даже вздрогнула от неожиданности — настолько явственно прозвучал этот торжествующий голос.

Не знаю, как это у нее получилось, только ненависть моя своего добилась. Наверное, за то время, пока блуждали мы по аллее, пока рассказывал он мне свои истории бесконечные, она как-то незаметно опутала его веревками, привязала ко мне покрепче, чтобы уж некуда не делся.

«Никуда он теперь от тебя не денется, — шепнула мне ненависть. — Ты теперь ему хозяйка»

Так начали мы с ним встречаться. Цель этих встреч была ясна мне с первого вечера. С того самого вечера, когда ненависть моя вдруг перестала биться в истерике и превратилась в даму расчетливую рассудительную и коварную. Она руководила мной, она вела меня шаг за

шагом к той цели, которая теперь стала единственной целью моей жизни.

«Ты сможешь, у тебя получится, — шептала мне ненависть, — только не торопись. Ни к чему в таких делах торопиться..»

Я была ей послушна. Я делала все именно так, как велела она. И на свидание не пришла в первый вечер, потому что она мне сказала: «Нет, подожди. Подожди, нужно затянуть веревки еще покрепче». А потом, увидев его на следующий день, я и сама заметила, что веревки эти затянуты — туже некуда.

Медленно, шаг за шагом, я шла к своей цели. Как-то мне удавалось играть свою роль, ни разу — ни словом, ни жестом, ни взглядом — не выдать себя. Случалось, я наблюдала за ним издали. В аллее, спрятавшись за деревом, долго стояла и смотрела, как беспомощно он оглядывается по сторонам. Когда я появлялась, лицо его начинало светиться счастьем. Я чувствовала его беззащитность перед собой и питала ею свою ненависть.

Собственно, цель этих встреч была одна. Я хотела разрушить их мир — точно так же, как они разрушили мой. Уничтожить их всех — только теперь уже не физически, о чем мечтала когда-то, а нравственно. Точно так же, как они уничтожили меня. А в те редкие моменты, когда силы меня покидали, когда рассудок внезапно возвращался ко мне и я вместо объекта ненависти вдруг видела перед собой простого человека — мужчину с седыми висками, искренней и всегда немного смущенной улыбкой, уставшими и грустными глазами, — я призывала на помощь память.

Это было нетрудно. Голос сестры, ее слова моя память сохранила четким отпечатком, не тускнеющим от времени. Это было нетрудно: «А потом его отец меня с лестницы спустил. Видишь вот, ссадина на коленке...»

И ненависть снова возвращалась ко мне. Я продолжала слушаться ее беспрекословно и терпеливо ждала того момента, когда же наконец начнется новый этап этой замысловатой игры, цель которой была известна лишь мне одной.

Это случилось достаточно скоро. Еще и месяца не прошло с тех пор, как начали мы встречаться. В лесу мы были одни. Я попыталась спровоцировать его, и у меня легко это получилось. Рыбка заглотнула наживку, и теперь оставалось только аккуратно вытянуть ее на поверхность. Осторожно, чтобы не соскользнула с крючка.

Сначала он, кажется, не поверил мне. Сказал, что все это блажь, потому что семья его не может быть помехой нашей близости. Как бы не так, усмехнулась я мысленно, и придумала на ходу туманную историю, полную психологизма. Старик Фрейд до сих пор в моде — естественно, он читал его труды, а потому вынужден был мне поверить. Я сказала только: «Это связано с моим детством». Больше даже говорить ничего не пришлось. Он поверил. Я видела это по глазам — ведь он всегда считал меня необыкновенной, странной, поэтому сказка дядюшки Фрейда сработала безотказно.

Я помню тот вечер. Помню его глаза. Мне было жалко его, потому что в глубине души я прекрасно понимала: он ошибается. Не меня он любит, а жену свою, Риту. И даже если получится у меня то, что я задумала, все равно будет он ее только любить. Глупо все это: он просто поверил в то, что эликсир молодости существует. Вот и решил сделать несколько глотков...

Только все это было не важно. Мне наплевать было на то, кого из нас двоих он любит. Я-то знала уже, что все равно он выберет меня. Чувствовала, что не ошибаюсь...

Конечно, я и не рассчитывала, что на следующий день после разговора в лесу он явится ко мне с чемоданами. Я прекрасно понимала, что долго еще он будет колебаться, мучиться, пытаться выбрать между нами. Только он не догадывался о том, что это — только начало его мучений, первый этап «возвратившейся молодости»... Он ведь не знал, какой сюрприз я заготовила на «потом».

Мне было жалко его в тот день. И на следующий день я почувствовала то же самое. С каждым днем все труднее почему-то становилось мне соединять эти два образа в один: мужчину с полыхающими злостью глазами — того, который вышвырнул сестру мою за порог своей квартиры, — и мужчину, которого я видела перед собой, который смотрел на меня жалкими глазами преданной собаки.

Нет, жалость эта меня не смутила. Она была какой-то виртуальной, эта жалость. Словно я наблюдала с экрана телевизора за героем разворачивающейся на моих глазах драмы. Или книгу читала. Я знала, что не смогу ему ничем помочь, потому что нахожусь по ту сторону экрана, по ту сторону книжных страниц.

Дни шли за днями. Я заботливо и бережно вынашивала свою ненависть. Я представляла себе тот день, когда Павел наконец решится уйти от жены. Как он придет ко мне, как останется у меня ночью. И этой ночью...

Это была следующая часть моего плана. Самая изощренная, самая грандиозная. Ненависть моя ликовала, когда я мысленно начинала представлять себе эти картины. Наверное, все и получилось бы именно так, как я задумала. Как я спланировала. Наверное... Если бы я не влюбилась.

Рита шла по улице не торопясь. До начала смены в больнице оставался еще целый час, но она решила выйти из дома пораньше. Прогуляться, подышать. Может быть, рассеются в прозрачном морозном воздухе все ее тоскливые предчувствия, исчезнет ощущение нехватки кислорода...

Почти двенадцать часов прошло уже с того момента, как она проснулась. Но тяжесть не проходила, а страх, зародившийся в душе, свернулся клубком и никак не желал покидать уютного местечка. «Что же это все-таки было? О чем он, этот сон?»

В какой-то момент она даже пожалела о том, что решила пойти на работу раньше времени. Домашние заботы хоть как-то отвлекали. Накормила всю семью завтраком, проводила мужчину на работу, занялась обедом. Накрутила котлет, нажарила. Пять банок икры кабачковой закатала, еще тысячу мелочей переделала. Вот решила пройтись. Думала, легче станет, а стало еще тяжелее.] Тот осенний вечер выдался по-летнему солнечным и по-зимнему морозным. Рита всегда любила такие дни, с самого детства была согласна с великим поэтом: мороз и солнце — и правда, день чудесный. Если бы не мысли — черные, жужжащие в голове, как противные серые мухи. И никуда от них не деться...

Казалось бы, за последние полтора месяца пора было бы привыкнуть к этому камню на душе. Но теперь Рита чувствовала: это — другое. Это какая-то новая тяжесть, это уже тяжесть не прошлого, а будущего. Того, что пережить еще предстоит. Если бы только знать, откуда ждать беду...

Незаметно для себя Рита оказалась на Набережной. Спустилась к Волге и долго стояла возле бетонной ограды, разглядывая однообразно плещущиеся о берег темные и холодные волны. Монотонный их плеск все же немного успокоил Риту. Мысли постепенно стали возвращаться к

проблемам более реальным и будничным. К работе, где у нее как у главного врача и оперирующего хирурга проблем всегда хватало. К сыну, который, возможно, совсем скоро уедет...

— Эй, мама, — раздался вдруг из-за спины знакомый голос. — Погулять решила?

Она обернулась и увидела улыбающегося Сергея, а рядом с ним красивую светловолосую девушку. Ту самую, из-за которой и колебался сын с поездкой в Москву. Рита как-то сразу и безошибочно определила, что это она и есть.

Привет, — сказала Рита и замолчала в ожидании. С лица сына не сходила улыбка.

— А мы тоже здесь гуляем. Познакомься, это Светлана.

— Очень приятно.

— А это моя мама. Я тебе про нее рассказывал... Девушка кивнула в ответ.

— И что же такое ты про меня рассказывал? Как я по утрам иногда тебя водой холодной обливаю, чтобы ты наконец проснулся и пошел на работу? — поинтересовалась Рита.

— Нет, — рассмеялся в ответ Сергей. — Про это не рассказывал еще. Не успел.

— А что рассказывал?

— Да не помню уже. Разные истории из жизни.

— Понятно, — ответила Рита, прислушиваясь к своим ощущениям и пытаясь понять, какие чувства вызывает в душе эта встреча.

И радость, и тревога, и еще какое-то чувство, которое она так и не сумела разгадать. Только гадать было некогда — от Набережной до здания третьей областной больницы почти полчаса ехать на троллейбусе.

— Мне пора. На работу опаздываю. Счастливо вам, ребята.

Что-то было не так. Что-то не отпускало Риту. Она прислушалась к себе: «Ах да. Цепочка, вот в чем дело...» На шее у Светланы висела тонкая золотая цепочка. Только цепочка не смыкалась в круг, как обычно, а свисала двумя тонкими прямыми линиями. Цепочка была разорвана.

— У вас цепочка порвалась.

Девушка опустила глаза вниз и потянулась руками к тонкой золотистой линии.

— Надо же, а я и не заметила. Наверное, в троллейбусе пока ехала, зацепила. Спасибо вам... Кажется, одно звено потерялось.

— Не за что, — улыбнулась Рита. Теперь на душе было спокойно, и она, махнув рукой на прощание, стала торопливо подниматься наверх, к троллейбусной остановке.

— Ну не расстраивайся, сейчас я попробую ее починить, — донесся издали уже едва различимый голос сына.

— Вот так... Нет, подожди, опять не держится. Сейчас, сейчас...

Сергей все пытался зафиксировать звенья цепочки. Колечки были настолько тоненькими, что он с большим трудом продел одно в другое. Но вот сомкнуть накрепко не получалось.

— Да брось, не надо. Давай сниму, а завтра отдам в мастерскую...

— Нет, подожди.

Он был готов чинить ее цепочку вечно...

Впервые невзначай прикоснувшись к ее коже, он уже ни за что в жизни теперь не хотел расставаться с этим удивительным ощущением живого шелка под пальцами. Впервые ощутив прикосновение ее дыхания, он навсегда забыл нежность прикосновений самого теплого и ласкового ветра. И еще тысячи новых, захватывающих, удивительных ощущений щедро дарила ему эта внезапная близость. Незнакомый аромат каких-то диких полевых цветов исходил от ее волос. Все казалось невесомым и призрачным *внутри* этого облака-аромата...

— У тебя красивая мама. Ты на нее не похож.

— Спасибо за комплимент — улыбнулся он, не отпуская цепочку.

— Я хотела сказать только, что ты не похож на нее.

— Хотела сказать одно, а сказала совсем другое, — пробурчал Сергей, пытаясь выдать обиженную интонацию. — Проси прощения.

— Прошу прощения, — покорно согласилась она. — Ты ее не починишь.

— Почему ты так думаешь?

— Я не думаю, я знаю. Потому, что ты и не пытаешься...

— Что? — Он поднял глаза и почувствовал, как закружились в медленном танце фонарные столбы и деревья.

— Ты не пытаешься...

— Что? — Голос охрип.

— Вообще ничего.

— Чинить цепочку?

— Ни при чем здесь вообще цепочка. Или ты думаешь, я совсем каменная?

— Не знаю...

— Вот ведь как. Он не знает.

— Прости.

— Неужели не догадываешься? Я ведь тоже самое чувствую. Тоже, что и ты.

— Правда?

— О Господи... Ну сколько же можно...

В тот момент, когда губы его наконец прикоснулись к ее губам, налетел порыв сильного, обжигающего зимним холодом ветра. Она обхватила его руками за шею и прижалась так крепко, как будто и вправду испугалась, что ветер может разлучить их, если захочет. Только какое дело ему, этому ветру шальному и беззаботному, до них двоих, таких неприметных среди огромного мира?

— Я всегда буду с тобой, — прошептал он и снова утонул в ее волосах, снова забыл на время, где он, кто он..

— Никогда, — ответила она спустя вечность. — Ты не будешь со мной, Сережка.

Он отпрянул от удара этих слов. Но она была рядом. Ее глаза, волосы, в которых заблудился солнечный свет.

— Что может нам помешать?

— Ветер, — тихо ответила она, — Неужели ты не чувствуешь, какой сильный ветер... Прошу тебя, давай уйдем отсюда. Я не могу...

— Перестань. Все это глупости. Я ведь люблю тебя.

— Сегодня...

— Что значит сегодня?

— Сегодня любишь. Сейчас.

— Всегда. Сегодня, вчера. Завтра. С того вечера, как я тебя увидел.

— Не бывает.

— Я тоже думал раньше...

Время снова куда-то исчезло. Просто сжалилось, наверное, над ними и решило сделать исключение, обойти стороной, не коснувшись. Незаметно потухло солнце, стало темным и звездным небо.

Он бережно взял в свои ладони ее лицо. Звезды послушно, словно в озера, нырнули в ее глаза и засияли еще ярче. Ярче, чем это было возможно...

— Ты поедешь со мной, — прошептал он, прикасаясь губами к этим звездам. — Со мной?

— Куда?

— Это важно? Со мной...

— Это не важно, правда. С тобой?

— Поедешь?

— Если позовешь. Только ведь не позовешь...

— Зову.

— А если я не услышу.

— Я буду звать, пока не услышишь. Я люблю тебя. Правда.

— Я знаю.

— А ты? Света?

— Цепочка, — выдохнула она в ответ. — Она упала. Где теперь искать ее?

— Ты не ответила.

— Да

— Еще раз скажи.

— Что за глупости. Как маленький ты. Я люблю тебя. Я поэтому и убежала.

— Почему ты убежала?

— Потому что страшно мне стало. Так внезапно случилось все...

— Вот же она. Блестит под ногами. Ты поедешь со мной?

— Да, да, конечно. Я поеду с тобой. Только, прошу тебя, давай уйдем отсюда. Поедем ко мне. Поедем ко мне поскорее.

Она отстранилась, подняла глаза и добавила:

— Ветер...

— Ты боишься ветра? — шептал он уже в машине, прижимая ее к себе.

— Не знаю. Никогда не боялась. Первый раз такое со мной.

— Глупости все это. Ветер, он же не волшебник какой-нибудь.

— Не в этом дело. Ты не знаешь... Они снова, как в первый раз, чуть было не проехали ее дом.

— Стойте, куда же вы! — окликнула она водителя. — Здесь же нужно было...

— Интересные вы, молодые люди, — начал было тот возмущаться, но слова его уже были неразличимы сквозь смех, заполнивший собой все окружающее пространство. Он пожал плечами, конечно же, не поняв, отчего эти двое на заднем сиденье так хохочут. У влюбленных свой странности...

— Ну вот. А теперь я снова возьму тебя на руки.

— Не придумывай. Это уже было в прошлый раз. Теперь все будет по-другому.

Она взяла его за руку и потянула за собой. Он шел послушно, слегка сжимая ее пальцы и чувствуя, как покалывают ладонь ногти.

— Кошка.

— Что? — Она обернулась, замерла.

— Царапаешь меня, как кошка.

— Извини.

Снова остановилось время, превратилось в неподвижное облако, окутавшее собой со всех сторон ароматом диких полевых цветов.

— Этот запах твоих волос...

— Пойдем. Ну пойдем же, господи, сколько можно здесь стоять!

— Это все время. Оно исчезает куда-то.

— Да, я знаю. Я чувствую. Вот, снова...

Она открыла дверь ключами, включила свет. Он снова уже целовал ее.

— Не нужно было...

— Что? Свет включать?

— Да. Да, конечно.

Рука его потянулась к выключателю, но застыла на полпути, потому что про свет они оба уже забыли.

Это был сон. Удивительный, ни на что не похожий сон. Никогда в жизни ни один человек, живущий на земле, не видел такого сна.

Сергей знал об этом. Чувствовал, что он единственный, кому посчастливилось испытать то, что невозможно описать словами. Звезды молча смотрели в окно, отстраненно наблюдая за тем, как два человека любят друг друга. И наверное, искренне были уверены, что в эту ночь им не удалось увидеть ничего нового. Ничего такого, что случилось бы на этой далекой голубой планете в первый раз за тысячи долгих лет. Просто два человека любили друг друга. Картина старая, как мир...

— Вот ведь, — прошептал он, коснувшись губами ее волос. — Звезды.

Она молчала. Тихо и задумчиво гладила его по спине нежными и влажными пальцами.

— Ты думаешь, они нас видят?

— А черт его знает. Может, и правда видят. С тобой все не так. Даже в такую чепуху верить хочется. Ветер, звезды. Все оживает.

— Почему так.

— Я люблю тебя. Наверное, поэтому. А может, наоборот. Люблю, потому что звезды. Знаешь, если бы не порвалась цепочка...

— Если бы не порвалась цепочка, — задумчиво повторила она. — Я бы так никогда и не узнала, наверное...

Он не дал ей договорить. Снова качнулись за окном звезды, изменив свое привычное положение, беззастенчиво нарушив законы расположения небесных тел. А некоторые, совсем безрассудные, и вовсе впорхнули прямо в комнату, заметались по потолку в поисках пристанища, попадали на пол...

— Звезды, — шептал он, — ты видишь, звезды...

— Вижу. Господи, сколько же их... Даже не верится.

Каждое прикосновение зажигало внутри тысячи искр. Почти до самого утра длился этот фейерверк — до тех пор, пока они оба, истратив последние силы, случайно не посмотрели в окно и не увидели, что на небе ни одной звезды не осталось.

— Солнце, — мечтательно прошептала она, подражая его интонации, и рассмеялась.

Он рассмеялся вместе с ней. А потом она снова сказала:

— Ветер.

— Брось, Света. Это похоже на сказку. Помнишь сказку. Про домик, который унес ветер. Там еще собака какая-то была.

— Была собака, — покорно согласилась она.

— Сказки всегда заканчиваются хорошо.

— Не все. Бывают и другие.

— Какие?

— Которые не заканчиваются.

— Так это же замечательно, когда не заканчивается сказка.

— Замечательно, — согласилась она — А теперь спи. Уже утро, пора спать. — Она прикоснулась губами к его щеке и повторила: — Спи.

Как будто волшебное слово сказала... Бросила пригоршню золотого песка на веки, и они отяжелели сразу. Скрылось солнце, снова наступила звездная ночь.

Звезды мелькали, кружились перед глазами. Здесь, в своем странном сне, он мог дотронуться до них руками, ощутить величественный холод, который притягивал к себе как магнит. Эта неподвижная и неживая прохлада дарила спокойствие, неведомое здесь, на земле, она тянула за собой, обещала так много...

Какая-то тревога зарождалась в душе. Он вдруг понял, что звезды его обманывают. Они манят, зовут за собой, как огоньки на болотах, парализуют волю, подчиняют себе сознание. Только нельзя, ни в коем случае нельзя покоряться этому обману, нельзя слушать песни сирен, какими бы сладостными они ни казались. Нужно сделать над собой усилие.

Он никак не мог проснуться. Звезды мешали ему, пчелиным роем мелькали перед глазами, застилая дорогу обратно. Каждый шаг давался ему с трудом, ноги проваливались в тягучей и липкой золотой трясине. Не было вокруг ничего, кроме звезд. Эта золотая пыль была кругом — ад небе под ногами. Зыбкая грань, отделяющая сон от реальности, уже была почти пройдена, и

все же сок не отступал, несмотря на то что Сергей боролся с ним так отчаянно, как никогда в своей жизни.

И вдруг он увидел кошку.

Черную кошку с белыми пятнами. Ее силуэт промелькнул где-то вдалеке, и все же он успел узнать эту кошку. Он знал, что в этой кошке и спасение его, и погибель; Оставалось сделать последнее усилие, чтобы догнать ее. Непременно догнать...

Он открыл глаза. Сон еще боролся с реальностью, делая ее зыбкой и призрачной. И этот тихий шепот, который он слышал теперь, был одновременно принадлежностью двух миров.

Вот только смысл. Смысл ускользал куда-то. Нужно было увидеть ее лицо, чтобы понять, наконец, в чем же дело. Он повернулся и увидел ее лицо. Лицо было залито слезами, глаза закрыты.

А она, не заметив, что он проснулся и смотрит уже на нее, продолжала шептать:

— И потом кошка увидела большую птицу. Она увидела птицу и заговорила с ней, думая, что птица ей ответит. Она сказала: я, кошка черная с белыми пятнами, заблудилась в этой странной деревне. Я вернуться хочу обратно, потому что здесь никому не нужна. Отнеси меня, птица, на своих крыльях...

Здание третьей областной больницы, в которой Рита работала уже пятнадцать лет, напоминало иногда ей старый, заброшенный корабль со сломанными мачтами. Когда-то давно он потерпел крушение в далеких морях. Кончились на этом его долгие плаваньями решили сделать из корабля больницу.

Рита улыбнулась своим детским фантазиям и вошла в здание. Поздоровалась с вахтершей, поднялась в ординаторскую, переоделась и спустилась вниз, в приемное отделение.

Возле двери, в креслах, обитых потрескавшимся от времени дерматином, сидели двое — мужчина и женщина. Встревоженные, бледные лица — по лицам их Рита сразу догадалась, что в приемном отделении находится очередной пациент.

— Что у нас, Елена Геннадиевна? Высокая темноволосая женщина, сидящая за столом — дежурный врач приемного отделения, — устало вздохнул.

— С подозрением на прободную язву привезли, как мне кажется, там операции не требуется. Обычное острое отравление. Похоже на летальный синтез.

— Сейчас посмотрим.

Рита подошла к кушетке, на которой лежал, зажмурив глаза от боли, молодой, лет двадцати с небольшим, парень. Запах алкоголя чувствовался на расстоянии. Она осторожно приподняла его футболку, обнажила живот и надавила пальцами. Тот закричал:

— Да сколько можно... Только что ведь, . Смотрели, трогали уже...

— Ну, ничего. Потерпите еще немного, — мягко сказала она ему, сосредоточившись на своих ощущениях. Нет и правда: живот был мягким.

— Результаты анализов есть?

— Только что принесли.

Рита подошла к столу, некоторое время внимательно изучала бланки.

— Острая почечная недостаточность... Фольмальдегиды, муравьиная кислота. И кардиограмма плохая похоже на летальный синтез... Как бы он у нас в кому не впал. Промывание назначили?

— Назначили.

— После промывания — под систему. Я зайду часа через два, если никакой срочной операции не будет. А вы, молодой человек, — теперь она обращалась к пациенту, — поосторожнее в следующий раз будьте со спиртными напитками. Сколько говорят, сколько пишут об этом...

Он уже никак не реагировал на ее голос. Присмотревшись, Рита заметила на его лице типичную окаменевшую маску. Встревожено проговорила:

— Лена, у него уже пошел паралич мимической мускулатуры... Поскорее нужно. Постарайтесь, пожалуйста. Я в ординаторской, если что.

— Хорошо, Маргарита Станиславовна. Из приемной она зашла на некоторое время в ординаторскую, чтобы просмотреть медицинские карты. Затем, проходя вдоль узкого длинного коридора, стала заходить в палаты, проводя осмотр пациентов, которым недавно была сделана операция. На этот осмотр у Риты обычно уходило около часа. Если торопиться было некуда, она порой задерживалась в палатах и дольше, терпеливо выслушивая жалобы больных, отвечая бесконечно на одни и те же вопросы, касающиеся по большей части особенностей питания после операции.

— Маргарита Станиславовна, а мясо можно уже сегодня? — почти заискивающим голосом спросил пожилой мужчина, у которого на прошлой неделе Рита удалила пораженные три четверти желудка.

— Ну что вы, Семен Петрович. Вам сейчас, кроме бульона и овощных отваров, пока нельзя ничего.

Рита улыбнулась.

— Забыли уже, как позавчера только от боли кричали, когда вам первый укол прозерина сделали? Если сейчас Хоть кусочек мяса съедите, будет то же самое.

— Правда? — испугался больной.

— Правда, правда. Так что наберитесь терпения. На следующей неделе разрешу паровые котлеты.

— Паровые котлеты, — удрученно повторил больной. — А мне мяса хочется, настоящего...

— Может, тебе еще водочки с соленькими огурчиками? — донесся насмешливый голос с койки напротив.

— Тебе хорошо, Иваныч, тебя послезавтра выписывают.

— Чего ж хорошего, если все равно манную кашу жрать, — усмехнулся тот в ответ.

Рита улыбалась.

- Вы к нам почаще заходите, Маргарита Станиславовна. У вас улыбка такая теплая...
- Хорошо, буду заходить почаще. А вы не расстраивайтесь. Потерпите немного, будет вам и мясо, и водочка с огурчиками...
- Да ну! — оживился Семен Петрович; — Неужели и водочка?
- Месяца через два-три можно будет сто грамм, — подтвердила Рита. — Как раз на Новый год.
- Сто грамм, — пробурчал в ответ вечно недовольный Семен Петрович.
- А у тебя больше в животе-то и не поместится, — усмехнулся его сосед. — Сколько тебе отрезали-то? Три четверти?
- Попрощавшись, Рита вышла из палаты. В следующей палате было почти то же самое. Те же разговоры, та же беззлобная ирония, та же надежда.
- Жалобы есть у кого?
- Температура у меня не падает, Маргарита Станиславовна. Второй день уже.
- Сегодня сколько было?
- Тридцать восемь и три.
- Кровь сдавали?
- Сдавал.
- Я вам сейчас повторный анализ назначу. Завтра инфекциониста пришлю и уролога. У меня подозрение на почки.
- Опять операцию делать будете? — почти испуганно проговорил больной.
- Нет, операции не потребуются. Вам просто нужно будет пролечиться в другом отделении.
- В другом? Почему в другом?
- У нас ведь хирургия. Полостные операции. А урология в другом корпусе.
- Жалко. Я здесь уже привык.
- Не нужно привыкать к больнице. Больница — это временное пристанище. Да вы не расстраивайтесь, может, и не придется вам... Завтрашний осмотр покажет.

В этот раз на осмотр больных ушло почти полтора часа. За окном стало уже совсем темно, когда она наконец вернулась в ординаторскую. Старшая медсестра, Ирина, высокая тридцатипятилетняя женщина с огненно-рыжими кудрявыми волосами, постоянно выбивающимися из-под медицинского колпака, была близкой подругой Риты.

- Как прошел осмотр? — поинтересовалась она, едва оторвав взгляд от какого-то журнала.
- Нормально. Панкрушину в пятую палату завтра нужно уролога и инфекциониста. Мне кажется, какая-то почечная инфекция.

— Почечная?

— Судя по анализам. Ведь не просто так у него температура держится. Хотя заживление проходит вполне нормально, никаких нагноений нет. Ты там, что ли, кроссворд разгадываешь?

— Вот еще. Терпеть не могу кроссворды, ты же знаешь. Я себе тур выбираю.

— Тур?

— Я же говорила тебе. Хотим с мужем на Новый год съездить куда-нибудь. В теплые края.

— Не понимаю Новый год в теплых краях. Без снега, без елки, — задумчиво возразила Рита.

— Ой, Рита, ну что за детство. Скажи еще — без деда Мороза.

Рита улыбнулась в ответ. Возражать не стала, но осталась при своем мнении.

— Ну и что, выбрала что-нибудь?

— Хочу в Египет. Но Египет — четыреста у. е. Боюсь, не потянем. Если бы хоть триста. А за триста — одна Турция. Славик в Турцию не хочет. У него в прошлом году в Турции приятель отдыхал. Не понравилось. И потом, знаешь, я ведь с детства мечтала пирамиды посмотреть. И Лизка у меня Египтом бредит... Господи, ну почему так дорого?

Рита промолчала в ответ. Вспомнилось, как они с мужем пару лет назад ездили по путевке в Крым. Как лежали вечерами на полупустом пляже, бродили вдоль теплой воды. Рита собирала на берегу камни. Разные камни причудливой или, наоборот, идеально ровной формы, гладкие, блестящие, мраморные, черные, янтарно-желтые... Павел сначала помогал ей, потом принялся ворчать, что достаточно уже этих булыжников, ведь их еще домой везти придется. Рита смеялась в ответ:

— Ну ты подумай, где еще такую красоту мы найдем. На Волге таких камней нет...

— Камни — они и есть камни, и тебе, Рита дорогая, уже, между прочим, не пятнадцать лет...

— А тебе, между прочим, тоже еще не семьдесят, старый ворчун!

Рассердился он тогда на Риту почти всерьез, шел рядом молча, никак не реагируя на ее восторженные высказывания по поводу очередного найденного «булыжника».

Это была единственная, пустяковая размолвка между ними. Все остальное время было заполнено счастьем, как был заполнен каждый день солнечным светом и безмятежным плеском волн. Соленый вкус на губах стал тогда вкусом их поцелуев. Обоим казалось, что эта поездка — их медовый месяц, и нет за плечами двадцати пяти лет с упругой жизни.

Позже, вернувшись уже домой, Павел вместе с Ритой любовался «булыжниками» и помогал ей раскладывать их в Цветочных горшках. Они и до сих пор лежат между кактусами, напоминая Рите о море, о счастье... Счастье, которое казалось вечным. Нескончаемым, безлимитным. Кто знал, что пройдет два года, и оно превратится в воспоминание?

Рука сама потянулась к телефону. Часы показывали половину седьмого — у Павла сейчас как раз должен быть перерыв между лекциями. Набрала знакомые шесть цифр. Отмахнулась от привычной, назойливой мысли: «Зачем? Ни за чем. Просто так. Просто мне так хочется...»

— Здравствуйте, можно к телефону Селезнева?

— Вас, Пал Сеич, — ответил ей кто-то, и в следующую секунду она услышала голос мужа.

— Привет, Пашка.

— Привет, Рита. У тебя что-то случилось?

— Ничего не случилось. Я просто решила тебе позвонить. Просто так.

Сердце сжималось от боли. И вдруг она сказала, сама от себя не ожидая:

— Паша, мне страшно.

— Страшно? Чего ты боишься, Рита?

— Знаешь, у меня какое-то предчувствие нехорошее. Как будто что-то случиться должно.

Павел молчал некоторое время. Рита не могла видеть его лица, но чувствовала, что на этот раз ей каким-то непонятным образом удалось достигнуть того, что привычное выражение отстраненности на нем сменилось чем-то иным. Возможно, тревога Риты передалась Павлу.

— Перестань. Что может случиться?

— Не знаю, Мне странный сон приснился. Странный и страшный.

— Это всего лишь сон.

— Ты сегодня сразу после работы домой?

— Не знаю. Может быть, зайду к родителям. Не решил еще.

«Врет» — промелькнуло в голове. — Зря, зря я ему позвонила. Все равно ничего не изменишь уже... Глупо все это».

— Ладно, до завтра.

— До завтра, Рита.

Она не вешала трубку. И он тоже не обрывал связь. Молча слушал едва различимое сквозь потрескивание телефонного эфира дыхание жены. А потом Рита вдруг сказала:

— Ты помнишь... Ты помнишь, Пашка, как мы с тобой два года назад камни собирали? На берегу, помнишь?

— Помню, конечно

И Рита повесила трубку. Нет, легче не стало. Стало еще тяжелее. Напрасно она ему позвонила, и уже тем более напрасно — про эти камни. Ни к чему, только боль одна. Нескончаемая, тупая боль. Нет от нее спасения.

— Эй, Рита, что с тобой? Ты плачешь, что ли? — донесся голос из окружающего мира. Рита увидела Ирину, которая сидела за столом напротив и смотрела на нее широко открытыми глазами.

— Плачу? Кажется, и правда...

— Что случилось? — Ирина подлетела к ней, села рядом, положила руку на плечо. — Что за сон тебе приснился?

— Нехорошо подслушивать, — попыталась в ответ пошутить Рита. Но слезы текли по лицу и делали шутку жалкой.

— Что за сон? — требовательно повторила Ирина.

И Рита, сама от себя такого не ожидая, ответила ей:

— Это не сон, Ирина. Это правда. Он не любит меня больше. Он уйти от меня хочет. Хочет, да все никак не — Ну а кто же еще, по-твоему?

— Да ты с ума сошла! — почти возмущенно возразила Ирина. — Быть этого не может! В жизни не поверю! Так, как тебя твой Пашка любит, еще ни один мужик женщину не любил!

Рита грустно улыбнулась в ответ, вытерла слезы.

— Откуда ты знаешь?

— Да у любого спроси! У любого, кто хотя бы раз в жизни вас вместе наблюдал. Это же с первого взгляда видно, невооруженным глазом. Помнишь, первый раз я Пашку твоего увидела лет пять назад, когда только устроилась сюда работать? Ты еще тогда так смешно мне его представила: «А это вот мой Пашка. Павел Алексеевич». Помнишь?

— Ну, помню...

— Я тогда поразились, как он на тебя смотрел. Знаешь, так обычно восемнадцатилетние парни на девочек смотрят. Помнишь, я еще спросила у тебя тогда» сколько лет назад вы поженились? Ты ответила — двадцать с лишним, а я-то думала, у вас медовый месяц... И каждый раз, когда вы вместе, такое ощущение складывается. Вы всегда — молодожены. Так что ошибаешься ты, Ритуля, что твой муж тебя не любит!

—Ладно, Ирина. Ни к чему все это. Знаешь, я всю жизнь терпеть не могла эта бабские сопли. Любит — не любит. К чему об этом говорить? Разве это что-то меняет? Со мной случилась обычная, банальнейшая история, которая случается, наверное, с каждой третьей женщиной. Переживу как-нибудь. Переживают же другие. У меня сын есть, работа любимая. Мне раскисать нельзя.

— Все равно я тебе не верю. — Ирина продолжала настаивать на своем. Рита махнула рукой:

— Я сама себе не верю иногда. Знаешь, давай больше не будем об этом. Давай о чем-нибудь хорошем...

— Ты хотя бы успокойся. Плакать перестань. Хочешь, чаю заварю? У меня сегодня с собой прямо-таки королевский ужин. Свекровь таких пирожков напекла — прощай, стройная фигура! Хотя тебе это не грозит... Ты ведь никогда не поправляешься, сколько бы пирожков ни съела. Завидую я тебе иногда, Рита!

— Да уж, — вздохнула Рита. — Нашла кому завидовать. И правда, давай чаю попьем. Ты пока завари, а я схожу в процедурную. Посмотрю, как там этот парень.

— Который спиртом отравился?

— Ну да, тот самый. У него летальный синтез. Его побыстрее в токсикологию нужно...

— Вот ведь люди дураки бывают, а, Рита? Где-то на железнодорожных путях с приятелями слили из цистерны две канистры этиленгликоля. Думали, водка...

— Интересно, а приятель его где?

— Приятель его, говорит, не пил.

— Молодец приятель. Здравомыслящий попался. Ладно, я пойду к нему, а ты пока чайник поставь. Кстати, Ирина... Тебе не кажется...

— Что?

Рита не решалась продолжить. С самого начала смены, как только она вошла в здание больницы, ей стало казаться, что в помещении пахнет дымом. Она прекрасно понимала, что запах этот ей примерещился, что он пришел из сна и существует теперь только в ее воспаленном воображении, но не в реальной действительности. И все же ощущение было слишком стойким и слишком навязчивым.

— Тебе не кажется, что пахнет дымом?

— Дымом? Нет, совсем не чувствую, — задумавшись на мгновение, подтвердила Ирина ее мысли. Конечно же, этот запах — из сна...

Рита вышла из ординаторской. Быстрыми шагами прошла вдоль коридора, спустилась вниз по лестнице. Здесь, внизу, запах дыма почему-то показался ей еще более сильным. Она остановилась, попытавшись взять себя в руки. «Наверное, я просто схожу с ума. Нужно начинать пить таблетки, нужно приводить в порядок нервную систему, потому что иначе процессы станут необратимыми...»

— Маргарита Станиславовна, — послышалось из-за спины.

Рита обернулась и увидела Олесю, молоденькую медсестру.

— Вам не кажется, что здесь чем-то горелым пахнет?

— Кажется, и правда пахнет. — Рита даже обрадовалась в первое мгновение, убедившись в том, что запахи эти ей не привиделись. Но только в первое мгновение.

— Может, с улицы? — неуверенно предположила Олеся.

— Нет, на улице запаха не было. Я как вошла в приемную, его почувствовала. Давно уже, часа полтора назад. А на улице не чувствовала запаха. Здесь/внизу, он сильнее, чем наверху. Может, проверим склад с медикаментами?

Рита повернула направо и быстро пошла по коридору в дальний отсек, где располагался склад. Дверь была заперта на ключ.

— Нет, кажется, здесь все в порядке, слава Богу. Только ведь пахнет откуда-то дымом, сильно пахнет, .. Пойдем, посмотрим столовую.

Столовая располагалась в длинном отсеке, в старой части здания на первом этаже. Рита торопилась, почти бегом бежала. Олеся быстро постукивала каблуками, едва догоняя ее.

Здесь тоже было заперто. Но дверь и не нужно было открывать для того, чтобы убедиться: дым шел именно отсюда. Он выходил сквозь дверные щели тугими и плотными сгустками. Источник пожара находился именно здесь...

Рита бросила встревоженный взгляд на Олеся. Та поняла ее без слов: с другой стороны здания к столовой вплотную прилегало отделение интенсивной терапии, — Ключи... Олеся, беги быстрее за ключами!

Издали доносились уже встревоженные голоса. Рита не чувствовала страха. Хотя теперь, когда вещий сон ее начинал уже сбываться, Рита почти не сомневалась: этот пожар не просто так случился. Он как-то связан с ней, с ее, Ритиной, жизнью. Возможно, он и станет ее избавлением от земных мучений. Возможно...

Предчувствие надвигающегося конца было настолько сильным, что она даже перестала сомневаться в том, что именно так все и случится. Что пройдет еще несколько часов, а может быть, минут — и не будет больше уже этой тоски, этой боли, этого вечного страха перед будущим. Скоро...

Из дневника Валерии

Если бы я не влюбилась.

Ты прости меня, Настя. Прости за то, что я так смеялась в тот вечер. В тот вечер, когда мы гуляли с ним по Набережной и я чувствовала, что жизнь капля за каплей, очень медленно, но все же вливается в меня. Я-то думала, что так и буду вечно жить одной только скорбью по тебе. Я и забыла даже, как он звучит — смех мой, и подумать не могла, что придется когда-нибудь мне снова смеяться... Я шла рядом с ним и удивлялась тому, как это раньше жила на свете и не знала о нем ничего. И горько мне было, и страшно, и радостно. Только боль все равно радость мою заглушала — ведь я уже тогда знала, что опоздала быть счастливой. Я игла рядом с ним, смеялась, потом до утра слушала его песни и думала о том, что нет на свете ничего печальнее, чем несбывшееся счастье.

Только он еще не знал ничего. Он-то думал, мы случайно с ним встретились. Не догадывался, что тот каблук я еще дома надломил. Не знал, сколько раз я наблюдала за ним со стороны, смотрела, как он возвращается с работы, сверяла время. Каждый день в половине седьмого он проходил по этому переулку. Целую неделю я за ним наблюдала, а потом, когда все уже окончательно продумала, решила, наконец.

Ненависть — плохой советчик. Страшно, когда ненависть твоей подругой становится, только я думала раньше, что ненависть — это все лучше, чем тоска бесконечная. Ненависть какой-то смысл жизни придает, Появляется ненависть — и цель появляется, живешь этой целью, думаешь дни и ночи...

Ведь сколько раз я себе эту картину рисовала. Придумывала, смаковала каждую подробность. Как приходит ко мне Павел с чемоданами, остается ночевать у меня. А поздно вечером — нет, лучше даже ночью — я бы позвонила ему и попросила прийти, и сын его ко мне приходит. Немая сцена... Я думала: именно этого и ждешь ты от меня, Настя. Именно так и должна я поступить после того, что они с тобой сделали. День за днем, ночь за ночью — ох уж эти ночи нескончаемые! — только об этом и думала. Но это еще тогда было. До того, как я решила наконец, попасться ему на пути со своим сломанным каблуком.

А в тот момент все изменилось. Я даже не поняла сразу, что это со мной произошло. Почему вдруг все не так, совсем не так, как я себе представляла. Не так, как с Павлом. По-другому... Шла рядом с ним и чувствовала: все мои планы рушатся. Ничего у меня не получится, потому что теперь не я ему, а он мне — хозяин...

Успокаивала себя. Думала — минутное это, пройдет. А потом, когда он чай покупать ушел, а я одна в квартире осталась, так страшно мне стало. Такой беспомощной я себя почувствовала, когда ненависть моя меня покинула. Поэтому и убежала от него в тот вечер. Пришла домой, упала на диван и стала ждать, когда же ненависть моя ко мне вернется. Только не пришла она больше. Вместо нее явилась любовь...

Я думала раньше: не бывает такого. Все уговаривала себя, внушала себе: не может такого быть. Ведь это же тот человек, тот самый, который сестру твою... Сама себя не понимала. Но именно тогда, в тот вечер, и родилась у меня эта мысль запоздалая: в моей цепочке не хватает одного звена. А окончательно я в этом убедилась позже. Гораздо позже, когда ничего уже изменить нельзя было. Когда я Риту увидела — высокую, красивую, стройную женщину с добрыми глазами и каштановыми волосами. Это она мне про цепочку сказала...

Если бы подумала я об этом раньше... Ведь тысячи раз вспоминала, прокручивала наш с Настей последний разговор, только не могла уловить эту зыбкую грань. Не могла понять, что не про него, не про Сергея девочка моя все это рассказывает. Даже раньше, до встречи с ним, когда блуждали мы с его отцом по аллее, зарождалась порой у меня эта мысль. Смотрела я на Павла, слушала его и думала: «Господи, неужели может быть человек таким двуличным?» Не сообразила вовремя, что не может.

Потом, позже, когда Сергея встретила, я Настю во всем обвинять стала. Дурочка глупенькая, ну почему же не сказала она мне, не объяснила ничего. Если бы объяснила — не было бы всего этого кошмара, который я теперь переживаю.

Нет, конечно, не сразу я догадалась о том, что допустила эту ошибку. Первое время еще думала: может, ошибаюсь я, своей интуиции доверяя. Настя, может, тоже ошибалась, когда встречалась с ним, когда верила ему. Но, как ни пыталась я себя убедить, как ни старалась — ничего у меня не получалось. Все дальше и дальше, шаг за шагом, приближалась я к пропасти. К яме, которую сама же для себя и вырыла.

Наверное, не нужно было мне с ним встречаться. После той первой встречи, которая всю душу мою перевернула, нужно было назначать вторую. Только это, наверное, же было не в моей власти. Внезапно осознав, что и я — я тоже — могу быть счастливой, могу излучать солнечный свет, как та девушка Света, которая случайно встретила меня, я уже не могла остановиться на полпути. Хоть и понимала прекрасно, что счастье это будет недолгим, что предстоит еще мне боль, новая боль, данная в расплату за это счастье. И все равно ничего не могла с собой поделаться.

Я все вспоминала ее, эту незнакомку. И в тот день, и на следующий. Она была так похожа на меня — такой же цвет волос, глаз, и возраст у нас с ней примерно одинаковый. Она излучала свет, излучала счастье. А я — одну лишь темную боль. Я вся была пропитана этой болью, ярослась с нею, подменила этой болью саму свою суть.

И мне захотелось изменить хоть что-то. Мне захотелось стать похожей на нее, на эту девушку-счастье с таким лучистым именем — Светлана. Наверное, поэтому я и назвалась ее именем. Глупость, конечно. Но результат оказался феноменальным.

Он все повторял мое новое имя — Света. И я чувствовала, что нет больше Валерии — темной, сгоревшей, от которой один лишь серый пепел остался. Я с каким-то диким упоением развеивала по ветру этот пепел, я без конца смеялась, потому что мне было смешно, мне было легко... И так каждый раз, каждый вечер, когда мы встречались. Всего-то и было этих вечеров — три, только за эти три вечера я целую жизнь успела прожить. Счастливую жизнь...

Потом, приходя домой, я плакала в подушку. Я снова становилась Валерией — седой старухой, обреченной на вечную жизнь на тоскливое одиночество. Не было больше светящейся солнцем девушки Светы. Я мучилась, проклинала себя за то, что сделала. Пыталась найти какой-то выход, но каждый раз убеждалась в том, что выхода нет. Ведь рано или поздно Сергей все равно узнает. О том, что я Настина сестра, о том, что почти целых два месяца встречалась с его отцом, морочила ему голову и чуть было не увела его из семьи.

Самыми тяжелыми были для меня именно те моменты, когда он начинал вдруг рассказывать о родителях. О матери своей, об отце. Я слушала эти рассказы; каждый раз узнавала в них Павла; каждый раз проклинала себя за то, что натворила. Пусть не успела я осуществить до конца свои планы, и же успела зайти достаточно далеко.

Многое о чем Сергей рассказывал, я уже знала по рассказам его отца. О том, например, как Павел с Ритой познакомился, поплыл за ней по Волге, как едва не утонул. Про собаку их тоже знала, которая почти десять лет у них прожила, & потом ее на улице машиной сбило. Почти все знала я о нем, а он и не догадывался...

Но хуже всего было в тот вечер, когда Сергей вдруг стал рассказывать мне про Настю. Господи, как тяжело мне было! Как трудно было сдержаться, не вздрогнуть, не подать виду! Внутри у меня все переворачивалось. Слезы все-таки выступили один раз на глазах. Только я сжала себя в кулак и сказала, что это просто аллергия.

Он её все время Кнопкой называл. Я и раньше знала, что Сергей называл сестру мою Кнопкой. Но это, как оказалось, было единственное, что я вообще о них знала.

Настя ведь скрытной была. Все больше отмалчивалась или придумывала какие-нибудь небылицы. А правду о себе почти никогда не рассказывала. Я и не настаивала. Знала ее характер: все равно если не захочет, не расскажет ничего. Не знаю, может быть, отпугнула я ее тогда, в тот вечер, когда застала дома с парнем. С тех пор ни парней никаких дома не было, ни рассказов о них я не слышала. Хотя догадывалась, что они были. Я и про Сергея так и не узнала бы ничего, если бы не те фотографии. Сейчас думаю: может быть, лучше было бы, если бы не узнала?

Когда Сергей стал про Настю рассказывать, я старалась слушать молча, не перебивать. И почти сразу почувствовали: он ее помнит. Помнит и любит. Любит до сих пор... Потом он замолчал на время, видимо, вообще забыл про меня, все о Насте думал, а я, попросила его продолжить. Не потому, что хотела все это слушать — нет, наоборот, мне уши зажать хотелось, кричать хотелось, — а потому, что чувствовали: это нужно ему. Догадывалась, что еще ни с кем он о Насте не говорил так, как со мной. Я спросила у него:

— Скажи, а эта девушка, с которой ты встречался...

Я замялась, а он не дал мне договорить:

— Она не была моей девушкой. То есть в том смысле, который обычно вкладывается в эти

слова, понимаешь Света? Кнопка просто моей подружкой была, сестренкой младшей...

В тот момент и случилась у меня аллергия. Я поняла вдруг, что есть, оказывается, на земле человек, который любил мою Настьку беспутную, так же сильно, как я ее любила. Вот он, здесь, рядом со мной. И сердце мое тянется к нему, только поздно уже, слишком поздно... Вытерла я свои слезы, выдавила из себя улыбку, а он дальше рассказывать стал. О том, как познакомился с ней, как она на него с дерева свалилась. Как джинсы свои в комнате у него зашивала, как они к нему на дачу ездили и еще много разных историй. И даже про картины рассказывал, которые она у нас по всей квартире развесила...

Столько времени уже прошло, а до сих пор мне туда зайти страшно. Там ведь все так и осталось, как было. Настина комната, Настины вещи в шкафу, Настины книжки — бесконечные любовные романы на полках. На следующий день после того, как бабушка от меня уехала, я поняла: слишком тяжело все это. Нашла какую-то старую газету, позвонила по объявлению, через два дня переселилась в квартиру на другом конце города. Не могу сказать, что легче мне стало. Тянет иногда вернуться домой, только я понимаю, что тоскую-то не по дому нашему, а по Насте.

Он рассказывал про картины, а потом про письма ее рассказывать стал. И про последнее письмо тоже...

Я стояла, отвернувшись. Лица моего он не видел, поэтому я закрыла глаза, зажмурилась что было силы и стала повторять про себя, как молитву: «Не надо. Прошу тебя, не надо. Перестань, иначе я не выдержу. Разве может человек выдержать — такое...»

Взяла себя в руки и сама как-то сумела перевести разговор на другую тему. Сейчас уже не помню, что я ему говорила. Кажется, про работу свою рассказывала, как тетя Наташа, мамина подруга, помогла мне в архив устроиться. Как я привыкала, как тяжело сначала мне было. В общем, чушь всякую несла, только для того, чтобы он про Настю со мной говорить перестал.

А. потом мы встретили Риту.

Конечно, к моменту нашей встречи я уже была уверена, что та страшная женщина из моих кошмаров — тощая, с взлохмаченными белыми космами — это Рита. Только Риту я себе никак не могла представить. Вообще не могла, как ни старалась. А когда увидела, такой гадиной себя почувствовала... Не в первый раз уже, только еще острее, чем всегда.

У Риты удивительные глаза. Добрые и грустные. Грусть эту сразу я разглядеть в них сумела и даже о причине ее догадалась и голос у Риты приятный, тихий и очень спокойный. Она смотрела на меня внимательно — видимо, оценивала, а еще мне показалось, что я ей понравилась...

Рита сказала про щепочку, попрощалась с нами и пошла на работу. А я почувствовала, что больше уже не могу все это терпеть. Чем дальше, тем туже, тем плотнее затягивается эта петля. Все равно рано или поздно Сергей обо всем узнает. Пусть лучше узнает сейчас...

Я решила ему все рассказать. Только не знала, с чего начать этот свой рассказ. А потом он поцеловал меня. И небо перевернулось, упало мне под ноги, я уже не знала теперь, где я, кто я... Трудно, ужасно трудно оттолкнуть от себя счастье. Даже когда знаешь, что все равно счастье это не твое, не принадлежит тебе, что недолгое оно и несладкое. «Не сейчас, позже, — думала я, задыхаясь от этого счастья. — Пусть будет еще больнее, но только не сейчас...»

И я все откладывала, откладывала. Забываюсь порой, полностью в своем счастье растворившись. Потом вспоминала снова и снова думала: «Не сейчас...» Он заснул почти сразу. Я сказала ему — спи, и он как будто послушался меня, закрыл глаза, и совсем скоро я почувствовала, что дыхание его стало ровным, глубоким... А я осталась одна.

Наедине со своим счастьем несбывшимся, со своей подлостью, с трусостью своей... Некуда было деться от всего этого, я знала: он меня не простит. Разве можно простить такое? Будь у меня тысячи, десятки тысяч оправданий, все равно не простит, не сможет он простить меня...

«Господи, — взмолилась я, — помоги мне. Подскажи, что мне делать. Если есть хоть один шанс у меня сберечь свое счастье, хоть один шанс на миллион — дай мне его...»

Я лежала рядом с ним, смотрела на него и понимала, как отчаянно не хочу его терять. Как я мечтаю рядом с ним — всегда, слышать его дыхание, чувствовать запах кожи, прикасаться к нему... Невыносимо было об этом думать.

Только, оказывается, существует он, этот предел невыносимого. Потому что в тот момент, когда я почувствовала, что силы меня покидают, что разум и душа уже больше не выдерживают этого сумасшедшего натиска, я вдруг увидела кошку.

Черную кошку с белыми пятнами. Она пробежала мимо меня, махнула хвостом и скрылась. И тогда я вспомнила старую сказку...

— Света, — тихо позвал он ее и прикоснулся к щеке пальцами. — Света, что с тобой?

Она отпрянула, как от удара. Как будто не ожидала увидеть его, как будто совсем забыла о том, кто он и что делает здесь, в ее комнате.

— Тише. Успокойся, слышишь? Это я, я.

Она молчала и смотрела на него с такой тоской во взгляде, что ему даже стало страшно. Он как будто снова увидел перед собой ту девушку в черном платке. «Глупости», — отогнал он от себя навязчивый образ и снова спросил:

— Что случилось? Сон? Тебе страшный сон приснился?

Потянулся к ней, но она настойчиво убрала его руки, замотала головой:

— Не надо. Прощу тебя, не надо. Я сама. Я сама сейчас все расскажу тебе. Только подожди немного, дай мне сил набраться...

Она поднялась с кровати, накинула халат и опустилась рядом, на краешек.

— Понимаешь, Сережа... Ты ведь не знаешь обо мне.

— Успокойся, Света, прошу тебя. Я не думаю, что это имеет значение...

— Не знаешь, — повторила она, словно не услышав его слов — А когда узнаешь, все по-другому будет. Все изменится... Я тебе расскажу сейчас, только сначала...

Он молчал, чувствуя, что не стоит ему сейчас вмешиваться в этот странный ее монолог. Хотя внутри все протестовало. Он-то знает: что бы ни случилось — ничего уже не изменится. Нет в мире такой силы, которая могла бы теперь разлучить их. Не имеет никакого значения все то

что было в прошлом...

— Только сначала я тебе сказать хочу, что тебя. С того момента, как только тебя увидела я поняла, что люблю. И наверное, долго еще любить буду, долго буду помнить...

— Да прекрати, — не выдержал он. — Перестань, прошу тебя. Можешь вообще не говорить ничего, потому что прошлое твое.

— Это не прошлое, Сережа, — перебила она его. — Это настоящее. Ты дай мне сказать, ладно? Я ведь обманывала тебя все это время.

— В чем? В чем ты меня обманывала, Света?

— Во всем. Вот ты говоришь — Света, а меня ведь не Светой зовут. Я придумала...

Это было неожиданно. Но он усмехнулся в ответ:

— Детские игры... И как же тебя зовут *по-настоящему*?

— Валерия. По-настоящему меня зовут Валерия.

Имя это ни о чем ему не сказало. Странно, конечно, было все это слышать от нее, и все же не трагедия.

— Тоже неплохое имя. Но если оно тебе не нравится, я буду называть тебя...

— Не в этом дело. Не потому, что не нравится. Ты не знаешь, кто я. Я Настина сестра.

Сознание продолжало защищаться. Упорно защищаться от надвигающейся опасности, которая теперь стала вдруг осязаемой.

Сергей снова ничего не понял:

— Настина сестра? Ты о какой Насте?

И сбился, не договорив. Потому что вдруг понял...

— Ты о чем?

— Я Настина сестра, — повторила она. — Меня зовут — Валерия. И я специально ту встречу подстроила. Помнишь, каблук у меня сломался. На самом деле все не так было.

Он молчал. Все это казалось настолько странным и непонятным, что он даже не знал, как реагировать. Спросил только:

— Зачем?

— Я ошибалась. Я очень сильно ошибалась, и это единственное мое оправдание. Вряд ли ты сможешь его принять. И я тебя понимаю. Такое не прощают. Только я хочу, чтобы ты знал: я ошибалась, Сережа. Если бы я могла сейчас изменить хоть что-то. Вернуть время назад... Но ведь это невозможно.

Он слушал ее и медленно начинал понимать: перед ним — та самая заживо сожженная девушка из его ночных кошмаров. Два абсолютно противоположных образа — черный и белый

— сознание отчаянно не хотелось соединять в один. Это было невыносимо, непостижимо...

— Я не верю тебе, — прошептал он. — Этого быть не может. Я видел ее, Настану сестру. Она была не такая...

— А какая она была?

— Она была... Она была черная.

Он и сам вздрогнул от своих слов. Почувствовал, какую невыносимую боль причинили они этой девушке, пока еще им не разгаданной. Но было поздно.

— Ты правильно сказал — черная. Черная, дотла выжженная. Это только потом, когда тебя встретила, я изменилась. Я тебе расскажу сейчас все. Только не перебивай меня. И не торопи. Мне многое сказать тебе надо. Ты просто слушай. Слушай меня, а потом сам решай, как быть...

И он стал слушать ее, не перебивая. Она оговорила не торопясь, медленно, отдаваясь воспоминаниям целиком и без остатка. Он слушал ее и представлял себе — маленькую Леру, крошечную Настю. Рыжеволосого гиганта с улыбкой ребенка на лице. Точно такой же улыбкой, которая так часто озаряла Кнопкино лицо. Он видел, как наяву: ночь, плач женщины в соседней комнате. Потом — похороны. Первые похороны в жизни маленькой Леры. Вторые похороны...

Потом появилась снова эта кошка — черная, с белыми пятнами. Вот, оказывается, откуда она взялась. Потом снова появилась Кнопка, и долго она еще стояла у него перед глазами. Но потом и она исчезла.

Осталась только она — Валерия. Одна, посреди огромного и холодного мира. Совершенно одна... А потом рядом с ней появился мужчина. Сергей долго и отчаянно сопротивлялся. Он не хотел узнавать в нем своего отца.

Это было невыносимо, это никак не укладывалось в сознании.

— Ты не думай, — говорила она ему, — не думай, между нами не было ничего. Не было, но могло бы быть...

Захотелось крикнуть ей: «Замолчи! Замолчи, прошу тебя, перестань нести этот бред...»

Но сил уже не оставалось. Он не смог произнести ни слова и продолжал слушать ее.

А она все говорила...

Себя в этом рассказе он уже не узнал. Он видел лишь какого-то глупого, слабого, доверчивого теленка, которого тянет за собой на веревочке насмешница-судьба. Слишком слабого, слишком доверчивого.

Совсем не жалко его было. Было просто смешно...

И он стал смеяться, заглушая ее слова, которые теперь уже ровным счетом ничего для него не значили. Невозможно было удержаться от этого смеха. Смешны были оба — и сын-теленочек, и папочка-идиот. Вполне достойны друг друга...

Она просила его остановиться. Она плакала, но слезы ее тоже были смешны, и он смеялся еще сильнее, потому что комедия, разыгравшаяся сейчас в его воображении, была достойна этого

смеха. Она была достойна самых бурных аплодисментов — и он стал хлопать, что было сил хлопать в ладоши и смеяться, выражая свой дикий восторг, свое бурное восхищение... Никогда в жизни ему не было так смешно.

Потом вдруг смех его резко оборвался. Улыбка застыла на лице окаменевшей гримасой.

Рядом с ним сидела какая-то девушка. Он как будто совсем забыл о ее присутствии, отдавшись своему смеху.

Она снова начала что-то говорить. Смысл сказанных слов ускользал от него, и он уже не понимал — кто она, зачем она здесь. И кто дал ей право говорить сейчас с ним о его матери. Кто дал право произносить ее имя...

— Замолчи! — выдохнул он наконец, но она его будто не услышала и продолжала.

Он уже не слушал ее. Она все время твердила о какой-то ошибке, а он смотрел по сторонам и не мог понять, как он здесь оказался. В этой комнате, в этой душной клетке, где стены смыкаются почти вплотную, куда не проникает ни воздух, ни солнечный свет...

Потом вдруг вспомнилась ему девушка — не эта, которая сидит сейчас рядом с ним, а совсем другая. Девушка с солнечным именем Светлана. Этой девушки не было. Просто не существовало в природе. Она растаяла, ушла от него, как ушла когда-то Кнопка. Улетела облака, оставив о себе лишь перистое облако-воспоминание, наполненное запахом диких лесных трав и поле цветов. Так недолго она была рядом...

И теперь та, другая, чужая, почему-то снова и снова повторяла ее имя. «Светлана», — повторяла она, и было невыносимо, это было еще более, чем слышать все остальное...

Он поднялся с кровати, торопливо натянул на себя одежду. Каждая секунда казалась протяженностью в бесконечность. Невыносимо уже было находиться здесь, оставаться рядом с ней — с той, которая разрушила его жизнь, которая сбросила его с легкого воздушного облака вниз, на оголенные скалы. Она шептала:

— Прости.

А он просто не понимал, что значит это слово. Как это бывает. Она как будто на другом языке с ним разговаривала. Язык этот был для него чужой, и сама она — чужая, бесконечно далекая, как будто сотни тысяч световых лет их теперь разделяли, несмотря на то, что находились они пока еще в одной комнате.

Пока еще.

Время все же не стояло на месте. Все же оставляло приметы своего ухода — вот он сделал шаг, другой, третий. Что-то заставило его обернуться. Он обернулся и снова увидел ее лицо.

— Скажи, что это неправда. Прошу тебя, скажи. Она опустила глаза и тихо ответила:

— Это правда.

Ни один мускул не дрогнул на его лице. Ничто не шевельнулось в душе. И даже зрительный отпечаток почти не сохранился в памяти. Бледное лицо, светлые волосы, длинные ресницы. Много у него было точно таких же голубоглазых блондинок. Память безжалостно смешала этот образ с десятками других, встреченных прежде. Одна из них, одна из многих... Что ж, жизнь

идет по накатанной колее. Он уже давно привык к этому. Это было совсем не трудно — вычеркнуть из жизни, из души своей...

Он вышел из квартиры. Стены по-прежнему давили на него, и чувство это не покидало даже тогда, когда он оказался на улице, когда вдохнул полной грудью свежий утренний морозный воздух. Ощущение замкнутого пространства не отпускало: ему казалось, что все это иллюзия, что на самом деле он все еще там, на кровати, все еще заперт в клетку, и сил больше не остается для того, чтобы вырваться из нее.

Он шел вперед быстрыми шагами, не задумываясь о цели своего пути, мечтая лишь об одном — вырваться наконец из замкнутого пространства. Боль, сконцентрированная тысячекратно в самом потайном уголке души, теперь выплеснулась наружу. Тугой струйкой раскаленного железа она разливалась по всему телу, бежала по венам, смешиваясь с кровью, пульсировала в висках. Эта боль начинала сводить его с ума, она подчиняла его себе, делала послушным своим рабом: сейчас он был готов на все, что угодно, лишь бы ослабить хоть ненамного эту железную хватку.

Ощущение внешнего мира вернулось к нему не скоро. Он вдруг обнаружил себя почти на самой окраине города, в стороне от жилых массивов, на заброшенном пустыре. С трудом сориентировавшись в пространстве, он через некоторое время выбрался на проезжую часть. Остановил проезжающую мимо машину, назвал свой адрес и упал на заднее сиденье, снова погрузившись в себя.

Сознание все еще отказывалось принимать реальность такой, какая она есть. Он словно находился под анестезией, которая парализовала мозг и не давала возможности размышлять, анализировать. Боль продолжала бурлить внутри, заражать кровь, надирать сердце.

Машина остановилась, он вышел, почти не узнавая местности, как-то наугад добрел до дома, отыскал в кармане ключи. Вошел в квартиру. Не разуваясь, прошел в комнату и опустился в кресло.

На стене напротив висели часы. Сергей вдруг подумал о том, что ему нужно идти на работу.

Эта была первая мысль, никак не связанная с болью. Но боль шла вслед за ней — теперь она выливалась наружу бурным потоком ярости и сухих слез. Он резко поднялся с кресла и рывком открыл дверь в родительскую спальню. Там было пусто. Он бросился на кухню, едва не сорвал с петель дверь в ванную. Там тоже никого не было.

Бессильная ярость сдавленным стоном сжала горло. Ему казалось: если бы в этот момент он увидел отца, он просто убил бы его. Он бы набросился на него, не задумываясь о том, что делает. Повинуясь лишь голосу ярости, которая бурлила, клокотала в нем, которая требовала выхода, потому что слишком тесно уже становилось в его душе, не способной вместить в себя всю эту огромную боль сразу.

Сергей снова перевел взгляд на часы. Он почему-то никак не мог вспомнить, в какое время отец обычно уходил на работу. Он никак не мог понять, что означает эта комбинация цифр на циферблате. Ноль семь тридцать четыре. Какой-то магический код, который невозможно разгадать. Ноль семь тридцать четыре.

Нет, слишком рано. Он понял наконец — половина восьмого. В это время отец еще должен быть дома, а мама... Мама уже должна была вернуться с ночной смены. Смена в больнице закончилась еще час назад...

Словно в ответ на его раздумья резко прозвучал телефонный звонок. Сергей бросился к телефону, ожидая услышать голос отца и собираясь уже сказать ему все, все что думает, что знает теперь о нем...

Услышал и в самом деле голос отца. Только сказать не успел ничего.

— Сережка? Наконец-то, где тебя носит, черт возьми! Сотовый почему отключил? Срочно приезжай, мама в тяжелом состоянии.

— Что?! Что ты сказал? Что с ней?

— Я пока точно не знаю. Она пострадала во время пожара. Приезжай, слышишь?

— Да, конечно. Конечно, я сейчас приеду...

Он опустил трубку и долгое время стоял без движения. Не мог поверить в то, что услышал. Не умещалось в душе столько горя сразу. Разрывалась она на части. Он почти физически это ощущал...

Невозможно было в это поверить. Павел знал: так всегда бывает, когда происходит в жизни что-то ужасное. Срабатывает какой-то защитный механизм, и сознание человека отторгает реальность, не воспринимает ее, видимо, смягчая таким образом силу удара. Из больницы ему позвонили в четыре часа утра. Он еще не успел заснуть, все ворочался в постели, снова и снова возвращаясь к мыслям о предстоящем выборе. Странно, но в эту ночь он впервые с момента встречи вдруг почувствовал всю тяжесть прожитых лет. Удивительное, сказочное ощущение вернувшейся молодости вдруг покинуло его, и ему показалось, что за эти полтора месяца непрерывных и мучительных раздумий он даже постарел. Постарел не на месяцы, не на годы, а на целую жизнь. И эта невыносимая тяжесть в душе и была тяжестью прожитых лет, она давила, пригибала его к земле, и невозможно было ей сопротивляться, не было сил преодолеть ее...

С прежней удивительной легкостью он воскрешал в сознании образ Валерии. Раньше это был для него спасительный бальзам, самый легкий способ подняться с земли и воспарить над облаками, но этой ночью все было по другому. В эту ночь он остро ощутил, что там, под облаками, ему будет слишком сильно не хватать земли. Он будет смотреть вниз не торжествующим, а грустным взглядом, будет обречен на вечную тоску по тем, кого оставил на земле... Будет то же самое, что и сейчас, с той лишь разницей, что сейчас он тоскует по небу.

Внезапно в ночной тишине раздался телефонный звонок. Павел не сомневался почти ни минуты в том, что звонит сын. Бывало такое, что тот не приходил домой ночевать, но еще ни разу не случалось, чтобы Сергей не позвонил, не предупредил. Видимо, не ошибалась Рита в своих предположениях: наверняка появилась у Сережки какая-то зазноба, оттого и забыл он дорогу домой... Павел собрался уже было отчитать сына с надлежащей отцовской строгостью, но в телефонной трубке услышал совсем другой, незнакомый женский голос:

— Павел Алексеевич? Это из больницы вас беспокоят. Маргарита Станиславовна в тяжелом состоянии...

Стрела боли пронзила насквозь: Рита! Затуманилось перед глазами, он что-то спрашивал, ему отвечали, только потом, повесив трубку, он уже ничего не мог вспомнить. Только два слова: Рита. Пожар.

Что-то случилось с Ритой... Он может потерять Риту. Потерять навсегда. Риту — самое дорогое,

что есть у него в жизни. Разве это возможно? «Пожар», — отзывалось эхом в сознании, только все равно никак не мог он соединить вместе пожар и Риту, не мог понять, как они были между собой связаны, не хотел понимать этого. Торопливо застегивая пуговицы на рубашке, он снова вспомнил о сыне. Набрал номер его мобильного телефона, но телефон был отключен, снова набрал и снова услышал все тот же равнодушный голос: «Номер абонента...» Сначала по-русски, потом по-английски.

Уже потом, позже, сидя в такси, он подумал, что нужно было бы оставить Сергею записку. Мысль промелькнула и тут же растаяла, он уже не помнил о сыне и о записке, снова и снова прокручивая в голове недавний телефонный разговор, пытаясь собрать воедино обрывки фраз, создать какую-то логическую цепочку, прийти к какому-то выводу и найти утешение... Но ничего не получалось. Мысли путались, а голос рассудка постоянно заглушало отчаяние. Оно сжимало сердце железными тисками, и сердце, пытаясь вырваться из этих тисков, билось все чаще, все громче, взывая о помощи...

«Она жива. Жива по крайней мере. И будет жива. Тяжелое состояние — это еще ни о чем не говорит. Она сильная, она справится. Она выживет; Ради меня... Ради сына, в конце концов, если посчитает, что ради меня не стоит...».

Бессильная ярость выплеснулась наружу мучительным стоном: «Это я во всем виноват...» Только бы она справилась. Только бы нашла в себе силы и поверила ему. Там, в своем мире» в этом страшном промежуточном мире между жизнью и смертью, — только бы она нашла в себе силы!

Он вошел в здание больницы. Там еще стоял запах дыма, смешанный с гниющей влажностью, неотвратимо подтверждающий очевидность случившегося пожара. Поднявшись наверх, быстрым шагом прошел в ординаторскую, все еще надеясь увидеть там Риту. Риту, сидящую за своим столом. В белом халате, в очках, сползающих на кончик носа. Серьезную и сосредоточенную... Сколько раз он приходил сюда и видел ее за этим столом. Десятки, сотни раз за пятнадцать лет. Почему же в этот раз все должно было быть по-другому?

В первый момент ему и в самом деле показалось, что он видит Риту. Вот же она, сидит за своим столом, внимательно рассматривает какие-то бумаги. Вот она поднимает голову:

— Здравствуйте, Павел Алексеевич.

— Здравствуйте, Ирина...

Она поднялась из-за стола, подошла к нему, коснулась рукой плеча.

— Рита сейчас в реанимации. Но вы не отчаивайтесь. У нее есть шансы...

— Да что случилось, скажите же наконец! Что с ней случилось?

— Она пострадала во время пожара. Внизу, на первом этаже, загорелась столовая. Знаете глупо все как-то получилось...

Он заметил слезы на ее глазах. И сам почувствовал, как подкатил к горлу тугой ком, как запульсировала в висках кровь и отяжелели веки.

— Кошка, — выговорила наконец Ирина, вытирая глаза скомканным носовым платком. — Эта кошка, которая жила в столовой. Давно уже, лет семь она в больнице у нас живет. Вы тоже ее видели, наверное... Господи, будь она неладна! Рита ее все время подкармливала, она же

вообще кошек любит...

Павел вспомнил — в самом деле, была какая-то кошка. Рита иногда о ней рассказывала, и даже видел несколько раз Павел эту кошку. Пушистая черная кошка с белыми пятнами... Только при чем здесь кошка?

— При чем здесь кошка?

Ирина снова сделала над собой видимое усилие. Каждое слово давалось ей с трудом.

— Понимаете, она эту кошку хотела спасти... Кошка там осталась, в столовой, а прорваться сквозь огонь наружу не могла. Рита ее услышала и бросилась спасать... Да сама рядом с ней стояла. Только не успела ее удержать! Она как-то не раздумывая вошла туда. Знаете, как будто и не боялась совсем... Как будто и в самом деле у нее в 'жизни ничего дороже не было, чем кошка эта... До сих пор понять не могу, как это она так...

Дверь ординаторской распахнулась. Появился высокий молодой мужчина в темно-зеленом халате и колпаке.

— Ну что? Что там, Саша? — бросилась к нему Ирина, видимо, позабыв на минуту про стоящего рядом Павла. Только потом, спохватившись, повернулась к нему: — А это Павел Алексеевич. Муж Риты.

— Здравствуйте. — Мужчина протянул руку. Взгляд у него был уставший, и почему-то Павлу показалось, что слишком быстро он отвел этот взгляд, и снова упало куда-то вниз сердце от ужасного предчувствия.

— Она жива? ~ прохрипел Павел. Кровь пульсировала в висках, отсчитывая стремительно убегающие в вечность секунды.

— Жива, — коротко ответил доктор, прошел, не коснувшись взглядом, мимо Павла и опустился за стол, За Ритин стол...

— Да расскажите же наконец, — не выдержал Павел тяжести этого повисшего молчания. — Расскажите, как она, что с ней... Что же молчите-то! Как она? Что с ней будет?

Врач наконец поднял на него глаза:

— Вы присядьте, Павел Алексеевич. Присядьте, и я вам сейчас все подробно расскажу.

Павел, с трудом сдерживая себя, пододвинул стул и опустился напротив. Старшая медсестра Ирина так и стояла у него за спиной, не шевелясь.

— Видите ли... Исход при ожогах зависит от многого. В первую очередь от распространенности глубоких поражений тканей. Большое значение в этом случае имеет возраст пострадавшего. Чем человек моложе, тем успешнее проходят процессы регенерации. В данном случае ситуация не выглядит слишком безнадежной. У Маргариты Станиславовны площадь глубоких ожогов составляет около восемнадцати процентов. Это, конечно, превышает норму безопасности, но в то же время и не достигает критической отметки.

— Что значит критическая отметка?

— Критическая отметка — это от двадцати до двадцати девяти процентов. При таком

количестве глубоких поражений погибает примерно треть пациентов. Поэтому в данном случае шанс есть. Посмотрим, как будет идти процесс регенерации. Одно могу сказать: сейчас состояние ее очень тяжелое. Даже если она выживет...

— Она выживет! — перебил его Павел. — Вы ведь сами сказали...

— Да-да, конечно. Поверьте, Павел Алексеевич, мы сделаем все возможное. Она выживет. Но и в этом случае ей предстоит очень длительный, очень тяжелый процесс выздоровления. Сейчас мы уже начали делать ей внутривенные вливания плазмы и белка. Потребуется также постоянное введение множества лекарственных жидкостей и противовоспалительных средств. Все необходимые препараты в больнице имеются... А в дальнейшем, после освобождения ожоговых ран от омертвевших тканей, мы будем подготавливать их для пересадки кожи. Когда рана очищается, на нее пересаживают собственную кожу больного.

— И это все?

— Нет, это еще не все. Поймите, заживление ожоговых ран еще не означает полного выздоровления пострадавшего. Нельзя исключать возможность нарушения функций многих важных органов и систем.

— Чем это грозит?

— Я не могу делать сейчас никаких прогнозов. Бывают разные случаи. Может выявиться тугоподвижность суставов, рубцовые деформации, трофические язвы, влекущие за собой ограничение трудоспособности и даже инвалидность... Нет-нет, не пугайтесь так сильно. Я говорю сейчас в общих чертах. Все это отнюдь не обязательно должно случиться. Пока еще трудно прогнозировать ситуацию. Завтра она станет более определенной, и я смогу сказать вам, чего можно ждать в дальнейшем. Но самое главное — ее жизнь почти вне опасности.

— Скажите, доктор, — тихо спросил Павел. — Эти ожоги... Они... Они у нее на лице?

— Нет. На лице нет ожогов. Большая часть поражений на спине, есть незначительные ожоги на правом плече и правом бедре. После пересадки кожи останутся рубцы, но со временем их не будет заметно. В принципе позже можно будет сделать пластическую операцию и все это убрать... Но пока рано еще об этом думать.

— Да, конечно. Спасибо вам, доктор. Скажите, а я могу... Я могу увидеть ее?

— Она сейчас без сознания. Это результат болевого и целевого медикаментозного воздействия. Она не сможет с вами разговаривать...

— Это не важно. Я просто хочу увидеть ее и побыть рядом с ней. Если это возможно...

— Конечно. Ирина, проводи Павла Алексеевича в палату. Только дай ему халат, пусть накинёт...

— Спасибо вам, доктор.

Она лежала на больничной кровати. Опутанная, как паутиной, сетью тонких прозрачных шлангов, которые вливали в нее из каких-то баночек — жизнь.

— Рита, — прошептал он и опустил на колени. Спрятал лицо в больничной простыне, окутавшись запахом хлорки, полностью уничтожившим такой родной запах ее кожи. Ее губ, ее

волос, которые всегда пахли свежим хлебом.

— Рита...

Он чувствовал ее дыхание — пугающе тяжелое, хриловатое, болезненное. Она никак не реагировала на его присутствие. Она была здесь и в то же время где-то далеко, совсем далеко отсюда, Рита теперь как будто смотрела на него с высоты, смотрела отстраненным и равнодушным взглядом. Павел почувствовал этот взгляд, направленный на него из недоступного сознанию мира, и ужаснулся. Ужаснулся оттого, что не увидел в глазах жены ни боли, ни страха расставания. Но самое главное — он не увидел в них желаний возвращаться обратно. Он не увидел в них желаний жить...

— Ты справишься, Рита, — дрогнувшим голосом произнес он. — Справишься. Ты ведь не оставишь меня, не сможешь оставить меня здесь, одного;.. Как я смогу жить без тебя, Рита? Знаешь ведь, не проживу, не сумею...

За окном шумел ветер. Осколок неба, вырезанный оконной рамой из бесконечности его пространства, был сплошь усыпан звездами, едва различимыми уже на посветлевшем фоне.

— Ты справишься, Рита, — снова повторил Павел. Потому что иначе все как-то глупо, бессмысленно получается. Какой может быть смысл в жизни, если нет в ней Риты? Молчишь...

Он ласково и нежно, едва касаясь, дотронулся руками до ее холодной щеки.

— Знаю, я виноват. Я виноват перед тобой, прощения мне нет и «быть не может» Я ошибался... Господи, неужели должна быть такой высокой цена прозрения? Теперь, когда я понял наконец, что ты единственная на свете женщина, которую я люблю, ты — самая дорогая, что ты — это жизнь моя, спокойствие, моя радость, Рита... Неужели это должно было случиться, чтобы я вспомнил наконец, как люблю тебя, как сильно в тебе нуждаюсь? Это ведь ком жестоко. Слишком жестоко, Рита...

Она по-прежнему лежала неподвижная и бледная, по-прежнему не слышала его или просто не хотела слышать.

И тогда он стал тихим шепотом рассказывать ей историю — о том, как много лет назад одна смелая и девчонка решила бросить вызов трусливым парням, она плыла, преодолевая силу течения, преодолевая ей собственный страх, целых три километра по Волге. И плыл вслед за ней такой же молодой и отчаянный парень, который ужасно боялся утонуть, но еще сильнее, чем за себя, боялся за нее. Который бросился вслед за ней, потому что вдруг понял: если с ней что-нибудь случится, он должен быть рядом. Он должен спасти, оградить от беды во что бы то ни стало. В тот момент он не думал, что и сам может не справиться с силой течения и утонуть. Он знал, что не утонет. Потому что не мог позволить себе оставить ее одну...

— Ты помнишь, Рита, — шептал он, уже не пытаясь сдерживать слезы. Никто не увидит этих слез, никто не осудит его за эту слабость. — Помнишь...

За окном светлело небо, а он все продолжал рассказывать ей свою долгую историю. День за днем, месяц за месяцем, год за годом. Нежно прикасался пальцами к ее лицу к волосам, разлетавшимся по подушке алым пламенем. Теперь он знал совершенно точно: Рита слышала его. Никто, ни один самый опытный врач не смог бы убедить его в том, что это невозможно. Павел знал: Рита слышит его. Никто, ни один самый опытный врач не смог бы убедить его в том, что это не возможно.. Он слышал ее голос, видел ее тихую улыбку. Он звал ее за собой, протягивал к ней руки и шептал:

— Вернись, прошу тебя. Вернись ко мне, Рита. День и ночь я буду молить тебя о прощении. Пусть на это уйдут долгие месяцы, годы. И если даже ты так и не сможешь меня простить, все равно, не оставляй меня. Прошу тебя, Рита, не оставляй...

Он не замечал ничего вокруг себя. Ни времени, ни пространства. Была только она — единственная на свете женщина, самый дорогой для него на этой земле человек. Она боролась сейчас за то, чтобы выжить. А он, как когда-то, просто был рядом. Для того, чтобы в любой момент прийти ей на помощь...

Он не услышал, как еще час назад скрипнула за спиной дверь палаты. Не оглянулся и не увидел сына, который вошел и замер в двух шагах, так и не решившись подойти ближе.

Не посмеив нарушить его молитву о спасении.

Из дневника Валерии последняя запись

Все-таки странно устроен человек. Ведь я знала, что все так и случится. Что все будет так, а не иначе. И все же в тот момент, когда захлопнулась за ним дверь, я вдруг поняла, что надеялась. До самого последнего момента надеялась...

Глупо всё это. И ни к чему теперь уже вспоминать. Закончилась моя история, нет больше девушки Светы, нет Насти, нет Сергея... Ничего больше нет. Я просыпаюсь по утрам, хожу на работу возвращаясь с работы...

Наверное, ничем уже теперь не заполнить эту пустоту в душе. Просто придется со временем к ней привыкнуть. Помню, когда-то давно я прочитала в какой-то книге: люди ошибаются, думая, что они непременно должны быть счастливыми. От этого, наверное, все беды... Мы стремимся быть счастливыми, уверенные в том, что именно для этого и родились на свет: А когда не получается, когда счастье не дается в руки, пролетает мимо, равнодушно задев крылом, нам начинает казаться, что жизнь не состоялась... На самом деле, наверное, нужно смотреть на мир по-другому. Нужно понять и примириться с тем, что счастье — редкий подарок, бесценный подарок. Что это не какая-нибудь медаль за доблестный труд, которую можно заслужить. Не медаль, не место на пьедестале почета... Счастье прихотливо, ему нет дела до того, что кто-то заслужил, а кто-то совсем не заслужил его. У него, видимо, свои взгляды на этот счет, свои понятия...

Я утешаю себя тем, что у меня остались воспоминания. Когда нет будущего, наверное, только это и остается — жить прошлым, находить в нем надежду и утешение. Почти два месяца прошло с тех пор, как мы расстались. Но я так отчетливо помню каждую мелочь, каждую деталь. Закрываю глаза и слышу его голос, вижу его глаза, его улыбку. А потом, очнувшись от этих воспоминаний, долго не могу прийти в себя, снова не могу поверить в то, что случилось...

И так почти каждый день. Сколько уже этих дней было... Они проходят мимо меня, похожие друг на друга, принося с собой одну только тоску и боль. Кажется, время остановилось, перестало дробиться на привычные отрезки, превратившись в один непрерывный поток этой бесконечной тоски и боли...

Первую неделю я жила, как во сне. Я почти перестала воспринимать действительность, полностью погрузившись в свой плоский мир. Лишь изредка вырываясь за пределы этой плоскости, я вдруг обнаруживала себя на работе, сидящей за столом среди вороха каких-то бумаг. Видела лица людей, глаза, которые смотрели на меня порой с жалостью, порой с раздражением. А иногда я даже страх замечала в этих взглядах, а меня обращенных. Не

знаю, может быть, и правда пугающее впечатление я на людей производила. Мне-то привычным уже казалось это лицо, которое я изредка видела в зеркале. Бледное, темные круги под глазами. И глаза — пустые, совсем ничего не выражающие. Глаза — зеркало души, в которой, кроме пустоты, ничего не осталось больше.

Заканчивался рабочий день, я шла по улице, садилась в автобус и очень часто проезжала мимо остановки, на которой должна была выйти. Этот дом, эти стены теперь казались мне абсолютно чужими. Сначала я и оттуда хотела сбежать, как сбежала когда-то из нашей квартиры, где все напоминало о Насте. Здесь все напоминало а Сергея, о расставании. Только ведь не зря говорят: от себя не убежишь. Глупо прятаться от предметов, от стен, когда боль живет внутри. Где бы ты ни находился она все равно не исчезнет. И тогда я решила вернуться домой. Я вдруг совершенно отчетливо поняла, что пришло время. Что нужно взять себя в руки перестать наконец прятаться от того, от чего спрятаться невозможно, и попытаться начать какую-то новую жизнь... Новую жизнь на старом месте. Я захотела вернуться домой...

Сначала страх был сильнее. Несколько дней я боролась с собой, уговаривала себя, внушала себе, что у меня получится, что я сумею, но все было напрасно. Я все откладывала и откладывала этот момент, как откладывала еще недавно разговор с Сергеем. Я пыталась убедить себя в том, что там, дома, у меня все же были счастливые моменты. Моменты, связанные с детством, с тем далеким временем, когда мы жили вчетвером, когда все еще были живы — и папа, и мама, и Настя. Там, дома, я жила в любви. Я жила — любовью. А те несколько месяцев, проведенных здесь, я жила только ненавистью, болью, разочарованием. И все же долго не могла я решиться вернуться домой...

Это получилось случайно. В тот вечер, очнувшись на какой-то короткий промежуток времени от мыслей своих тягостных, я вдруг увидела над головой у себя огромного паука. Я с детства боялась пауков, они всегда внушали мне какой-то панический ужас, ощущение неотвратно надвигающегося несчастья. Раньше с пауками всегда боролась Настя. Она совершенно спокойно брала паука за тонкие лапки — брезгливо, кончиками пальцев, но в то же время совершенно спокойно. Насти никогда не убивала пауков, потому что кто-то сказал ей, что это плохая примета. Летом она выбрасывала их за окно, зимой просто выпускала за дверь.

Паук висел прямо над моей головой. Я, содрогаясь от страха и отвращения, потянулась к нему. Страшно было до него дотрагиваться, только еще страшнее было оставлять его висеть на потолке. Я смахнула его с потолка тряпкой — и в этот момент нечаянно задела гитару, висящую на стене.

Гитара качнулась и упала вниз на пол. Струны издали гулкий звук...

А потом я как будто выпала из окружающего мира. Этот звук все стоял у меня в ушах, все звучал и звучал не смолкая. Было такое ощущение, что он повис в воздухе, каким-то образом растворился в его молекулах и обрел вечную жизнь. И никуда уже теперь мне от него никуда не деться, так и будет он вечнопреследовать меня, будить по ночам, находить в каждом уголке, проникать внутрь меня, как бы сильно я ни зажимала уши.

И в этот момент я почувствовала, что приблизилась к критической черте. Подошли вплотную к порогу безумия... Говорят, что люди, которые сходят с ума, не замечают этого, не чувствуют. А я в тот вечер почувствовала. Потому что где-то в глубине — души проснулось слабое сомнение: ведь не может такого быть. Звук не может существовать вечно, это просто болезнь моя заставляет меня слышать его.

Я пыталась себя убедить в этом. Но ничего не получалось. Не знаю, может быть, это просто давление у меня подскочило, но кровь шумела в ушах. Я забыла уже и про паука, и про гитару, которая так и лежала на полу. Быстро переоделась, даже ни одной вещи с собой не взяла, только тетрадку эту свою в сумку бросила и ушла...

Помню, первое, что меня поразило, когда я открыла дверь и зашла в квартиру — кактусы на подоконнике. Так и стояли они, зеленые, и даже вырасти успели за то время, пока меня не было...

Вот так я вернулась домой к Настиным картинам, к Настиным вещам. От одних воспоминаний — к другим воспоминаниям, от одной боли — к другой. Первые несколько дней я вообще ни к чему не прикасалась, спала на диване, даже постель не стелила. Ходила по квартире, как по музею. На третий день вдруг телефон зазвонил. Я бросилась к нему — подумала, что это Сергей. Сама себе удивилась: ведь сколько времени уже прошло, я даже не думала, что надежда моя, оказывается, до сих пор жива осталась. Но оказалось, что это звонили с работы. Вот ведь до чего меня мое безумие довело: я даже забыла о том, что мне на работу ходить нужно.

Взяла себя в руки. Сказала, что плохо себя чувствовала, извинилась. На следующий день встала утром пораньше, привела себя в порядок, волосы уложила, даже губы накрасила. Пришла на работу и вдруг заметила, что мне рады... Улыбаются все, спрашивают о самочувствии... Я что-то отвечаю, пытаюсь улыбаться в ответ. Потом с удивлением замечаю, что целый час уже прошел, я все это время архив разбирала, и так сильно меня занятие это поглотило, что я не вспоминала ни разу о своих несчастьях... А ведь и не думала уже, что когда-нибудь у меня это получится!

Вернулась домой, пыль везде протерла, полы помыла, вещи по местам разложила. Кактусы полила, хоть и знала, что не нуждаются они зимой в поливке. Просто так полила, чтобы они поняли: я вернулась... В общем, привела квартиру в порядок, только в Настину комнату Заходить все еще боялась. Не стала себя заставлять — решила, что не время пока еще. Потом поужинала. Ужином это, конечно, назвать было трудно: съела один апельсин и выпила чашку кофе. И стала думать, что же дальше мне со своей жизнью делать.

Трудная оказалась задача. Почти неразрешимая. Долго я над ней билась, несколько вечеров подряд. А решить сумела только тогда, когда вдруг увидела случайно зеленый росток в цветочком горшке. Горшок на подоконнике стоял. Там раньше бегония росла. Только она завяла полностью, пока меня не было. Совсем высохла, но я ее тоже полила в тот день, когда кактусы поливала. Так, на всякий случай, бегонию я, конечно, спасла. А росток этот зеленый не могла понять откуда он взялся...

А потом вспомнила. Как-то вечером мы с Настей пили чай на кухне, и они семечко лимонное в горшок закопала. Сказала:

— Может, вырастет? Представляешь, Лерка, будут у нас свои собственные лимоны на подоконнике. Чай пить с лимонами будем, начинки для пирогов делать...

Вот ведь как бывает. Настя моей нет уже на свете, а семечко лимонное проросло. Я снова его полила и поближе к солнцу поставила. И поняла что мне с моей жизнью делать нужно. Не такая уж и сложная это была задача. Нужно просто — жить.

На следующий день мне предложили командировку в Москву, в центральный архив. Я подумала и согласилась. Поездка эта вполне сочеталась с моим новым девизом — жить...

Зашла к соседке, оставила ей ключи от квартиры и попросила ее присматривать за мой лимонным деревом.

Пять дней я была в Москве, вернулась домой, увидела, что дерево мое подросло. Хоть и не похоже еще было на дерево, но и ростком уже его назвать нельзя было. Я еще посмеялась тогда над собой. Подумала: вот ведь по-разному люди спасаются от одиночества. Кто-то собаку себе заводит, кто-то кошку, а я вот дерево лимонное завели...

С того самого дня, как я домой вернулась, одна мысль не давала мне покоя. Я все вспоминала Павла и чувствовала, что мне перед ним извиниться нужно. На занятия я давно уже не ходила. Первое время вообще даже не вспоминала про университет, а потом поняла, что не смогу снова прийти и увидеть его... Думала — пройдет время, мне легче станет, сумею я себя перебороть и поговорю с ним. Но время шло, а я все не решалась. Представить себе не могла, как в глаза ему смотреть буду... И злилась сама на себя из-за трусости своей, только никак у меня не получалось с ней справиться.

В жизни бы никогда не подумала, что он сам мне позвонит.....

Вздрыгнула я от этого звонка. Я всегда вздрагиваю, когда в квартире телефон звонит. Слишком редко это бывает, Раз — другой в неделю бабушка позвонит, спросит, как у меня дела, а больше никаких сигналов из внешнего мира не поступает. В тот день бабушка мне уже звонила, а спустя час я снова звонок услышала. Сняла трубку — там тишина была. У меня в сердце кольнуло: Сергей...

Странная вещь — надежда, странное существо — человек. Никак я от себя такого не ожидала. Не думала никогда, что через два месяца после расставания у меня все еще останется надежда... Глупо, нелепо: Сергей...

У меня так стучало сердце, чуть из груди не выскочило. А потом я услышала голос Павла:

— Здравствуй, Лера...

Я его сразу узнала. Сразу встало передо мной лицо его, глаза его — добрые, грустные. Господи, как больно мне стало! Как мучительно захотелось вернуть время назад, изменить, исправить...

— Здравствуйте, Павел Алексеевич, — выдавила из себя не своим голосом. В тот момент я и не подумала, откуда он вообще этот номер телефона узнал, .

— Я спросить хотел: ты почему на занятия ходишь? Сессия ведь скоро, тебя отчислить могут, тебя все нормально?

Спокойно он так со мной разговаривал, как будто не случилось ничего между нами.

— У меня все нормально. Я приболела немного, но теперь... Теперь выздоровела...

— Так приходи. Что ж ты пропускаешь?

Я молчала.

— Лера, — сказал он мне. — Лера, я все знаю. Мне Сергей рассказал. Только ты не вини себя слишком но, и моей вины с меня не снимай. Я ведь еще больше, чем ты, виноватым себя чувствую... И не плачь, не надо.

Как это он слезы мои почувствовал — понять могу. И правда, текли они по щекам, только я не всхлипывала, не рыдала...

— Не плачь, — повторил он. — Что было, было. Не изменишь, не исправишь. Я знаю, ты от жизни натерпелась... Только ведь нужно жить дальше...

— Нужно жить дальше, — повторила я его слова. Я знаю. Только не знаю, что мне сделать, чтобы вы меня простили.

— Ничего не нужно делать, Лера. Мне тебя прощать не за что, поверь. Я себя простить не могу. Меня Бог наказал за то, что я чуть было жену не бросил... Она ведь.

Он замолчал. Я спросила:

— Что с ней? Что случилось с Ритой?

— Ник чему тебе все это, Лера. С Ритой все в порядке. Сейчас уже все в порядке. Три недели назад из больницы ее выписали. Она во время пожара сильно пострадала. Но ее спасли.

Как я это услышала — почувствовала, что снова мои кошмары ко мне возвращаются. Вспомнила свое лимонное дерево и поняла, что мне судьба его безразлична...

— Лера, Лера, ты меня слышишь? Господи, зря я тебе все это сказал... Ну подумай, ведь ты здесь ни при чем. Совершенно ни при чем!

Долго он меня уговаривал. Как маленького ребенка — терпеливо, настойчиво. Не знаю — как, только получилось у него. Сумел он кошмары мои прочь прогнать, сумел успокоить...

— Так что ты приходи на занятия. Не нужно тебе учебу бросать, ты ведь способная, у тебя потенциал хороший. А со всем остальным — справишься. И не думай — нет у меня к тебе злости, и обиды тоже нет.

— Спасибо вам. Спасибо огромное... Я ведь все собиралась сама вам позвонить. Все готовилась к этому разговору, только слов подобрать никак не могла. Может так никогда бы и не решилась. Хорошо, что вы позвонили..

Тут только я вспомнила про то, что никогда не давала ему номера телефона. И спросила... Лучше бы не спрашивала. Потом поняла, только поздно уже было. Я спросила, и он ответил:

— Это же Настин номер... Он у Сергея в записной книжке записан.

— У Сергея, — повторила я. Сделала над собой усилие, постаралась, чтобы голос звучал равнодушно. — Он кажется, уезжать собирался. Уехал?

— Уехал, — ответил Павел. — Сейчас в Москве работает.

— В Москве, — эхом отозвалась я. И уже не знала, что сказать дальше.

И Павел молчал — видимо, не хотел говорить на эту тему. Или, может быть, тоже слов подобрать не мог.

— Что ж, замечательно...

— Ты приходи на занятия, Лера, — напомнил он мне. — Обязательно приходи.

Конечно, плакала я в тот вечер. Долго лежала, уткнувшись лицом в подушку и редела. И на следующий день сама не своя была и долго еще не могла в себя прийти. Снова мне пришлось над той же задачей поломать голову, и в этот раз она мне еще более неразрешимой показалась. Слишком тяжело оказалось с последней надеждой прощаться...

Но как-то я сумела справиться. Не знаю, может, работа мне помогла: у нас из пяти человек в архиве тогда только двое работали, остальные на больничном сидели, и приходилось очень много работать. Некогда было посиделки вдвоем с тоской своей устраивать. Потом я за учебники засела, заставила себя все их от корки до корки проштудировать. Снова пошли дни своим чередом. Подростало мое лимонное дерево...

И я поверила в то, что жизнь моя продолжается. Забыла свои ночные кошмары, загнала поглубже тоску безоглядную. Последний шаг на этом долгом пути оставалось мне сделать — открыть наконец Настину комнату. Войти туда и окончательно убедиться: в том, что жизнь идет своим чередом...

Напрасно я это сделала.

Открыла дверь, увидела снова — Настину кровать, Настину тумбочку, книжки в шкафу, губные помады, разбросанные на туалетном столике... «Справлюсь!» — сказала себе и сделала шаг. Второй, третий. На тапочки ее наткнулась, которые возле кровати стояли. Снова сказала себе: «Справлюсь!» — и еще один шаг сделала, хоть и чувствовала, что не доведет до добра меня все это... Ведь чувствовала же!

Только теперь это все не важно. Теперь уже не имеет значения. Потому что случилось уже, и не исправишь, не изменишь.

Там, на полу, возле дивана, я его и увидела. Этот череп в железной каске, с пустыми глазницами. И услышала, как наяву, голос: «Вот она, жизнь твоя... Смотри на нее, не отводи взгляда»

И я смотрела. И не отводила взгляда.

Теперь я знаю — не вырваться мне из этого замкнутого круга. Нет и не будет спасения мне. Какой смысл продолжать эту пытку? Зачем она, эта бесконечная череда дней и ночей, зачем этот мучительный извилистый путь к неминуемому концу? Напрасно я пыталась судьбу одолеть. Нет больше у меня сил бороться, нет больше сил — жить... Ни сил, ни желаний. Ничего не осталось.

Спрягав за спиной букет темно-бордовых роз, Сергей нажал на кнопку звонка. Дверь открыл отец, в глазах его отразились изумление и радость:

— Сережка! Ничего себе, сюрприз! Почему не предупредил, что приедешь?

Для рукопожатия пришлось протянуть левую руку. Правую Сергей продолжал держать за спиной, ожидая, когда же наконец появится мама,

— Рита! Рита, где ты там! Ты посмотри, кто приехал!

— Господи! — Рита всплеснула руками и бросилась к сыну на шею. — Сережка!

— Это тебе, мама. — Сергей протянул букет, несколько еще не успевших растаять снежинок сверкали на бутонах крошечными бриллиантовыми осколками.

— С ума сошел, это сколько же денег такой букету стоит! — Она всплеснула руками.

— Много, — улыбнулся Сергей. — И все же никакой в мире букет тебя недостойн. Ты как считаешь, пап?

— Полностью с тобой согласен, — улыбнулся в ответ отец. — Какими судьбами?

Сергей пожал плечами:

— Рождественские каникулы. Где же еще их проводить, как не дома?

— Да что же мы, так и будем стоять в коридоре? — опомнилась наконец Рита. — Ты проходи, Сережа.

Сергей разулся, повесил на вешалку пальто и прошел в комнату.

— Елка! — присвистнул он, оглядывая празднично наряженную комнату. — Что это вы вдруг' решили елку поставить? Сколько лет уже...

— Да вот решили, — неопределенно ответил Павел.

— Это все отец твой! — усмехнулась Рита... — Как ребенок малый, честное слово. Ты не представляешь, что он тут в новогоднюю ночь вытворял! Какие чудеса показывал...

Павел рассмеялся в ответ:

— Так ведь Новый год! Раз в году бывает. А с елкой как-то уютнее. Правда, Сережа?

— Правда, — ответила за сына Рита. — Только ведь она снова до марта стоять будет. Ты забыл, что для тебя всегда неразрешимой проблемой было ее вынести?

— Ну и пусть стоит до марта. Вот и сделаю тебе на Восьмое марта подарок — вынесу елку...

— Неплохо ты придумал.

Сергей не мог сдержать улыбки, слушая эту шутливую перебранку между матерью и отцом. Оба они были сейчас как дети, как два беззаботных ребенка, поддразнивающих друг друга просто так, ради шутки.

— Мама, я тебе обещаю, если он не вынесет, я сам из Москвы приеду..

— Вот и отлично. Будет повод навестить родителей!

Рита смеялась, смеялся Павел, смеялся Сергей...

— Ты надолго, Сережа?

— Нет, мама, ненадолго. Дня два-три, не больше. Работы много...

— Все у тебя по-прежнему? Все нормально?

— Все замечательно, — кивнул Сергей. — Константин Ильич меня хвалит. Я за это время у него все программное обеспечение модернизировал. Какие там возможности! Как вспомню Альберта — смешно становится...

— Ну и отлично, — похвалил Павел, — Я, кстати, не сомневался, что ты справишься Ну, а в остальном?

— В чем — в остальном? — не понял Сергей. Отец молчал и смотрел недвусмысленно.

— Ах, вот ты о чем, — догадался Сергей. — С этим тоже все в порядке. Через год ждите внуков...

— Сережа! — Рита чуть было не выронила из рук большое блюдо с пирогом. — Ты что это — серьезно?

— А чего ты так испугалась, мама? Через год — это же не завтра. Не хочешь бабушкой становиться? — рассмеялся Сергей.

— Моя жена никогда не будет бабушкой, — вступился за Риту Павел. — Независимо от наличия или отсутствия внуков! И все-таки ты серьезно?

— Конечно... — Сергей выдержал необходимую паузу и договорил: — Конечно, нет! Какие внуки? Из дома — на работу, с работы — домой...

Рита не смогла сдержать вздоха облегчения:

— Что, даже девушки у тебя нет?

Сергей ответил не сразу. Вспомнил Ларису, с которой пару раз ходил в кино. Новый год они отмечали в общей компании, где Лариса неофициально считалась его девушкой. Хотя, кроме двух этих визитов в кино и одного ужина в кафе, пока их больше ничего не связывало.

— Есть девушка, — решил он наконец. — Ларисой зовут. Хорошая девушка. Очень красивая и очень добрая.

Отец почему-то не поверил:

—Что-то ты, Серега, как по написанному говоришь...

— Да отстань ты от него — пришла на подмогу Рита. — Что это еще за допрос с пристрастием? Есть девушка, нет девушки, какая разница? У них ведь знаешь как теперь — сегодня есть, завтра нет, а послезавтра снова есть!

— Да-да, мама, — подыграл Сергей. — Примерно так.

— Ладно, хватит уже, давайте за стол садиться. Ты, Сережка, молодец к пирогам приехал.

— Не к пирогам, а к родителям, — исправил Сергей. — Пирог — приятное дополнение...

— Вот-вот, я и говорю, — согласилась Рита.

Сергей сел, удивившись тому, как это за какие-то десять минут успела мать накрыть такой стол. Кроме пирогов — бутылка шампанского, три зимних салата, курица жареная на большом подносе, разносолы, по которым так тосковал Сергей в Москве.

— Вы прямо как будто знали, что я приеду.

— Я знала, — подтвердила Рита.

- Сейчас опять скажет, что ей сон приснился, — прокомментировал Павел.
- Приснился, представь себе.
- Тебе целительницей нужно было стать, мама,
- Так я и есть целительница, — возразила Рита.
- Ну или как там их — предсказательницей, вот, — поправился Сергей.
- Правильно, — подхватил Павел. — Деньги бы гребла лопатой! Сегодня в моде всякие там привороты и отвороты, гущи кофейные...
- Ладно, папа. Хватит над мамой прикалываться.
- Я над мамой не прикалываюсь, я серьезно говорю. Предсказание судьбы — великая вещь...
- Хочешь Пашка, я тебе сейчас предскажу твою судьбу? Хочешь узнать, что тебя в будущем ожидает? — строго спросила Рита.
- Попробуй, — подзадорил ее Павел.
- Так вот, в будущем... В самом ближайшем будущем, дорогой мой супруг, тебя ожидает страшный удар.
- Страшный удар?
- Да-да. Страшный и очень сильный удар. По голове — ложкой!

С этими словами она взяла в руки ложку и стукнув мужа прямо по лбу.

- Я же говорю — пропадает в тебе предсказательница судьбы! Правда ведь, Сережка? Ну откуда она про этот удар могла знать? — абсолютно серьезным тоном поинтересовался Павел.
- И в самом деле откуда? — поддержал его Сергей. — Мам, а меня что ожидает?
- И тебя то же самое ожидает. Удар по голове ложкой. Если вы оба не угомонитесь...

Все трое наконец рассмеялись, уже не в силах больше поддерживать внешнюю серьезность.

- Ладно, давайте шампанское откупорим. Выпьем за встречу!

Выражение лица у Павла в этот момент было серьезным. Но когда пробка выстрелила прямо в потолок и Рита завизжала от испуга, все трое снова рассмеялись...

Сергей поднял бокал:

- Давайте выпьем за вас. За тебя, мама. И за тебя, папа. За то, что вы у меня такие замечательные, такие мировые родители. За то, чтобы вы всегда были вот такими, как сейчас. Молодыми, радостными.
- Постараемся. Насчет вечной молодости не знаю, но еще лет двадцать — двадцать пять, думаю, продержимся. А там можно и состариться.
- Это еще зачем? — строго спросил Сергей.

— Не знаю. Все в жизни испытать надо. И тоже, правда ведь, Рита?

Рита кивнула, столкнулись и мелодично зазвенели бокалы...

— Пирог у тебя отменные, мама. Сегодня, кажется, вкуснее, чем всегда, — похвалил Сергей.
— огурчики...

— Те самые, между прочим, которые на даче выросли.

— Вот я и говорю, — поддержал Сергей. — Дача — великое дело!

Разговор за столом шел оживленный, без конца прерывали он взрывами смеха. Сергей рассказывал о первых своих московских впечатлениях, снова о работе. Павел вспоминал молодость, студенческие вечеринки. Рита тоже много говорила, вспомнила свой выпускной бал, защиту диплома в медицинском институте и щенка, которого подарил ей отец, когда она окончила третий класс на одни пятерки. Вся эта разношерстная тематика вполне гармонично сосуществовала в одном разговоре, которому, казалось, не будет конца...

— Ладно, мальчики, — вздохнула Рита. — С вами весело, только время уже — половина второго ночи сегодня в шесть встала, итого...

— Итого девятнадцать с половиной часов непрерывного бодрствования, — быстро посчитал Сергей, — же ерунда, мама, в твои-то годы...

— Посмотрим, что с тобой будет в мои годы, философски заметила Рита и поднялась из-за стола. Вы как хотите, а я пошла спать.

— А мы как, хотим? — поинтересовался Павел сына. — Ты с дороги устал, наверное.

— Лично я спал почти всю дорогу. Предпочту помыть посуду и убрать остатки пиршества в холодильник. Потом выпить еще по чашке чая, потом принять ванну...

— Отличная идея, — поддержал Павел. — Ты иди спать, Рита, а мы тут похозяйничаем.

— Похозяйничайте, — милостиво согласилась Рита. — Только чтобы не тяп-ляп, а нормально.

— Постараемся, — согласился Павел — Не знаю, правда, получится у нас?

— Если постараетесь — получится, — заверила его

Оставшись вдвоем, Павел и Сергей перенесли на кухню посуду и остатки салатов. Павел взялся разместить их в холодильнике, Сергей по-хозяйски закатал рукава рубашки и принялся мыть тарелки. Справились они на удивление быстро. Минут через десять уже сидели за кухонным столом, помешивали сахар в чашках с чаем.

Теперь, когда не было с ними Риты, разговор почему-то не клеился. Не то чтобы не о чем было им разговаривать. Просто сама атмосфера как-то изменилась, стала почему-то тяжелой... Сергей знал, отчего это и Павел знал тоже. Он и решился первым сказать о том, о чем и этот момент думали они оба.

Начал Павел издали:

— Послушай, Серёга... Ты серьезно это — про Ларису?

— Про какую такую Ларису? — не понял Сергей.

— Ты сказал, что *девушка* у тебя в Москве есть, — напомнил Павел.

— А, вот ты о чем! Да какая девушка... Так, пару раз в кино ходили. Мне правда, пап, не до девушек теперь. Работы много.

— Работы много? — уточнил Павел. — Или все-таки есть она, другая причина?

Сергей долго молчал. Столько горьких мыслей, столько всколыхнувшейся старой боли хранило в себе это молчание. Наконец ответил:

— Есть. Только что говорить об этом! Если бы что-нибудь от меня зависело...

— А почему ты решил, что ничего от тебя не зависит?

— Потому, папа, что я над прошлым не властен. Изменить его не могу я. Как бы мне этого, ни хотелось.

— Изменить ничего нельзя, это понятно. Только ведь есть другой вариант...

— Другой? Это какой же?

Павел помолчал недолго и ответил:

— Простить.

— Простить, — усмехнулся Сергей, — Да что это за слово такое дурацкое! Что оно значит, не понимаю я. Простить — значит забыть? Разве можно забыть такое?

— Не забыть, а простить, сынок. Простить — это прежде всего значит понять. Попытаться понять человека. Все мы совершаем в жизни ошибки. Никто от этого не застрахован. Ни ты, ни я — в том числе. Вот меня... Меня ведь ты простить сумел? Или — не простил до сих пор?

— Ты — другое дело. Ты мне отец, и потом... У тебя это как затмение было. Ты никаких планов коварных не строил, семью разрушить не пытался, ты сам страдал. Я ведь тогда, в то утро, в больнице целый час за спиной твоей стоял. Когда ты с мамой разговаривал... Я тебя сразу простил тогда. Я твои слова все слышал.

— Слышал, — повторил Павел. — Мои слова ты слышал. А ее? Ее слова?

— Они меня не впечатлили, — сухо ответил Сергей. — Я понимаю, ей тяжело было. Она тоже не слишком-то соображала, что творит. Только что это за оправдание.

— Может, это и не оправдание. Оправдание здесь может быть только одно.

— Какое же?

— Любовь, — серьезно ответил Павел.

— Да брось, папа, — снова отмахнулся Сергей. Какая любовь...

— Я ведь вижу, Сережка. Знаю, что ты до сих пор день и ночь о ней думаешь...

— Думаю! — вспыхнул Сергей и отодвинул от себя чашку с остывшим чаем. — Так что с того? Разве это что-нибудь меняет?

— Не знаю, — согласился Павел. — Одно могу сказать совершенно точно: тебе нужно с ней встретиться. Поговорить.

— Встретиться? Поговорить? О чем, папа!? О чем мне с ней говорить?

— А это даже и не важно. Просто — поговорить...

— Да пойми ты, не смогу я. Я ее когда себе представляю — всегда тебя рядом с ней представляю, понимаешь? Всегда! Думаешь, я смогу забыть?

— Вот именно поэтому тебе и надо с ней поговорить. Увидишь — легче тебе станет!

— Да что ты заладил, — буркнул в ответ Сергей. — Легче, легче... Потерплю, не сломаюсь. Знаешь, говорят, время лечит. Вылечит и меня. Мужик ведь, не баба...

— Сам смотри, — согласился Павел. — Не стану я тебя уговаривать. Только ты уж прости меня — я ведь тоже знал ее достаточно близко.

Сергей скривился. Павел, будто не заметив реакции сына, продолжал:

— Я имею в виду как человека. И могу сказать тебе точно: несмотря на то, что произошло, человек она хороший. Добрый, светлый...

— Да она тебя из семьи увести хотела! — снова взорвался Сергей. — Она посмеяться хотела над тобой, надо мной, над мамой, над нами всеми, а ты говоришь: добрый, светлый!

— И от своих слов отказываться не собираюсь. Могу тебе сказать, что и мама твоя то же самое о ней думает.

— Мама? — удивился Сергей. — Ты все рассказал маме?

— Рассказал, — ответил Павел, опустив глаза. — Рассказал и перед ней повинился. Да она и так все знала...

— И что? Что сказала мама?

— То же самое сказала. Она ведь видела однажды Валерию. Помнишь, вы встретили Риту в тот вечер...

— Помню, и что дальше? Что она сказала?

— Сказала, что девушка эта много страдала. И страдание это ее с пути сбило. А душа у нее добрая и светлая...

— Придурки! — не сдержавшись, выругался Сергей. — Шизики вы оба, вот что я тебе скажу! Блаженные, юродивые!

— Напрасно ты так, — без обиды в голосе снова возразил отец. — Вспомни князя Мышкина у Достоевского.

— О-о! — протянул Сергей. — Ты что же, с Настасьей Филипповной ее сравнивать будешь?

Знаешь, папа, я ведь технарь. Мне вся эта твоя литература-философия по барабану. Недоступно это моему пониманию...

— Ладно, Серега, как хочешь. Как знаешь. Я считаю— сходить тебе нужно к ней. Или хотя бы по телефону...

— Нет же телефона у нее, — напомнил Сергей.

— Есть. Она теперь дома живет. На старой квартире... Там, где с Настей они жили.

— Откуда ты знаешь? — удивился Сергей.

— Вообще-то Валерия — моя студентка...

— Прости, я ничего такого не имел в виду.

— Я понимаю. Так позвонишь, сходишь?

— Нет, — решительно ответил Сергей. — Не пойду. И звонить не собираюсь.

— Дело твое, — снова повторил Павел и перевел разговор на другую тему: — Еще по чашке выпьем? Или спать пойдем?

— Половина третьего. — Сергей посмотрел на часы. — Давай уже спать. Наговоримся еще, будет время.

— Будет, — согласился Павел. — Что ж, спокойной ночи. Тебе мать в твоей комнате постелила.

— Спокойной ночи, — отозвался Сергей, задумчиво провожая взглядом отца. Теперь ему вдруг показалось, что тот заметно постарел за эти два месяца...

Три дня, которые выкроил Сергей на поездку к родителям, пролетели незаметно. В бесконечных разговорах, в шутках и веселье. Один раз они все вместе выбрались на прогулку в городской парк и долго ходили, среди заснеженных деревьев. Разглядывали красногрудых снегирей, в снежки играли, рисовали ветками на снегу какие-то незамысловатые фигуры...

В день отъезда Рита была сосредоточенной и серьезной. Три раза проверила сумку, которую собрала Сергею. Пуховые носки, пуховый свитер, пакет, набитый румяными пирожками с капустой и с повидлом.

— Швом вниз — с капустой, швом вверх — с повидлом, — все повторяла она сыну, — запомнил?

— Запомнил, — кивал Сергей и нарочно все перевирал: — Швом вниз — с повидлом...

— Да нет же! — расстраивалась Рита, а потом, увидев смех в глазах сына, даже обиделась. Правда, несильно и ненадолго.

На вокзал решили сына не провожать. Никто в семье не любил эти проводы возле вагона.

За час до отправления поезда Сергей собрался выходить.

— Что так рано? Здесь полчаса до вокзала доехать, — удивилась Рита.

— Пускай идет, — внезапно вступился за сына Павел. — Прогуляется, воздухом подышит...

Сергей внимательно смотрел на отца. Чувствовал, о чем тот думает, о чем недоговаривает... Даже разозлился немного на него за эти предположения необоснованные, хотел уже было остаться дома еще на полчаса, ..

— И правильно, — вдруг присоединилась Рита. — Прогуляешься, подышишь!

— Ну вы даете! — только и смог произнести в ответ Сергей, поднял с пола сумку и направился к выходу.

— Ну все, дорогие мои. Пишите, звоните. Рано не ждите. Соскучитесь — приезжайте сами.

— И приедем, — ответила Рита. — Вот кончится у Пашки сессия, я возьму на работе за свой счет несколько дней — и нагрянем к тебе!

— Буду ждать, — ответил Сергей. Поцеловал мать в подставленную щеку; задержал в своей руке подольше руку отца.

Деревья, покрытые хрустальным инеем, превращали обычный старый двор в какую-то сказочную страну, красную, кристально чистую и холодную/Сергей спешили к остановке. Только потом, дойдя до нее почему-то сел автобус, который шел в направлении, противоположно вокзалу.

Первое время он настойчиво пытался делать вид, что и сам этого не заметил. Просто не думал об этом, и потом, когда пришло время выходить, спрыгнул с подножки в самый последний момент, прошел несколько шагов вперед и остановился.

«Может, и прав отец. Ведь так тянет в душе, что хоть, в петлю лезь. Сколько же с этим жить можно? Зайду, попрощаюсь. Скажу несколько слов и уйду. Теперь навсегда...»

Снег хрустел под ногами, дышать было легко, и в этой прозрачной тишине он вдруг услышал звук собственного сердца. Сердце стучало, обгоняя ритм его шагов. Сергей шел, а сердце его бежало...

«Нет, так нельзя», — промелькнула мысль. Последняя отчетливая мысль, потому что потом все мысли сбились в кучу, перепутались, слились воедино, как сливаются капли дождя в шумный горный поток. Он уже не знал, зачем, почему делает то, чего делать не собирался. Ведь знал совершенно точно, еще пять минут назад знал: никогда он этого делать не будет. Никогда, ни за что...

Звук шагов гулким эхом отражался от стен. Вспомнилась Кнопка, как они поднимались когда-то с ней по этим ступеням. Один, второй лестничный пролет, третий... И снова спасительная мысль: «Я просто с ней попрощаюсь. Просто попрощаюсь, и все...»

Перед дверью квартиры он остановился. Запоздалая мысль промелькнула в сознании: «Господи, что же я ей скажу? Что?»

Он попытался заготовить несколько фраз. Хотя бы первых, самых первых фраз, самых трудных. Он скажет: «Ну, здравствуй... Здравствуй, Света, Лера, или как там тебя... Вот, пришел попрощаться. Через час уезжаю...» Она что-то ответит. Потом будет легче. Главное — начать...

Он нажал на кнопку звонка и стал напряженно вслушиваться в тишину с той стороны двери. Снова нажал на кнопку, на этот раз подольше задержал на ней палец, и снова ничего, кроме тишины, в ответ не услышал...

Усмехнулся немного грустно: вот ведь как бывает. Наверное, не судьба случиться этой последней встрече. Наверное, ни к чему она. Напрасно отец его уговаривал...

Он все продолжал звонить в дверь. В глубине души почему-то крепло и разрасталось чувство: она его слышит. Он как будто почувствовала близость, как будто кто-то шепнул ему на ухо: «Горячо», и он зацепился за эту подсказку, наверное, просто потому, что больше не за что было ему зацепиться...

Минуты летели. Он уже не убирал палец с кнопки, упрямо звонил в дверь, словно вступил в поединок с судьбой. И он его выиграл...

Дверь распахнулась.

Перед ним стояла она. «Валерия, Света, или как там тебя...» Все заготовки куда-то испарились. Он смотрел на нее и не узнавал ее. Она как будто на сто лет постарела... Промелькнуло воспоминание — девушка в черной косынке.

— Ты? — услышал он наконец ее голос.

Она спросила спокойно, как будто бы ничуть не удивившись его появлению. И взгляд такой у нее был, словно ничего в этой жизни уже ее удивить не способно. Ни удивить, ни обрадовать, ни причинить боль...

— Я, — тихо ответил он, — Здравствуй. Вот, пришел попрощаться...

— Проходи, — так же тихо сказала она и отошла от двери, чтобы пропустить его внутрь.

Кнопкины картинки висели на стенах. Так жутко, так больно стало от этого. Вокруг вообще ничего не изменилось. Он снова испытал то самое чувство, которое сводило его с ума несколько месяцев назад, по дороге из Питера в Саратов. Отчаянно хотелось поверить в то, что сейчас, вот сейчас она выйдет из своей комнаты, улыбнется и скажет ему: «Привет...»

Он оглянулся. Валерия стояла позади и смотрела на него.

— Как ты? — спросил он. — Как ты живешь?

— Не знаю, — эхом ответила она. — Живу как-то. Не думаю как. А ты?

— А я...

Он хотел сказать ей, что и он тоже. Живет как-то, стараясь не думать о том, о чем запретил себе думать раз и навсегда. Но слова не шли с языка, застряли в горле. Они были вдвоем в окружении странных персонажей, с параноидальным любопытством взирающих на них со всех сторон.

— Я сегодня уезжаю. Сейчас.

Она кивнула в ответ и ничего не сказала. Все-таки странно было видеть ее такой. Почти неживой...

Мысль эта острым осколком ледяной глыбы пронзила сердце.

— Лера, — прошептал он. — Скажи, тебе плохо? Тебе сейчас плохо?

Она молчала. Он тоже ничего не смог больше сказать и подойти к ней ближе не смог, несмотря на то что так его к ней тянуло... Он шел вперед, с каждым шагом приближаясь к Кнопкиной комнате. К тому месту, где впервые в жизни увидел Валерию, которая стала потом его ночным кошмаром...

Она не пошла за ним. Ее шаги оборвались в районе двери. Он не видел ее, но чувствовал, как замерла она на пороге...

Кнопкины книжки, Кнопкины губные помады, разбросанные на туалетном столике. Кнопкины тапочки, оставленные возле кровати... Какая-то тетрадь, исписанная торопливым неровным почерком... И вдруг он увидел ее.

Ту самую картину, про которую писала Кнопка в своем последнем письме. Череп в железной каске. Наклонился, поднял с пола. «Воин, — прочитал в углу. — Сальвадор Дали».

Долго стоял, вглядываясь в пустые глазницы... Потом обернулся и увидел ее.

Она стояла в проеме двери. По щекам ее текли слезы.

— Лера, — прошептал он. — Лера...

Она медленно подошла к нему. Слово на ощупь... Он прикоснулся пальцами к ее лицу. Потом прикоснулся губами. Слезы были солеными и горячими...

Эпилог

— Быстрее! Быстрее же! — Он тянул её за руку, проклиная эти тонкие ее каблуки-шпильки, которые скользили по льду. — Лёра, прошу тебя, мы же опоздаем! Мы никуда не уедем! — Я не могу быстрее, Сережа! — откликнулась ока. — Скользящая подошва...

В этот момент она вскрикнула и остановилась. Следуя за ее взглядом, Сергей заметил, что с ногами ее что-то не в порядке. Как-то неровно они стоят на ровном обледеневшем асфальте...

— Что? Что случилось? — спросил он безнадежно, уже почта догадавшись...

— У меня, кажется, снова сломался каблук, — простонала она. Подняла на него глаза и — беспомощно рассмеялась.

Он смотрел на нее. Он пытался быть серьезным. Он напоминал себе о том, что завтра должен быть на работе, что ой не может опоздать, что на него рассчитывают, что у него в конце концов испытательный срок...

— Ну ведь немного совсем осталось. Совсем чуть-чуть, — беспомощно разведя руками, простонал он в ответ. — Ну почему именно сейчас... Иди сюда. Иди, я донесу тебя до вагона...

— С ума сошел! У тебя же сумка...

Он не стал ее слушать. Сумка и правда была тяжелой. Не слишком быстро у него получалось нести обе свои драгоценные ноши...

Метров пятьдесят еще идти оставалось, когда он услышал гудок отъезжающего поезда, а потом увидел, как медленно он пополз по первой платформе.

— Ну вот, — сказал он без эмоций и опустил ее на землю.

— Сережа, прости. — Она прикоснулась к его лицу своей ладошкой в *пушистой* варежке — Прости меня, это я во всем виновата... Мы теперь никуда не поедем?

— Мы поедем! — почти спокойно ответил он. — Поедем все равно. Только на другом поезде. Следующий поезд на Москву, кажется, через три часа...

— Три часа. — Она обрадовалась. — Три часа — это замечательно. Значит, у нас есть время вернуться...

— Придется вернуться. У тебя есть другие сапоги?

— Сапоги? Ах да, сапоги. Есть, конечно. Настины зимние сапоги остались, у нас с ней размер одинаковый. И сапоги заодно переодену. Только не это главное.

— А что? Что главное? Ты снова о работе? Мы же договорились — позвонишь, объяснишь...

— Дерево, — прошептала она. — Мне обязательно нужно взять с собой дерево. Я не могу его бросить...

— Дерево? Ты собираешься взять с собой в Москву дерево?

— Ну да, — подтвердила она. — Дерево.

Он смотрел на нее. Он знал, что любит ее. Что будет любить всегда... Только одного не мог понять; для какой цели ей понадобилось тащить с собой в Москву какое — дерево. Почему это для нее так важно, и собственно, каким образом все это будет происходить?

Но он уже готов был выкорчевывать это ее дерево из мерзлой земли. Если это для неё так важно.

— Лимонное дерево, — донеслось до него. — Оно маленькое совсем. Почти росток. В горшке семечко проросло...

— Да, — ответил он. — Да, конечно. Мы возьмем с собой твое дерево. Все деревья, которые ты захочешь. Только нам нужно поторопиться...